КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ И ПРИЛАДОЖЬЯ

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИЯЛИ КарНЦ РАН)
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

ПЕТРОЗАВОДСК 1978

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Ю. А. САВВАТЕЕВ

© Карельский филиал АН СССР, 1978

От редактора

Материалы данного сборника отличаются от двух предыдущих прежде всего своей тематической направленностью. Они посвящены преимущественно эпохе средневековья. На территории Карелии и северного Приладожья эта эпоха изучена еще слабо, что тормозит решение таких важных вопросов как этногенез карел, вепсов, саамов. Изучение средневековых древностей — одна из главных задач археологов Карелии. Обобщаются накопленные ранее материалы, идут поиски новых памятников, ведутся систематические раскопки. Эти работы и нашли отражение в новом сборнике, подготовленном сектором археологии Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

Сборник открывается кратким очерком развития археологической науки в крае, где освещаются стихийная собирательская деятельность коллекционеров-любителей и работы ученых естественников в предреволюционные годы, основополагающие полевые и теоретические исследования 20—30-х годов, проводимые в основном учеными Москвы и Ленинграда, но главным образом рассматривается археологическое изучение Карелии за период с 1955 г. по настоящее время. Подводятся итоги проделанной работы, критически оцениваются достигнутые результаты, ставятся задачи на будущее.

В собственно средневековой тематике важное место занимает этническая история населения Приладожья. На основании археологических материалов прослеживается территория расселения карел в XII—XIV вв. Курганы на р. Сязнеге, раскопанные в 1970 г., позволили выявить некоторые новые детали этнической истории населения юго-восточного Приладожья.

Интерес археологов к Олонцу тоже не случаен. Этот погост — одно из древнейших поселений на Олонецком перешейке — впервые упомянут в Уставной грамоте Святослава Ольговича 1137 г. К сожалению, следов погоста при раскопках 1973—1975 гг. обнаружить не удалось. Полученный материал в совокупности

с письменными источниками позволил охарактеризовать основные моменты зарождения и развития городской жизни на территории Олонецкого перешейка — строительную практику того времени, планировку, роль традиций древнерусского деревянного зодчества, особенности формирования в этой части северной Руси города как военно-административного и торгово-ремесленного центра. В итоге хронологические рамки сборника раздвинулись до XVII в.

На поселении Суна VI, расположенном почти в устье р. Суны, у д. Часовенская люди селились минимум дважды. Первый раз в I тыс. до н. э. в эпоху распространения в Карелии сетчатой керамики, когда в инвентаре поселения бытовали еще разнообразные каменные орудия, а затем в X—XI вв. н. э. Это второе поселение принадлежало переселенцам, начавшим проникать в южную Карелию из юго-восточного Приладожья известного многочисленными курганами.

Новые материалы, собранные в последние годы, расширяют источниковедческую базу исследования эпохи разложения первобытнообщинного строя, раннего и развитого средневековья. Особенностью этих исследований является их комплексный характер: наряду с археологическими данными широко привлекаются свидетельства письменных источников, данные языкознания, фольклора, этнографии и др. дисциплин.

И все же главное, что тормозит изучение многих проблем средневековой истории края — скудость источников, в том числе и археологических. К сожалению, прирост их все еще идет медленно. Поиски средневековых памятников в условиях Карелии наталкиваются на большие трудности. Слабо изученным остается предшествующее время — почти все I тыс. н. э. Лишь в самые последние годы прирост памятников этого времени оживился. Начались широкие их раскопки. Выявлены выразительные археологические комплексы.

Принимаются все меры к тому, чтобы в ближайшие годы ликвидировать разрыв между первобытными и средневековыми древностями, проследить последовательное развитие культуры, начиная от первоначального заселения, имевшего место около 11 тысячелетий назад и вплоть до XIV—XV вв.

Ю. А. Савватеев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

Краткие обзоры археологической изученности — неотъемлемая составная часть почти всех монографических работ, посвященных древнейшему прошлому Карелии. Порою они появлялись в связи с юбилейными датами, но и в этом случае отвечали внутренней потребности науки время от времени подводить итоги проделанной работы, критически оценивать ее результаты и обсуждать задачи на будущее[1]. Подобную цель преследует данная статья, в которой сделана попытка показать становление археологической науки в крае, современное ее состояние и, наконец, ближайшие перспективы.

При невиданном доселе размахе полевых работ обновление самих источников и вытекающих из них выводов происходит настолько быстро, что опережает возможность их своевременной публикации. Все больше внимания уделяется охране и использованию памятников археологии. В этих условиях регулярная информация о ходе археологического изучения республики и открываемых памятниках становится насущной потребностью.

Интерес к древностям Карелии пробудился еще в XIX в. Выражался он прежде всего в коллекционировании каменных орудий и изделий. Как правило, это было увлечение, не преследующее серьезных научных целей. Но оно рождало и подлинных энтузиастов, внесших серьезный вклад в изучение каменного века, таких как начальник Олонецких горных заводов Н. Ф. Бутенев (1803—1870), собравший самую богатую в России коллекцию каменных орудий. К 1869 г. в ней насчитывалось более 400

---

[1] *Летонмяки Л.* О древней истории Карелии.— В кн.: Десять лет Советской Карелии. 1920—1930. Петрозаводск, 1930, с. 21—51; *Брюсов А. Я.* Археологическое изучение Карело-Финской ССР за 30 лет.— В кн.: Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. Петрозаводск, 1948, с. 143—152; *Панкрушев Г. А.* Археологическое изучение Карелии.— В кн.: Научная конференция Ин-та ЯЛИ Карельского филиала АН СССР, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Петрозаводск, 1968, с. 28—45.

орудий, поступивших в основном из Повенецкого и Пудожского уездов [2].

Неутомимой собирательницей зарекомендовала себя П. С. Раевская. Обширные ее коллекции из Заонежья, с берегов Сямозера, рек Шуи и Суны и многих других мест обогатили собрания Эрмитажа. Подобным коллекционированием в 60—70-е годы занимались П. Рыбников, П. Лерх, Е. Барсов и др., а позднее Л. В. Пякконен, тоже ориентировавшиеся главным образом на столичные музеи и научные учреждения [3]. С организацией Олонецкого естественно-промышленного и историко-этнографического музея археологические находки стали поступать и сюда. Всего с 1871 по 1884 гг. в дар музею из Повенецкого, Пудожского, Вытегорского и Петрозаводского уездов передано около 20 предметов.

В изучении древностей Олонецкого края заметный след оставил разносторонне одаренный ученый И. С. Поляков (1847—1887), открывший во время своих зоолого-географических исследований стоянки на восточном побережье Онежского озера, в устье р. Водлы, у Муромского монастыря, на берегах оз. Тудозера и т. д. [4].

Находки орудий и других следов древнего прошлого заставляли задумываться над тем, что за люди оставили эти странные предметы, нередко принимаемые крестьянами за «громовые стрелы», когда и как они жили. Н. Ф. Бутеневу, например, казалось, что сколько-нибудь длительных поселений здесь, на севере, не существовало, что орудия встречаются только единичными экземплярами и никогда не сопровождаются керамикой. И. С. Поляков доказал существование на Тудозере и в других местах древних стоянок каменного века, хотя и не признавал за ними большой древности, предполагал существование на севере свайных построек. Он полемизировал и с М. А. Кастреном, полагая, что древние жители края были «не финского, а другого племени». Особенностью этих первых дискуссий была их широкая глас-

---

[2] *Бутенев Н.* Об исследовании каменного века в России.— Тр. I археологического съезда. 1871, т. I, с. 184—186.

[3] *Уваров А.* Археология России. Каменный период. Т. 2. М., 1881, с. 28—35; *Брюсов А. Я.* История древней Карелии. М., 1940, с. 206—264; *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. М.—Л., 1961, с. 514—534.

[4] *Поляков И.* 1) Каменный век в России. Живописная Россия, 1881, т. 1, ч. 1; 2) Исследования по каменному веку в Олонецкой губ., в долине р. Оки и на верховьях Волги.— Зап. Русск. географ. о-ва по Отд. этногр. Т. IX. СПб., 1882, с. 1—164.

О работах И. С. Полякова см. также Олон. губ. вед. 1871, № 55, 91, 98; 1872, № 46.

ность. «Олонецкие губернские ведомости» постоянно перепечатывали материалы центральных изданий, освещали собирательскую деятельность, музейные поступления[5], что пробуждало и поддерживало определенный интерес к древнейшему прошлому.

Первым опытом использования материалов сборов для научного изучения многих сторон жизни и быта древнего населения стала монография проф. А. А. Иностранцева, посвященная приладожским стоянкам[6]. Правда, появление ее не привело еще к развертыванию археологических исследований в Олонецкой губернии.

С середины XIX в. началось изучение наскальных изображений Онежского озера. Видимо, первым для науки их открыл геолог К. И. Гревингк, который по поручению Академии наук с мая по октябрь 1848 г. проводил «геогностическое исследование» по берегам Онежского озера и на п-ове Канин Нос. На восточном берегу Онежского озера с помощью местных жителей он нашел «три ранее неизвестные ученым группы картин». Вскоре с ними знакомится и преподаватель петрозаводской гимназии П. Швед. Продолжительное время их краткие описания и несовершенные копии служили единственным источником сведений об «олонецких резьбах на камне», все больше привлекавших внимание ученых. Теперь, благодаря архивным документам, стало известно еще об одной копии, выполненной по распоряжению Олонецкого губернатора пудожским уездным землемером Н. В. Юматовым в июне 1849 г. Разыскать ее пока не удалось.

В 1877 и 1878 гг. финский лингвист и археолог Д. Е. Европеус провел небольшие раскопки «чудских» курганов в Лодейнопольском уезде, а в 1879 г. им исследовался один из шести курганов по р. Олонке около Ильинского погоста. Однако и эти работы не получили продолжения. В конце XIX в. Т. Швиндт проводит раскопки могил в районе Хийтолы, Куркиек, Лахденпохья и Сортавалы.

Отдельные статьи и сообщения в местных изданиях свидетельствуют, что древности Олонецкого края в начале XX в. не были забыты вовсе[7]. Более того, они начинают привлекать

---

[5] См. Олон. губ. вед. за 1866, 1867, 1871, 1873, 1874, 1876, 1878—1880, 1882, 1884, 1886, 1908, 1910 гг.

[6] *Иностранцев А.* Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб, 1882.

[7] *Галченко А.* О каменном веке и его остатках в Олонецкой губ.— Изв. о-ва изучения Олонецкой губ. Петрозаводск, 1913, т. 1, № 1, с. 3—27; *Шидловский А. Ф.* Доисторические памятники на восточном берегу Онежского озера.— Изв. о-ва изучения Олонецкой губ. Петрозаводск, 1914, т. III, № 1—2, с. 1—10.

внимание финских и скандинавских исследователей. Г. Хальстремом в 1910 и 1914 гг. осуществлена полная и совершенная по тому времени копировка онежских петроглифов. Время от времени поступают случайные находки. Но все это были эпизодические работы. Они целиком зависели от настроения и желания отдельных лиц, как правило, приезжих.

И все же собирательская деятельность коллекционеров, работы ученых-естественников, кратковременные посещения Олонецкого края археологами оставили глубокий след. Найденные ими многочисленные следы каменного века давали надежные ориентиры будущим исследователям, убеждали в богатстве северных областей памятниками археологии.

После Великой Октябрьской социалистической революции изучение древней истории отсталых окраин царской России стало не только важной научной, но и политической задачей. Правда, пренебрежительное отношение к археологии севера еще давало о себе знать: «...Некоторые старые археологи... открыто высказывались против всяких археологических работ на севере, как совершенно якобы бесполезных»[8],— вспоминал А. Я. Брюсов, один из зачинателей советской археологии, избравший полем своей научной деятельности Европейский Север. Толчком для начала его работ в Карелии послужило одно неожиданное открытие. Летом 1926 г. ленинградский студент-этнограф А. М. Линевский нашел в низовье р. Выг Бесовы Следки — первую группу наскальных изображений Беломорья. И уже на следующий год полевые работы здесь начинает А. Я. Брюсов. Если А. М. Линевский главной темой исследований избрал петроглифы, то А. Я. Брюсов ставил перед собой более широкую задачу— охватить археологическими работами всю территорию Карелии, всесторонне изучить ее памятники и на этой основе воссоздать подлинную древнюю историю. В решении ее приняли участие и другие сотрудники научных учреждений Москвы и Ленинграда.

В 1927 г. «палеоэтнологические» разведки в районе онежских петроглифов проводит геолог Б. Ф. Земляков, открывший новую группу рисунков на о. Б. Гурий и следы нескольких стоянок. На протяжении 12 последующих лет он неоднократно обращался к археологической тематике, всегда рассматривая памятники первобытной эпохи в неразрывной связи с геологией послеледникового времени[9]. В 1930 и 1933 гг. Б. Ф. Земляков участвует

---

[8] *Брюсов А. Я.* Археологическое изучение ..., с. 144.

[9] *Земляков Б. Ф.* 1) Доисторический человек Северо-Западной области в связи с ее геологией в послеледниковое время.— ДАН СССР — А, 1928, № 5, с. 85—90; 2) Отчет о работах (Археологические находки на строитель-

в работах на Беломорско-Балтийском канале. В районе Медвежьегорска и Повенца им вместе с Н. Анциферовым, Г. И. Горецким, Л. Твороговым было открыто более 20 разновременных поселений эпохи родового строя, обладающих особо благоприятными возможностями для «теснейшей увязки с геологией и геоморфологическими данными», т. е. для «точной геологической датировки». Несколько из них, располагавшихся на большой высоте, далеко от современного уреза воды, отнесено к «арктическому палеолиту», т. е. мезолиту. К сожалению, этот смелый вывод был скептически встречен археологами.

В 1938—1940 гг. успешные работы на северо-восточном побережье Онежского озера проводит Н. Н. Гурина. Еще А. Я. Брюсовым и Б. Ф. Земляковым была осознана научная ценность локальных скоплений разновременных стоянок для разработки хронологии и выявления основных этапов развития древней культуры. Очень убедительно на материале повенецких стоянок показала это и Н. Н. Гурина. Она раскопала здесь несколько поселений разных эпох, в том числе Войнаволок IX и Оровнаволок, содержащие медные орудия и изделия. Вместе с А. Я. Брюсовым, раскопавшим в 1930—1932 гг. «бронзолитейную мастерскую» Усть-Томица под Петрозаводском, Н. Н. Гурина положила начало изучению эпохи раннего металла в крае [10], опровергнув представление, что древние северные племена перешли прямо от каменного века к железному на поздней стадии развития.

Большой вклад в изучение древнейшего прошлого Карелии внес В. И. Равдоникас. В 1936—1938 гг. под его руководством проводились раскопки уникального Олений островского могильника на Онежском озере, материалы которых позднее опубликованы Н. Н. Гуриной [11]. Все в этом памятнике необычно: расположение

стве Беломорско-Балтийского канала).— В кн.: Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. I. М.—Л., 1935, с 11—22 (Изв. Акад. истории материальной культуры. Вып. 109); 3) Неолитические стоянки восточного берега Онежского озера.— В кн.: В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. М.—Л., 1936, ч. 1, с. 111—141.

[10] *Гурина Н. Н.* 1) Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера.— КСИИМК, 1940, вып. 7, с. 28—36; 2) Результаты работ археологической экспедиции в Карело-Финской ССР в 1940 г.—КСИИМК, 1941, вып. 9, с. 114—120; 3) Энеолитические поселения у Повенца Медвежьегорского района.— В кн.: Археологический сборник. Петрозаводск, 1947, с. 59—74; 4) Поселения эпохи раннего металла на северо-восточном берегу Онежского озера.— Там же, с. 75—85; 5) Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера.— МИА, 1951, № 20, с. 77—142.

[11] *Равдоникас В. И.* Неолитический могильник на Онежском озере (Предварит. сообщ.).— Сов. археология, 1940, № 6, с. 46—62; *Гурина Н. Н.* Олений островский могильник.— МИА, М.—Л., № 47, 1956.

на крохотном островке, значительная площадь, обилие могил и разнообразие погребального обряда, относительно хорошая сохранность скелетов, большое число находок, включающих уникальные предметы искусства и культа, и, наконец, как теперь выясняется, глубокая его древность. Заметим кстати, что история открытия могильника начиналась на три года раньше принятой даты. В конце 1933 г., а затем в 1934—1935 гг. технический руководитель известковых разработок Бородкин доставил в Карельский краеведческий музей вещи из разрушавшегося карьером могильника. Сообщение 1936 г., проверенное Н. Н. Виноградовым и послужившее непосредственным толчком для начала раскопок, является третьим по счету.

В те же 30-е годы сразу несколькими исследователями (А. М. Линевским, А. Я. Брюсовым, В. И. Равдоникасом), велось изучение петроглифов Карелии. В предельно сжатые сроки В. И. Равдоникас подготовил и издал двухтомную публикацию, которую Г. Хальстрем нашел «прекрасной и чрезвычайно достойной похвалы», изданной с завидной быстротой [12]. Она сыграла основополагающую роль в формировании еще одной отрасли советской археологии — петроглифоведения. Более того, В. И. Равдоникас нашел немало новых петроглифов. Особенно впечатляющим явилось открытие Залавруги — большого скопления наскальных изображений Беломорья, расположенных всего в 1,5 км ниже по течению от Бесовых Следков, тоже на открытой и даже более доступной скале.

Наименее изученными оставались средневековые памятники. Лишь изредка, и то попутно с исследованием соседних территорий, привлекали они внимание ученых в прошлом. Кроме упомянутых уже работ Д. Е. Европеуса на р. Олопке, также и у д. Капшейлы, после него курганы копал какой-то приезжий археолог. Но кто он, где материалы раскопок — неизвестно. Т. Спрелиус в 1906 г. раскапывал отдельные погребения в районе Лахденпохья. В северо-западном Приладожье, в районе нынешних пос. Куркиеки, г. Лахденпохья и Сортавала небольшие разведки и раскопки в конце XIX в. провел Я. Аппельгрен. Упомянем еще серию случайных находок и кладов — вот, пожалуй, и все, что сделано по изучению памятников средневековой эпохи на территории современной Карелии. Н. Клеве в 1927—1928 гг. и Е. Войонман в 1936—1938 гг. изучали могильники в Куркиеках. Позднее небольшие раскопки у г. Сортавалы и по р. Видлице провела Э. Кивикоски.

---

[12] *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. М.—Л., 1936 и 1938, ч. 1 и 2.

На рубеже 20—30-х годов предметом исследования В. И. Равдоникаса стали курганные древности Приладожья и с неизбежностью привели его в Карелию. Здесь в 1929 г. производились раскопки 22 курганов, давшие значительный материал X—XIII вв. Тогда же найдено несколько насыпей на реках Тулоксе и Видлице, в которых были вскрыты единичные погребения. Но раскопки их откладывались на будущее.

В своих трудах В. И. Равдоникас набросал программу будущих исследований средневековой истории Карелии, подчеркнув особо важную роль памятников железного века. Высказывалась уверенность, что средневековые памятники в Карелии имеются, «хотя, по-видимому, и не в очень большом числе» [13]. Необходимыми признавались хорошо поставленные разведочные работы и полный научный учет памятников, прежде всего известных по случайным находкам, таких как «чудские ямы», остатки жилищ и поселений, «городки», могильники и курганы и т. д. Разведкам и раскопкам предполагалось придать широкий размах и организованность, чтобы постепенно охватить ими всю Карелию и привлечь «широкие массы местного населения».

Но еще до начала таких систематических работ на материале гораздо лучше изученных районов юго-восточного Приладожья В. И. Равдоникас попытался осветить ключевые проблемы происхождения и развития средневековой карельской культуры. Он установил, что приладожские курганы X—XI вв. заходят в Карелию, хотя и не смог еще определить насколько далеко, а о территории Карелии до X в. сказать что-либо определенное вообще не решался «по причине полного отсутствия находок». В. И. Равдоникас касался неоднократно этнической принадлежности курганов. Вначале он связывал их с весью, а позднее «с финнами», т. е. с летописной корелой [14]. Богатая, но более поздняя карельская культура XII—XIII вв. воспринималась исследователем как преемственное развитие культуры приладожских курганов.

По предположению ученого на обширной территории Приладожья и Белозерья в I тыс. н. э. жила, вероятно, однородная в социально-культурно-языковом отношении финно-угорская народность, правда, не представленная еще массовыми археологическими находками. Именно здесь, по мысли В. И. Равдоникаса, начинается расцвет приладожской культуры и формирование

---

[13] *Равдоникас В. И.* Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии. — В кн.: Карелия. Ежегодник Карел. гос. музея за 1928 г. Т. I—II, 1931, с. 55.

[14] Там же, с. 67.

карельской народности, которой и принадлежат приладожские курганы. Новгородцы заставили карел сдвинуться на север — за Свирь и западнее — на побережье Ладожского озера. Их центры из юго-восточного Приладожья передвинулись теперь к нынешнему Приозерску и на р. Вуоксу, где в XII—XIV вв. распространяется яркая карельская культура.

Предложенная гипотеза была шире самих фактов. Не все в ней подтвердилось. Но и сейчас она привлекает внимание постановкой актуальных проблем средневековой истории. Углубленная разработка их требовала систематических полевых работ, осуществить которые в те годы не удалось. Правда, в 1934 г. Г. П. Гроздилов и Н. Н. Чернягин раскопали пять курганов на северо-восточном берегу Онежского озера у д. Челмужи. Но ни эти работы, ни интересные раскопки более 170 курганов А. М. Линевским на р. Оять в 1947—1949 гг. так и не привели еще к планомерным исследованиям средневековых памятников Карелии.

В целом 30-е годы займут особое место в истории археологического изучения края. Именно тогда впервые начались целенаправленные разведки, которые привели к открытию около 100 памятников в разных районах Карелии: на северном берегу Онежского озера, в низовье р. Суны, у пос. Соломенное под Петрозаводском, на озерах Машезеро и Лососинное. Начались широкие их раскопки. Особенно большой и ценный материал дал Оленеостровский могильник, стоянки Суна I, Войнаволок VII, IX, Оровнаволок, Усть-Томица, «Святилище» в низовье р. Выг и др. В научный оборот вводятся петроглифы Карелии. Никогда еще здесь не работало почти одновременно столько известных исследователей: А. М. Линевский, А. Я. Брюсов, В. И. Равдоникас, Б. Ф. Земляков, Г. И. Горецкий, Н. Н. Гурина и др.

Поиски и раскопки памятников нацеливались на решение кардинальных вопросов древнейшего прошлого Карелии. А. Я. Брюсов стремился дать «описание исторических судеб населения с древнейших времен до наших дней». А. М. Линевский пытается «воссоздать формы морского и озерно-речного хозяйства», дать «реконструкцию идеологических форм». В. И. Равдоникас, опираясь на петроглифы и прилегающие к ним стоянки, стремился восстановить формы первобытного мышления и мировоззрения, реконструировать «существеннейшие черты хозяйства, культуры и быта» их творцов. Над хронологией памятников, типологией их инвентаря успешно работает Н. Н. Гурина. Археологические памятники наряду с данными этнографии, фольклора, языкознания и т. д. рассматривались как важный источник изучения древней истории обитавшего здесь населения.

В конце 30-х годов появляются книги А. Я. Брюсова, А. М. Линевского, В. И. Равдоникаса [15]. Печатается серия интересных статей Б. Ф. Землякова, Н. Н. Гуриной и др. Труды этих авторов отличают исторический подход к материалу, применение марксистско-ленинской научной методологии к интерпретации археологического материала, сочетание полевых работ с углубленной теоретической разработкой важнейших вопросов археологии севера, оптимистический настрой, вера в возможность новых интересных открытий. Они давали мощный импульс дальнейшим исследованиям, неожиданно прерванным Великой Отечественной войной.

Высоко оценивая результаты полевых и теоретических работ предвоенных лет, мы, естественно, видим и недостатки. Часть из них была обусловлена общим уровнем науки того времени. Разведочные работы велись от случая к случаю и охватили лишь небольшую часть Карелии, преимущественно побережье Онежского озера. Результативность их в целом была невелика. Впечатляющее и сейчас открытие стоянок у Медвежьегорска и Повенца, в низовье р. Суны, далеко от современного уреза воды, не привело еще к целенаправленным поискам на древних берегах озер и рек. Раскопки широкими площадями только входили в практику. Подавляющее большинство исследованных памятников относилось к эпохе неолита и датировалось в узких пределах начала III — середины II тыс. до н. э. Время с конца II тыс. н. э. археологическими источниками было почти не освещено [16].

На выдвинутых гипотезах и теоретических построениях чувствуется налет социологического схематизма, некоторый отрыв от конкретных источников. Уровень источниковедческого анализа массового материала (это касается и орудий, и керамики, и петроглифов) в целом оставался недостаточно высоким. Наконец, и на полевых и на теоретических работах лежит печать незавершенности.

Сразу же после победоносного окончания войны археологические работы в крае возобновляются. В 1946—1948 гг. А. Я. Брюсов обследует остатки Олений-островского могильника, продолжает раскопки стоянок в низовье рек Выга и Суны и на том полевые работы в Карелии прекращает. В наброске программы

---

[15] *Брюсов А. Я.* История древней Карелии.— Тр. ГИМ. М., 1940, вып. 9. *Линевский А. М.* 1) Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1939, ч. 1; 2) Очерки по истории древней Карелии. Петрозаводск, 1940, ч. 1.

[16] Наглядное представление о степени изученности Карелии дает археологический сборник, подготовленный к печати летом 1941 г., но изданный в 1947 г. Он был призван ознакомить широкие круги читателя с данными, которыми располагает советская археология по древней истории Карелии.

дальнейших исследований он рекомендовал прежде всего проведение стационарных раскопок серий поселений, частично уже обследованных, например, в низовье р. Суны, у пос. Повенец и т. д. В качестве особо важной задачи ставилось отыскание памятников от начала I тыс. до н. э. и до курганного периода. В том, что они существуют и будут найдены, хотя и потребуют «не одного года изысканий», ученый не сомневался. А. Я. Брюсов считал необходимым организовать систематические поиски петроглифов, расширить разведки и раскопки средневековых и более поздних памятников XVII—XVIII вв. В числе первоочередных теоретических проблем им ставилось определение границ и особенностей жизни племен, населявших Карелию, этногенез карел и вепсов и др.

Начиная с 1948 г. и на протяжении 11 лет систематические полевые работы в Карелии ведет Н. Н. Гурина. Понимая, что территория края ранее изучалась все же несколько односторонне — привлекали внимание главным образом неолитические памятники бассейна Онежского озера — она организует разведки в средней, северной и южной Карелии и открывает 107 новых стоянок, в их числе несколько поселений эпохи мезолита и раннего металла.

Н. Н. Гурина один из авторов «Очерков истории Карелии». По существу ту же задачу — «попытка восстановить хотя бы в главных чертах древнюю историю народа, некогда здесь обитавшего»,— но уже более фундаментально, на новом фактическом материале решает она в монографии «Древняя история Северо-Запада европейской части СССР» [17]. В ней публикуется более 80 новых стоянок, а всего на археологическую карту Карелии нанесено 413 памятников и мест случайных находок. В исследовательской части книги впервые обстоятельно, с привлечением новых памятников (Тумча, Чуйнаволок, стоянки на р. Олонка, Деревянное I) освещена эпоха раннего металла. По-новому решается проблема первичного заселения — «древнейшее население проникло в Карелию в период между VI и IV тыс. до н. э. с запада, вероятнее всего, с территории, ныне занимаемой Финляндией» [18]. Много внимания уделяется датировке. Немало нового вносится в характеристику неолитической эпохи.

Не все из предложенных выводов сохранили свою ценность. В свете новых материалов удается полнее охарактеризовать

---

[17] *Гурина Н. Н.* 1) Первобытнообщинный строй.— Очерки истории Карелии. Т. I. Петрозаводск, 1957, с. 7—39; 2) Древняя история Северо-Запада европейской части СССР.— МИА, М.—Л., 1961, № 87.

[18] *Гурина Н. Н.* Древняя история.., с. 40.

эпоху мезолита, иначе должен решаться вопрос о локальных провинциях эпохи неолита. Слабо изученным оставалось время с конца I тыс. до н. э. до конца I тыс. н. э. Но в целом эта фундаментальная работа обогатила археологию Карелии новыми памятниками и заметно продвинула разработку основных ее проблем.

Даже беглый обзор археологических исследований показывает, что изучение прошлого Карелии до недавнего времени традиционно шло по трем, все более смыкающимся, но все еще достаточно сильно обособленным направлениям. Основное внимание уделялось изучению древних поселений каменного века и петроглифов, интерес к которым то замирал, то разгорался с новой силой. Особое, но очень скромное место занимала эпоха средневековья. Совершенно темным пятном оставалось I тыс. н. э.

Преимущественное внимание к древностям каменного века и наскальным изображениям и несомненные успехи двух этих направлений сделали еще более заметным отставание в изучении средневековых памятников. Оно тормозило разработку таких проблем, как этногенез карел, вепсов, саамов, появление и роль славянского населения в освоении края не позволяло использовать метод исторической ретроспективы. Неравномерность археологической изученности Карелии и по территории, и по основным хронологическим этапам становилась все более нетерпимой.

Для углубленной разработки дописьменной истории Карелии требовались местные кадры, подготовка которых ставилась одной из главных организационных задач. В 1955—1956 гг. в составе сектора истории Института ЯЛИ Карельского филиала АН СССР создается группа археологов, возглавляемая Г. А. Панкрушевым. Позднее организуется сектор археологии и этнографии, а с конца 60-х годов — сектор археологии. В 1977 г. в нем трудилось 7 научных и 7 научно-технических сотрудников. С созданием сектора археологические работы развернулись особенно широко и охватили почти всю территорию республики, а также смежные с ней районы Ленинградской, Вологодской, Архангельской и Мурманской областей.

Всего с 1955 по 1976 гг. включительно на территории Карелии было открыто более 850 памятников. В их числе 661 стоянка и местонахождение разных эпох, 24 селища, городище, 25 грунтовых могильников, 25 одиночных грунтовых могил, 8 железоделательных мастерских, 3 лабиринта, 10 сейдов, 43 группы наскальных рисунков (около 2000 фигур и знаков), 15 каменных куч типа курганов, обследовано 4 медных рудника.

Раскопкам подвергалось 464 поселения разных эпох, на которых вскрыто от 12 до 2748 м² культурного слоя. Кроме того, исследовалось 7 городищ (раскопано 1590 м²), 13 грунтовых могильников первобытной эпохи, 12 курганов и 2 железоделательные мастерские, содержащие 8 железоделательных горнов со следами выделки железа сыродутным способом. Общая площадь раскопов составила примерно 52,5 тыс. м². Изучено более 70 жилищ.

Эффективность разведок повысилась не только в количественном, но и качественном отношении. Если раньше чаще находили полуразрушенные или размытые стоянки, то теперь резко возросла доля непотревоженных поселений, нередко с жилищными впадинами. Наглядным свидетельством прогресса в результативности разведок служит повторное обследование мест, посещавшихся ранее другими исследователями или нами же, таких как побережье Онежского озера, низовья рек Выг и Суны и т. д. Там, где раньше были обнаружены отдельные памятники или небольшие группы, теперь выявлены целые скопления, включающие от 10 до 60 местонахождений: Войнаволок — 37 памятников, Сандермоха — 18, Пиндуши — 23, Черная Губа — 22, Оровнаволок — 28, Шелтозеро — 36, Пегрема — 28, стоянки у Онежских — 26 и Беломорских петроглифов — 54, в нижнем течении р. Суны — 13, у пос. Кудома — 13, на Кудомозере — 16, у пос. Лахта — 13, Малая Суна — 16, по берегам р. Сулгу — 17, на озерах Мярят — 21 и т. д.

Большой интерес вызывает открытие многослойных или двухслойных стоянок, таких как Илекса III и IV, Войнаволок I, Розмега, Шелтозеро I, IV, XI, XXVII и др. Часть из них находится под береговыми валами.

Собранные при раскопках коллекции включают почти 400 тыс. предметов, в том числе 42 918 орудий и изделий из камня (целых и обл.), 356 079 фр. керамики (включая мелкие, нешифрованные обл.), 2 132 изделия из металла (в том числе более 50 медных поделок и кусочков меди), 54 изделия из кости, 218 из глины и 127 из янтаря. Прочие находки — осколки, отщепы и чешуйки камня, косточки и другие, составили 304 685.

Определенный научный резонанс и в нашей стране, и за рубежом получило открытие новых наскальных изображений Беломорья. Здесь, в местечке Залавруга, рядом с петроглифами Залавруги, открытыми в 1936 г. В. И. Равдоникасом, но уже под культурным слоем древнего поселения на площади около 5,5—6 тыс. м² в 1963—1969 гг. выявлено 26 скоплений петроглифов. В них зарегистрировано 1176 изображений — почти вдвое больше, чем во всех известных ранее группах, включая и Бесовы

Следки. Каждое скопление занимает площадь от 0,6 до 36 м² и включает от 5 до 107 фигур. Особенность Новой Залавруги — обилие композиций, посвященных морскому промыслу, охоте на лесных зверей, изредка враждебным столкновениям и каким-то мифологическим сюжетам. Они фиксируют наивысшие художественные достижения монументального искусства Беломорья. Главное действующее лицо этих наскальных полотен — люди и антропоморфные существа — их 183, не считая 782 гребцов в лодках.

Четыре небольших группы (около 50 фигур) найдены на открытых прибрежных скалах безымянных островков на участке между Залавругой и Бесовыми Следками. И, наконец, не доходя 400 м до них, на о. Ерпин Пудас, на самой границе с неолитической стоянкой, тоже под слоем почвы найдено новое полотно длиной 21 м. В нем 155 фигур, образующих не менее 12 композиций, порою весьма сложных и выразительных. Рядом с петроглифами в низовье р. Выг найдено около 60 стоянок, значительная часть которых подвергалась раскопкам. Уникальный комплекс археологических памятников в низовье р. Выг дает ценнейшие материалы для изучения первобытного сознания.

Успешные полевые работы 1967—1975 гг. у онежских петроглифов тоже существенно изменили представление об этом изобразительном комплексе. Его границы сильно раздвинулись в западном и особенно в северном направлении. Удалось отыскать 11 новых групп (пять из них на островах), включающих более 250 фигур. Пополнились новыми изображениями и все известные ранее скопления. Общая протяженность онежского комплекса вдоль берега составляет теперь 20,5 км. А самая дальняя из 6 островных групп находится в 6,5 км от берега. По соседству с петроглифами, а иногда и совсем рядом с ними открыто 26 разновременных стоянок, часть которых подвергалась раскопкам. Сделана попытка вычленить те из них, что предшествовали петроглифам, существовали одновременно или почти одновременно с ними и, наконец, возникли уже после того, как рисунки прекратили функционировать.

Столь значительное обогащение петроглифов Карелии вновь заметно усилило интерес к ним и ставит перед исследователями немало проблем. Одной из первоочередных признается конкретно-исторический разбор хода изобразительной эволюции в Беломорье и на Онежском озере, семантика петроглифов, установление достоверной связи между рисунками и археологическими комплексами окружающих стоянок с целью уточнения возраста и выяснения этнокультурной принадлежности памятников.

В тщательном исследовании нуждаются начальная и заключительная фазы наскального творчества.

Археологи Карелии вели работы и за пределами республики, прежде всего на территории Кольского п-ова. Здесь по берегам р. Воронья в Ловозерском р-не, рек Нива и Колвица у Кандалакши и в других местах найдено более 80 стоянок эпох мезолита, неолита, раннего металла. Значительная часть из них подвергалась раскопкам Ю. В. Титовым, П. Э. Песонен, А. В. Анпилоговым [19]. Всего вскрыто около 4 500 м². Успешной была разведка по р. Северной Двине от г. Котласа до Архангельска. В ходе ее найдено 11 стоянок, часть из них со следами жилищных впадин. Еще более результативными оказались разведочные работы Г. А. Панкрушева на территории Вологодской области, где на берегах озер Кукозеро, Кемозеро и Куштозеро найдено более 50 богатейших стоянок эпохи неолита и раннего металла. Следы размытых стоянок в большом числе найдены нами по южному побережью Онежского озера. За пределы Карелии нередко выходят и исследования по средневековой тематике.

Одним из важнейших и признанных достижений сектора является открытие и изучение большого числа мезолитических памятников. Особо значимая заслуга в изучении мезолита Карелии принадлежит Г. А. Панкрушеву [20]. Опираясь на выводы Б. Ф. Землякова, исследователь разработал свой метод датирования стоянок по высотным отметкам, который успешно использовал и при разведках. В результате задача накопления мезолитических памятников, казавшаяся весьма трудной, была решена в очень короткий срок. Стало возможным прогнозирование их местоположения.

К настоящему времени на территории Карелии известно

---

[19] *Титов Ю. В., Анпилогов А. В., Лобанова Ю. И.* Кольская археологическая экспедиция.— АО 1974 г. М., 1975, с. 41—42; *Анпилогов А. В.*: 1) Раскопки в Мурманской области.— В кн.: АО 1970 г. М., 1971, с. 13—14; 2) Раскопки на р. Воронья в Мурманской обл.— В кн.: АО 1971 г. М., 1972, с. 12—13; 3) *Анпилогов А. В., Титов Ю. В.* Новые археологические находки на Кольском п-ове.— Сов. археология, 1972, № 4, с. 236—247; 4) Раскопки на р. Воронья Мурманской обл.— В кн.: АО 1972 г. М., 1973, с. 7; 5) Раскопки на р. Воронья Мурманской обл.— В кн.: АО 1973 г. М., 1974, с. 5—6; 6) *Песонен П. Э.* О двух древних поселениях в низовье р. Нива.— Сов. археология, 1977, № 1, с. 126—138.

[20] *Панкрушев Г. А.* 1) Докерамические стоянки Карелии и вопрос о ее заселении.— Скандинавский сборник. Т. VII. Таллин, 1963; 2) Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964; 3) Применение данных неотектоники для датировки древних поселений.— В сб.: Новые памятники истории древней Карелии. М.—Л., 1966, с. 5—43; 4) Неолитические племена Карелии.— МИА, 1973, № 172, с. 66—74; 5) Неолит и мезолит Карелии. Л., 1978, ч. 1. (Ч. 2 в печати).

4 могильника и около 200 стоянок эпохи мезолита. В их число мы включаем и более 30 стоянок без керамики, открытых Н. Н. Гуриной и отнесенных ею к неолиту. Но, вероятнее всего, большинство из них имеют позднемезолитический возраст. Самые ранние мезолитические памятники, расположенные на северном берегу Онежского озера, датируются Г. А. Панкрушевым по высотному графику концом X тыс. до н. э. и, таким образом, относятся еще к плейстоцену: Медвежья Гора X, Мянь-гора I, Повенчанка I и II. Это были временные стойбища небольших кочующих групп охотников на диких северных оленей. Пришли они, скорее всего, из более восточных районов по бассейнам рек Северной Двины и Онеги. В VIII тыс. до н. э. население Карелии заметно увеличивается и проникает в освободившуюся от ледника южную часть северной Финляндии. Раннемезолитические стоянки характеризуются кварцевым инвентарем, близким или даже аналогичным аскола культуре Финляндии.

К аскола культуре, кроме названных, Г. А. Панкрушев относит еще 4 стоянки между г. Медвежьегорском и пос. Повенец: Повенецкая IV и V, Костище, Мянь-гора II и 22 стоянки в нижнем и среднем течении р. Кеми, у пос. Авнепорог, Кривой Порог, Подужемье: Авнепорог I—XII, Кривопорожская I—II, Подужемская I, Ia, IIa и III, Вочаж I—IV; 18 из кемских стоянок подвергались раскопкам; на каждой вскрыто от 12 до 396 м². На стоянке Авнепорог X, например, раскопано 260 м², Авнепорог VI — 332, Авнепорог IV — 384, Подужемская Ia — 396, Вочаж I — 212 м², а всего — почти 3000 м². Маломощный (10—15 см) и слабо выраженный культурный слой беден находками — от 6 до 57 орудий на стоянку. Общее число их 461. Преобладают скребки — 131, резцы — 121 и отбойники — 86. Но изредка встречались и кварцевые рубящие орудия — топоры, тесла, стамески, долота, а также скребла и скобели, ножи и ножевидные пластины, осколки с ретушью и прочие изделия.

В середине — второй половине VII тыс. до н. э. появляются стоянки суомусъярви культуры с кварцево-сланцевым инвентарем, просуществовавшей до середины IV тыс. до н. э. Г. А. Панкрушев рассматривает ее как вторую фазу длительного автохтонного развития аскола культуры. Их значительно больше — 89. Преобладают те, что с кварцево-сланцевым инвентарем. Они имеются в низовье р. Кеми — 4, в бассейне озер Ондозера, Сегозера, Елмозера и Селецкого — 7, в верховьях р. Суны — 2, по берегам Онежского озера — 56, в бассейне Сямозера — 10, в северо-западном Приладожье — 3 и в других местах.

Раскопкам подвергались 28 памятников, включая 2 могильника, но лишь на 10 вскрыто свыше 100 м²: Сулгу IV — 196 м²,

Пегрема VIII — 120, стоянка Олений Остров — 336, Шелтозеро III — 112, Путкинская V — 368, Путкинская Va — 472, Подужемская II — 432. Общая площадь раскопов 4 700 м².

Особенно широкий размах раскопки мезолитических стоянок получили на п-ове Оровнаволок северо-восточного побережья Онежского озера — длинном (9,5 км) и узком мысу с серией хорошо выраженных береговых валов и террас, на котором в очень четкой последовательности расположены 22 разновременные стоянки, одиночные могилы, каменные кладки и т. д. Из 10 мезолитических стоянок значительным раскопкам подвергались Оровнаволок XIV — 88, Оровнаволок XI — 368, Оровнаволок XII — 404 и, наконец, Оровнаволок IX — 980 м². Это наиболее полно раскопанный в Карелии мезолитический памятник с территорией около 5000 м². На ней прослеживалась 21 впадина овальной или округлой формы. Вскрыто 8 овальных впадин, 2 печи-каменки, хозяйственные ямы, 20 кострищ. В 6 впадинах оказались основания жилищ подпрямоугольной формы площадью 24 м²; на месте двух — кострища полузакрытого типа.

Каменный инвентарь стоянки включает 3 262 орудия и изделия и 8 713 кусков, отщепов и осколков камня. Преобладают орудия и изделия из кварца — 2 566. Реже использовался сланец — 286 и совсем редко кремень — 74. Подавляющее большинство орудий и изделий (2 274) — скребущие и режущие. Значительным числом представлены рубящие орудия и обломки из сланца — 252 (из кварца же всего 49), много абразивов — 153, встречались грузила для сетей — 15 и целый ряд оригинальных изделий. Ретушь, шлифовка, пиление, сверление, техника скола — все эти приемы обработки камня использовались жителями поселения, датируемого VI тыс. до н. э. Тщательно просмотрев костный материал в виде массы мелких, длиной не более 3—5 см, кальцинированных косточек, В. Ф. Филатова установила, что свыше 200 из них имеют следы обработки, а 53 — явные изделия — подвеска, игла, части составных крючков, обломок наконечника и т. д. Предположение о широком использовании в мезолите кости и рога нашло таким образом новое подтверждение.

Первые признаки постепенного перехода к оседлому образу жизни, совершавшегося на протяжении VI—V тыс. до н. э., появляются еще в конце VII — начале VI тыс. до н. э. в виде слегка углубленных в землю жилищ. Два из них вскрыты на стоянках Повенецкая III и II. На полу одного оказалась каменная вымостка — древнейшая из зафиксированных кладок. Появляются и первые могильники. В основе перехода к оседлости лежит, видимо, возрастание продуктивности охоты, связанное с расширением ее объектов, совершенствованием приемов и способов добы-

чи зверя (появление лука, развитие коллективных форм и способов добычи зверя), а также возрастанием удельного веса рыболовства, особенно в неблагоприятные для охоты периоды года.

Во второй половине VII—VI тыс. до н. э. зарождается самобытная сланцевая индустрия. Распространяются рубящие орудия, при обработке которых, кроме сколов, используется и шлифование, вначале в виде заточки лезвия, а позднее и всей поверхности орудия. Широкое применение находят шлифовальные плиты и точильные бруски, пилы, по-прежнему много скребков, резцов, ножевидных пластин, часто встречаются нуклеусы, осколки с ретушью и др. Появляются наконечники стрел, грузила и грузики для сетей, проколки, кирки и другие типы орудий.

В особую группу Г. А. Панкрушев выделяет мезолитические памятники того же времени, но с кремневым инвентарем, принадлежавшие пришлому с юга населению. Они известны главным образом по берегам Онежского озера: стоянки Пиндуши XIV, Ялгуба V, Уя II, Шелтозеро XXV—XXVI и бассейна Водлозера: Нижняя Колонжа II, Илекса III—IV, Усть-Охтома. Четыре памятника подвергались раскопкам (площадью от 64 до 380 м^2), на которых вскрыто 780 м^2 и собрано 1 201 орудие и изделие: резцы — 269, скребки — 287, ножевидные пластины — 414, осколки с ретушью — 206, наконечники стрел и копий — 25 и т. д. В эту же группу Г. А. Панкрушев включает и известный Олене-островский могильник.

Теперь лучше представлена памятниками и неплохо изученная ранее эпоха неолита. За условный нижний ее рубеж принято появление и распространение керамики, начавшееся примерно в середине IV тыс. до н. э. Была ли она местным изобретением или заимствована — сказать трудно. Выясняется, однако, что ранний ее пласт — керамика сперрингс — очень специфичен и обладает яркими местными признаками — частое использование в ее орнаменте оттисков рыбьих позвонков и т. д.

Из 347 неолитических памятников 145 содержат сперрингс, но лишь 41 имеет чистый ее комплекс. На 38 зафиксирована, кроме того, и ямочно-гребенчатая керамика, а 64 содержат три и более типа. Это стоянки с перемешанным культурным слоем, на которых люди селились неоднократно.

На 306 поселениях представлена ямочно-гребенчатая керамика, но лишь 134 имеют чистый ее комплекс. На 38, как указывалось, вместе с нею встречалась сперрингс, а на 131 представлены разновременные, перемешанные в едином культурном слое комплексы. Лишь на трех стоянках, по мнению Г. А. Панкрушева, имеется бесспорно неолитическая асбестовая керамика: Лахта II, Сандермоха IV, Пиндуши I.

Раскопкам подвергалось 23 стоянки с чистым комплексом сперрингс — вскрыто 2 015 м²; 39 стоянок с чистым комплексом ямочно-гребенчатой керамики — 4 780 м², 26 с двумя этими типами — 3 479 м² и 84 — со смешанными разновременными комплексами — 11 360 м², а всего — 21 634 м².

Полнее всего раскопаны: из ранненеолитических стоянок с чистым комплексом сперрингс — Пески III — 208 м², Сандермоха IV — 212, Сулгу II — 252, Сулгу III — 236; из стоянок с чистым комплексом ямочно-гребенчатой керамики — Вигайнаволок I — около 2000 м², Бесовы Следки II — 200, Путкинская III — 260; с двумя сосуществующими типами керамики (сперрингс и ямочно-гребенчатая) — Ерпин Пудас I — 348, Оровнаволок VI — 264, Путкинская II — 478, Соломенное VII — 240 и, наконец из стоянок со смешанным комплексом — Бесовы Следки III — 388, Вознесенье I — 264, Золотец I — 256, Илекса III — 474, Илекса IV — 220, Илекса V — 524, Кладовец II — 400, Кудома X — 504, Кудома XI — 348, Курмойла I — 316, Лахта II — 764, Лахта III — 312, Малая Суна I — 360, Малая Суна IX — 268, о. Шойрукшин — 212, Пегрема II — 908, Сулгу III — 278, Сулгу Va — 274, Суна I — 512.

Рост числа выявленных поселений с чистыми комплексами керамики, раскопки их широкими площадями, изучение жилищ и хозяйственных комплексов, появление могильников — все это значительно обогатило наши представления о неолитической эпохе в крае.

Наряду с памятниками культуры сперрингс, существовавшими в Карелии с середины IV до конца III — начала II тыс. до н. э., очень рано, с конца IV — начала III тыс. до н. э., распространяются стоянки с ямочной керамикой так называемого льяловского типа, исходной областью которой пока считается волго-окско-клязьминское междуречье. Уже на самых ранних памятниках, чаще всего в комплексе со сперрингс или ранней ямочной представлена и гребенчатая керамика: Оровнаволок VI, Войнаволок IX, Пиндуши III. Столь раннее появление гребенчатой орнаментации нуждается в объяснении.

Неоднородность этнокультурного состава населения ранних этапов неолитической культуры, которая стала наблюдаться еще в мезолите, обусловила своеобразие последующего исторического развития. Происходит процесс сближения и слияния местного и пришлого населения, отражением которого и служит широкое распространение почти по всей территории Карелии стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой, оказавшей некоторое влияние на исчезающую сперрингс. Но воздействие сперрингс на ямочно-гребенчатую ощущается весьма слабо. Напротив,

каменный инвентарь, особенно сланцевый и кварцевый, был воспринят и широко использовался пришлым населением. Формы и типы его не претерпели кардинальных изменений, хотя развитие их продолжалось. Правда, как полагает В. Ф. Филатова, некоторые типы сланцевых орудий, например топор русско-карельского типа, были привнесены [21]. Во внутренних районах Карелии, наиболее удаленных от кремневой зоны, поступление кремня было совсем небольшим, а то и вовсе прерывалось. На многих неолитических стоянках кремня почти нет, и все производство орудий ориентировалось на местное сырье: сланец, кварц, песчаник, кварцит и т. д.

В неолитических коллекциях растет число привозных или изготовленных по образцу привозных вещей, свидетельствующих о широких связях с окружающими районами,— янтарь, сланцевые кольца, крумммейсели и др. предметы. Возникновению их способствовало и появление новых групп населения, какое-то время сохранявших связи с исходными территориями, а также развитие первобытного обмена.

До самого последнего времени одной из наиболее слабо изученных оставалась эпоха раннего металла, под которой понимался длительный отрезок времени от первого знакомства с металлом (медью или бронзой) до появления и распространения железа. Даже после работ Н. Н. Гуриной, стремившейся заполнить этот пробел, было известно не более 10 стоянок. Теперь число их увеличилось почти до 300. Появились и могильники.

Широкие раскопки, выявившие новые серии металлических предметов (хотя и сравнительно небольшие) и следы металлообработки, позволили по-новому осветить начальные этапы металлургии в крае [22]. Выяснилось, в частности, что первым металлом, с которым познакомились жители Карелии, была местная самородная медь, которую начали добывать и использовать методом

---

[21] *Филатова В. Ф. 1)* К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистыми комплексами керамики сперрингс и позднемезолитических.— В кн.: Археологические исследования в Карелии. Л., 1972, с. 10—33; 2) Русско-карельский тип орудий в неолите Карелии.— Сов. археология, 1971, № 2, с. 32—38; 3) Комплекс орудий Олений-Островской стоянки на Онежском озере.— КСИА, 1971, вып. 126, с. 132—139; 4) Каменные орудия неолитических поселений с керамикой сперрингс в Карелии.— Сов. археология, 1970, № 4, с. 3—18.

[22] *Журавлев А. П.* 1) Древнейшая мастерская по металлообработке меди в Карелии.— Сов. археология, 1974, № 3, с. 242—246; 2) О древнейшем центре металлообработки меди в Карелии.— КСИА, 1975, № 142, с. 31—38; 3) *Журавлев А. П., Врублевская Э. Л., Лийва А. Л., Горлов В. И., Васильева Э. С.* Древнейшая металлообработка меди в Карелии (по данным археологии и естественных наук).— В сб.: Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1976, с 188—203.

холодной ковки уже в первой половине II тыс. до н. э., а возможно и раньше. Знакомство с металлом открывает новую, энеолитическую эпоху, длившуюся почти до последней четверти II тыс. до н. э.

Характерной особенностью энеолитических поселений является распространение на них своеобразной ромбически-ямочной керамики. Сложилась ли она на месте или принесена сюда из южных районов новым населением — сказать трудно. Появление ее на неолитических памятниках вместе с ямочно-гребенчатой керамикой, черты сходства в форме сосудов, орнаментации, наконец, сосуществование той и другой на энеолитическом этапе говорят как будто в пользу местного происхождения.

Энеолитические поселения (их около 90), характеризующие заключительный этап каменного века, распространены по всей территории Карелии. Продолжается расцвет сланцевой индустрии. Широко используется кварц и в ограниченном количестве — кремень. Появление металла еще более способствовало обмену. В хозяйстве приморских районов важное место занял морской промысел. Наиболее широко раскопаны стоянки Вигайнаволок I — 2748 м², Пегрема I, III и VII — 914, 400 и 240 м², Деревянное I — 246, Оровнаволок II — 176, Войнаволок IX — 626, Залавруга IV — 688, Сандермоха I — 144 м². Все они содержат медь или медные поделки. Не раз высказывалась мысль, что первым металлом, с которым познакомились люди, была не чистая медь, а ее сплавы, т. е. бронза. Металлографические и спектральные анализы показали, что здесь вначале использовалась именно самородная медь.

Бронзовый же век, к которому мы условно причисляем памятники последней четверти II — первой половины I тыс. до н. э., в Карелии еще представлен слабо и выделяется главным образом по хронологическому и типологическому признакам. С бронзой и бронзолитейным делом мы встречаемся пока лишь в эпоху железа — бронзолитейная мастерская Усть-Томица, стоянки Горелый Мост VI—VIII и т. д. Раскопки поселений эпохи бронзы (Войнаволок XXIV, Оровнаволок XVI и др.) показали, что использование каменного инвентаря и самородной меди продолжалось. Судя по характеру поселений и жилищ, больших изменений в хозяйстве, образе жизни в это время не произошло. Ведущим типом керамики стала асбестовая посуда. Появление ранней сетчатой и штрихованной керамики свидетельствует о продолжающемся проникновении населения из южных районов. Примерно во второй четверти — середине I тыс. до н. э. природные условия становятся более суровыми, климат приближается к современному.

Гораздо более глубокие последствия имело использование железа. Начальный его этап не совсем ясен. Одни исследователи, например Н. Н. Гурина, ссылаясь на обилие местных озерных и болотных железных руд, предполагают, что в Карелии с железом могли познакомиться очень рано, еще до V в. до н. э., другие, как Г. А. Панкрушев, главным образом по материалам раскопок, считают, что здесь люди узнали железо несколько позднее — в IV—III в. до н. э. Во всяком случае, керамические комплексы эпохи раннего железа, близкие ананьинским, дьяковским и др., в Карелии уже известны, и скорее всего их сопровождали железные орудия. В первых веках н. э. люди определенно знали сыродутный процесс изготовления железа, о чем свидетельствуют раскопки железоделательной мастерской Кудома X на берегу Сямозера[23]. Здесь вскрыто 4 железоделательных горна.

К 1976 г. материалы эпохи бронзы, раннего железа и средневековья выявлены (главным образом по керамике) на 224 памятниках. 168 из них подвергались раскопкам; на 56 проведена только разведочная шурфовка. Подавляющее большинство из них — памятники со смешанными комплексами, на которых люди селились неоднократно. На 155 памятниках встречается асбестовая керамика развитого и позднего облика, но только 34 имеют чистый ее комплекс. Среди них стоянки Вигайнаволок II — пл. раскопа 328 м², Войнаволок VII — 59, Войнаволок XXIV — 208, могильник Кепа (вскрыто 15 могил), стоянка Коштомуш I — 336, Черная Губа VII — 60 м² и др. Асбестовая керамика, зародившаяся еще в неолите и получившая дальнейшее развитие в энеолите (Лахта II—III), широко распространяется в эпоху бронзы и раннего железа и, видимо, продолжает существовать на протяжении почти всего I тыс. н. э.

Особую разновидность керамики образуют сосуды с растительной примесью, выгоревшей при обжиге, отчего они стали легкими и пористыми. Появление ее связано с переселением из Прикамья в юго-западное Прибеломорье жителей турбинской культуры. Керамика с растительной примесью зафиксирована на 103 поселениях; на 34 — турбинская и на 46 — позднего типа. Но нет ни одного с чистым ее комплексом. О том, что она начинает распространяться примерно одновременно с широким применением асбестовой, т. е. в эпоху бронзы, свидетельствуют гибридные сосуды, в которых наряду с примесью растительности использовался и асбест — 23 стоянки.

---

[23] *Анциферов А. В.* Древняя железоделательная мастерская на северном побережье Сямозера. — В сб.: Новые памятники истории древней Карелии. М.—Л., 1966, с. 178—184.

С верхней Волги проникла в Карелию сетчатая и штрихованная керамика, найденная на 49 и 48 стоянках соответственно. Чаще всего она встречается совместно, но бывают случаи, когда имеются фрагменты сетчатой керамики, но отсутствует штрихованная и наоборот. Стоянки с чистыми комплексами такой керамики единичны: Усть-Томица и на р. Олонке. Как выяснилось, эта посуда распространена почти по всей территории Карелии чересполосно и наряду с асбестовой. Наблюдается более сложное, чем казалось ранее, территориальное и временное сосуществование двух этих разновидностей глиняной посуды: местной, которую связывают с протосаамским этносом, и пришлой, относимой к финно-угорскому населению.

Среди наиболее интересных памятников с сетчатой керамикой назовем такие, как Суна VI, Водла I и V, Вознесенье I, Илекса V, Кудома X и XI, Лахта II и III, Малая Суна I и IX, Нижняя Колонжа I, Черная Речка V, Чудозеро I, Муромское III и IIIа, Усть-Томица, Чуйнаволок I, Шелтозеро I, Горелый Мост III—VIII.

В эпоху железа на территории Карелии распространяются и другие комплексы керамики, свидетельствующие о проникновении сюда нового населения не только из южных и юго-западных, но и восточных и юго-восточных областей нашей страны. Здесь преимущественно в восточных и северо-восточных районах появляется керамика типа ванвиздинской (стоянки Илекса II—V, Шеттима I, Водла V, Бесовы Следки II, III и др.), ананьинской (Илекса V, Нижняя Колонжа I, могильник Нижняя Колонжа, Пога I, Шеттима I, Горелый Мост VI—VIII), гляденовской (Илекса V, Сухая Водла I и Шеттима I и пр.) и другие разновидности керамики восточного происхождения. На 35 стоянках встречается так называемая поздняя ямочно-гребенчатая посуда, на 54 — гладкостенная (неорнаментированная), на 6 — шнуровая.

К числу наиболее полно раскопанных памятников рассматриваемой поры относятся: Горелый Мост III — 428 м², IV — 260, V — 332, VI—VIII — 2 216; Золотец I — 280, Илекса III — 476, Илекса IV — 220, Илекса V — 524, Кудома — 504, Кудома XI — 348, Кудомгуба IV — 240, Курмойла I — 316, Лахта II — 764, Малая Суна I — 360, Малая Суна IX — 268, Сулгу Va — 274, Усть-Томица — 260, Чудозеро IV — 412, Шелтозеро XII — 204, о. Шойрукшин — 212.

До недавнего времени на территории Карелии был известен единственный древний могильник — Оленеостровский. Теперь, благодаря Г. А. Панкрушеву, найдено еще 23 могильника, расположенных в большинстве случаев уже на коренных берегах

рек и озер, 4 из них относятся к мезолиту, 8 — неолиту, 2 — эпохе бронзы, 8 — раннего железа. Время существования одного определить пока не удалось. Все еще встречаются одиночные погребения на поселениях, в жилищах, за пределами стоянок. К неолиту относятся 2, энеолиту — 3, эпохам бронзы и раннего железа — по одному. Время трех не установлено и, наконец, зафиксировано два средневековых погребения на древних стоянках. По данным А. П. Журавлева, на энеолитических стоянках в жилищах и за их пределами вскрыто еще более 15 могил. Наиболее широким раскопкам подвергался неолитический могильник Сандермоха I, где на площади 880 м² вскрыто более 100 погребений. Значительная часть их содержала керамику сперрингс и лишь несколько — раннюю ямочную.

Весьма успешно велись поиски жилищ и других хозяйственных сооружений по жилищным впадинам. Такие впадины зафиксированы на 50 поселениях разных эпох числом от 1 до 35; чаще всего от 1 до 8 и лишь изредка больше. Всего их зарегистрировано более 300. Примерно 70 из них раскопаны, и в большинстве случаев на их месте оказались основания древних полуземляночных жилищ подпрямоугольной формы, площадью от 12—14 до 80—90 м². Вскрыты одно-, двух- и даже трехкамерные жилища, энеолитическое жилище-мастерская, где занимались изготовлением и переплавкой изделий из самородной меди.

Появляются жилища еще в мезолите: стоянки Повенецкая II и III, Оровнаволок IX, Пегрема VIII и др., но все же мезолитических поселений с жилищами сравнительно немного. Они пока почти неизвестны для памятников культуры сперрингс, но встречаются на стоянках с ранней ямочной керамикой. Например, в нижнем, неолитическом слое стоянки Вигайнаволок I под Петрозаводском зафиксировано 18 полуразмытых жилищ. В развитом неолите поселений с признаками жилищ довольно много. Выразительные жилые и производственные комплексы вскрыты на энеолитических стоянках Пегремского куста: Пегрема I — 4 жилища, Пегрема VII — 3, Пегрема III — 4; 10 жилищ найдены в неолитическом слое Вигайнаволок I. Остатки жилищ-полуземлянок вскрыты и на стоянках эпохи бронзы, таких как Войнаволок VII, Оровнаволок XVI—2, Войнаволок XX—XXIV—5, Вигайнаволок II — 2 и т. д.

Слабо представлена пока жилищами эпоха раннего железа. Одно из них (двухкамерное) расчищено на стоянке Сулгу III, другое — на Черной Губе VII, и, наконец, основание наземного жилища удалось проследить на Кочнаволоке II.

Очевидно, тип срубного полуземляночного жилища, слегка углубленного в землю, не был единственным. Наряду с ним

существовали и наземные постройки, проследить которые особенно трудно. Наконец, в нескольких случаях зафиксированы жилые или хозяйственные сооружения округлой в плане формы: Пегрема VIII, Кладовец II и др. Тщательное изучение жилищ, совершенствование методики их раскопок и реконструкции остается важной темой будущих исследований в Карелии. Планируются раскопки стоянок, имеющих много жилищных впадин, таких как Пегрема VIII — там их более 25, Черная Губа X—28, Войнаволок XXXIII—18, XXIV—35, Пога I — 34. Готовятся публикации раскопанных уже стоянок с большим числом жилищ, например, Оровнаволок IX (16 впадин, 6 раскопано), Вигайнаволок I (26 впадин, 10 раскопано), Пегрема I (9 впадин, 7 раскопано) и т. д.

Активное изучение первобытной эпохи привело к значительному росту числа памятников эпохи раннего железа, заметно сокративших разрыв со средневековьем. Насущной потребностью стала полная его ликвидация. Необходимые условия для этого созданы. Среди памятников со смешанными комплексами удалось выявить и те, что содержат материалы эпохи железа и раннего средневековья: наслоившиеся на более древние стоянки, селища на берегах Водлозера, озера Муромского и Сямозера, ряд памятников в устье р. Суны, в низовье р. Выг и других местах.

В 1975—1976 гг. раскопкам подвергалось два многослойных поселения: Суна VI и Кудома XI, на которых М. Г. Косменко путем стратиграфических и планиграфических наблюдений выделил несколько разновременных комплексов, часть которых приходится на I тыс. н. э. На поселении Суна VI ему удалось вычленить два слоя: нижний с сетчатой и штрихованной керамикой довольно раннего облика в сопровождении асбестовой посуды предположительно I тыс. до н. э. Верхний же с грубой лепной неорнаментированной керамикой и металлическими изделиями (подковообразная фибула, кресало, коническая подвеска, наконечник стрелы, бусы и т. д.) и остатками железоделательного производства датирован X—XI в. н. э. Хотя материалов I тыс. н. э. выявить пока не удалось (не исключено, что они присутствуют) для изучения пограничных эпох Суна VI представляет большой интерес.

На поселении Кудома XI вскрыто около 600 м^2 культурного слоя и выделено 5 разновременных и разнокультурных комплексов. Один из них, неолитический — с ямочно-гребенчатой керамикой. Два других относятся к эпохе раннего железа и датируются не позднее первых веков н. э. Первый представлен плоскодонной асбестовой, второй — плоскодонной сетчатой керами-

кой; сосуды большей частью непрофилированные с ямками и несложными композициями из оттисков гребенчатого штампа.

Гладкостенно-штрихованная посуда с несложным ямочным или гребенчатым орнаментом, встречавшаяся преимущественно в прибрежной части стоянки, выделена М. Г. Косменко в следующий комплекс, датируемый первой половиной I тыс. до н. э. В неглубокой яме, очевидно, могиле, найден плоскодонный сосуд этого типа вместе с одноухим железным кельтом и бронзовой бляхой. Последний комплекс, примерно середины I тыс. до н. э., образует керамика сяряис, известная на территории Финляндии. Отличительная особенность ее орнаментации — протащенный зубчатый штамп, неглубокие желобки или резные пояса в сочетании с вдавлениями в виде треугольника, полумесяца, раздвоенных ямок, прямой или косой бахромой из оттисков короткого широкозубого штампа. Кроме асбеста, иногда использовалась примесь растительности, редко слюды или песка. Именно с этим впервые в Карелии четко зафиксированным керамическим комплексом исследователь связывает 4 железоделательных горна в виде каменных ящиков и некоторые изделия из металла. Насколько точно хронологически разграничены поздние комплексы — покажет время. Не исключено, что удастся доказать сосуществование некоторых из них. Но отнесение значительной части материалов к I тыс. н. э. не вызывает сомнения.

В ходе широких раскопок поселений со смешанными комплексами инвентаря постепенно накапливались и собственно средневековые археологические материалы. На 23 стоянках найдена лепная и гончарная керамика, шлаки и другие вещи.

В конце 60 — начале 70-х годов в проблематику сектора входит и изучение средневековья. Оно началось с раскопок селищ X—XIII вв. на восточном побережье Онежского озера в р-не Муромского монастыря, на Сямозере и Водлозере, таких как Лахта II, Муромское III, VI, VIIa, VIII, наслоившихся на древние стоянки[24]. Материал их обычно беден: черепки лепной и гончарной керамики, отдельные железные орудия. Но встречались и весьма выразительные комплексы. Так, в 1972 г. при раскопках стоянки Илекса III на Водлозере В. Ф. Филатова обнаружила клад X—XI вв., включающий 29 железных наконечников стрел, подковообразную фибулу с многогранными головками и шипами на ней, соединенными перекладинами, бронзовую

[24] *Кочкуркина С. И.* 1) Раскопки на берегах Сямозера и озера Муромского.— В кн.: АО 1969 г. М., 1970, с. 7—8; 2) Раскопки курганов на р. Сязнеге и разведки в Приладожье.— АО 1970 г. М., 1971, с. 28—29; 3) Курганы северного побережья Онежского озера.— В кн.: Археологические исследования в Карелии. Л., 1972, с. 103—112.

узкую пластинчатую гривну и желтую стеклянную бусину. Все эти вещи находились в зольно-углистой линзе верхнего культурного слоя, непосредственно под дерном и серым подзолом.

На территории энеолитической стоянки Муромская VIII в верхнем культурном слое, в раскопе пл. 136 м² встречались тысячи обломков глиняных литейных форм. Они представляли собой большие плитки с 3—4-овальными углублениями длиной 20, шириной 10—12 при глубине 3—4 см, ограниченные бортиками и предназначенные скорее всего для отливки бронзовых слитков. Самих изделий из бронзы не встречено. По предположению Г. А. Панкрушева, это следы бронзолитейной мастерской. В том же слое найдено 146 фр. грубых лепных сосудов.

Наконец, заслуживает упоминания Сандальский клад из 74 серебряных, в основном западноевропейских монет. Среди них имеются динарии XI—XIII вв. и 3 дирхема. Клад обнаружен в 1972 г. школьником С. Суйкоценом на безымянном островке оз. Сандал недалеко от канала между Нигозером и Сандалом. Остальную часть клада (30 монет) собрал А. П. Журавлев. Монеты были во что-то завернуты и положены в ямке между двумя небольшими валунами. После подъема воды в оз. Сандал их размыло.

Но наиболее перспективным было признано северо-западное Приладожье, включая Карельский перешеек — родина летописной корелы. Здесь и развернулись полевые работы. С 1970 г. в течение четырех полевых сезонов велись раскопки Тиверского городка, на котором вскрыто 1 620 м². Полученные материалы позволяют охарактеризовать Тиверск как военный пункт XIV в. (хотя постоянного военного гарнизона в нем, видимо, не было). Как полагает С. И. Кочкуркина, он возведен при непосредственном участии новгородцев между 1293 и 1323 гг. и играл затем до своей гибели в 1411 г. роль форпоста в пограничье со Швецией. Материалы раскопок позволяют полнее охарактеризовать хозяйство карельского населения XIV в.— земледелие, охоту и рыболовство, железоделательное производство и вооружение, ювелирное ремесло, торговые связи и с Новгородом и с западными странами[25].

В 1970 г. раскопано свыше 400 м² на городище XV—XVI вв. у пос. Куркиеки, выделяющегося своими оборонительными сооружениями из валунного камня. В качестве ориентиров для поисков городищ-убежищ вслед за Я. Аппельгреном С. И. Кочкуркина попыталась использовать топонимы Линнавуори и Линнамяки. Выяснилось, однако, что не все топонимы указывают на

[25] *Кочкуркина С. И.* Тиверск.— КСИА, № 146, М., 1976, с. 63—70.

городища-убежища, часть из них связана с понятием вершина, гора[26]. Разведочные работы проведены на городище у Сортавалы. Видимо, оно тоже принадлежит летописной корелe.

И до раскопок и в ходе их все эти годы в северо-западном Приладожье велись археологические разведки, к сожалению, не принесшие пока значительных результатов. Искать в этих местах, да еще средневековые памятники трудно. Некоторые из них, например, могильники не имеют внешних признаков. Неясна закономерность их расположения. Лишь счастливый случай может помочь наткнуться на них. Распашка и застройка перспективных на взгляд исследователей мест еще больше сокращают территории поисков.

Известные на территории Карелии и соседних с нею районов памятники С. И. Кочкуркина разделяет на три группы. Первая — селища и единичные грунтовые могилы на восточном побережье Онежского озера, на Водлозере и отчасти в средней и северной Карелии. Они возникали, как правило, на месте более древних стоянок. Но все же средневековые культурные слои, обычно довольно маломощные, залегающие непосредственно под дерном, выделяются отчетливо. Хозяйственных сооружений не выявлено. Помимо керамики, встречены единичные железные предметы, изделия из бронзы, характерные для памятников Севера европейской части СССР той поры. Селищам сопутствуют единичные погребения — грунтовые могилы, в которых умерший ориентирован головой на юг с небольшим отклонением к западу или востоку. Можно предполагать, что часть из них оставлена лопарями.

Вторая группа —курганы X—начала XIII вв. юго-восточного Приладожья и южной части Карелии — бассейны рек Тулоксы, Олонки, Видлицы. Именно оттуда шло расселение на север, о чем свидетельствуют подобные курганы у д. Кокорино и Челмуж. Трудами археологов, этнографов, лингвистов доказано, что Олонецкий перешеек и юго-восточное Приладожье в эпоху средневековья были заселены предками вепсов и карел-ливвиков и людиков.

Памятники третьей группы сосредоточены на северо-западных берегах Ладожского озера и включают поселения Корела, Тиверск, Куркиеки, групповые могильники и городища-убежища на относительно труднодоступных местах, включая острова. Ряд вещей, в частности западноевропейского происхождения,

---

[26] *Кочкуркина С. И.* Памятники типа Линнавуори в Карелии.— Скандинавский сб. Т. XX. Таллин, 1975, с. 167—173.

характерных для Финляндии и Севера европейской части СССР, указывает на высокое развитие торговли, чему способствовало само расположение Карельского перешейка на торговых путях. Среди случайно найденных вещей, одиночных могил, кладов и единичных монет имеются датированные второй половиной I тыс. н. э. и IX—XI вв.

До последнего времени сравнительно небольшие материалы северо-западного Приладожья IX—XI вв. не увязывались с яркими древностями XII—XIV вв. Это обстоятельство как и малое число памятников первых веков н. э. сильно затрудняло выяснение самых ранних этапов этнической истории карел. В. И. Равдоникасом, например, богатая карельская культура XII—XIII вв. рассматривалась как пришлая, ничем не связанная с местной «финляндской культурной традицией». Следы такого передвижения к западу из юго-восточного Приладожья через территорию Карелии В. И. Равдоникас увидел в поздних курганах и могильниках по рекам Тулоксе и Видлице.

Большинство современных исследователей, в том числе и С. И. Кочкуркина, склоняются к мысли, что появление новшеств в археологическом материале Карельского перешейка связано не с приходом сюда нового населения, а с какими-то качественными сдвигами, имевшими место в начале II тыс. н. э. во всех сферах жизнедеятельности местного общества. Причины столь бурно прогрессирующего развития на данном отрезке времени предстоит еще изучать. Но уже теперь С. И. Кочкуркина, исследуя погребальный обряд, установила, что ряд предметов XII—XIV вв. генетически связан с вещами IX—XI, а возможно даже и VI—VIII вв. Выявление прототипов для ряда характерных вещей XII—XIV вв. позволило ей сделать вывод, что пракарелы пришли сюда еще до начала н. э. или же в самом начале н. э., и вся последующая их история связана с северо-западным Приладожьем. Еще более решительно автохтонное происхождение карел отстаивает Г. А. Панкрушев, считающий, что предки карел жили здесь издревле, с первобытной эпохи, и что формирование карельской культуры происходило на местной основе.

Признавая комплексный подход в решении поставленных проблем единственно правильным, опираясь на археологические данные, исторические источники, материалы лингвистики, фольклора и этнографии С. И. Кочкуркина попыталась выяснить границы и территорию обитания летописной корелы XII—XIV вв., пересмотрела некоторые датировки, уточнила хронологию.

Все три рассмотренные группы памятников находятся в западной и южной Карелии. Средняя и северная ее части остаются неизученными, в том числе приграничные районы,

в частности, Мурманской и Архангельской области. Между тем из письменных источников XV в. известно, что на Кольском п-ове проживали «карельские дети», вероятно, выходцы с Карельского перешейка, а в приграничных районах Архангельской области засвидетельствована карельская и саамская топонимия и гидронимия.

Все большее внимание привлекают наземные археологические памятники — выкладки из естественных камней и валунов самых различных размеров и конфигурации, часть которых средневекового времени. На островах Соловецкого архипелага они известны со второй половины XIX в. Постепенно появляются сообщения о них и на территории Карелии — А. В. Елисеев, К. П. Рева, А. Я. Брюсов.

С давних пор на Кузовых островах — небольшом архипелаге между Кемскими и Соловецкими островами Белого моря — поморам известны «окаменевшие немцы» — выкладки из камней, напоминающие бюст человека. Но для науки они открыты известным краеведом И. М. Мулло лишь в 1966 г. В 1968—1970 и 1972 гг. он зарегистрировал на 7 островах — Русский Кузов, Немецкий Кузов, Большой Вороний и др.— свыше 540 сложений из больших и малых валунов и камней. На трех островах им отмечены так называемые «лопарские ямы», принятые за следы летних или зимних жилищ и на пяти (в семи местах) — погребальные выкладки. Они двух типов: лабиринты — «вавилоны» и одиночные камни-сейды (или священные камни). Те и другие располагаются на высоте от 2 до 8 м над уровнем моря. Особенно впечатляют два святилища на безлесных скалистых вершинах островов Немецкий и Русский Кузов, где имеются свыше 470 сейдов, «идолов» и т. д.

За самые ранние, «досаамские» памятники И. М. Мулло склонен принимать каменные курганы на вершине Лысой горы Русского Кузова, аналогии которым он находит в курганах эпохи бронзы (1300—900 гг. до н. э.) на побережье Финского и Ботнического заливов Балтийского моря. К числу наиболее поздних уже «древнесаамских» исследователь относит намогильные кладки на о-вах Немецкий Кузов и Большой Вороний, следы жилища и сейда-камни на островах Жилой и Средний и датирует их второй половиной I — началом II тыс. н. э. Расположены они на нижней террасе, на высоте всего около 2 м над уровнем моря. Все эти памятники, по мнению И. М. Мулло, оставлены постоянно обитавшим здесь населением, проникшим сюда и далее на Соловецкие острова с Карельского берега Белого моря. Основным занятием его было морское рыболовство и охота на морского зверя.

Наземные памятники заслуживают самого пристального внимания и в силу своей научной ценности и угрозы их быстрого разрушения. С каждым годом число подобных памятников возрастает благодаря новым находкам. Три скопления каменных куч типа курганов, бесспорно, сложенных человеком, открыты Г. А. Панкрушевым на п-ове Оровнаволок на высоте от 10 до 15 м над Онежским озером. Высота их до 1 м, иногда больше, но основание еще на 70—80 см углублено в песчаную почву и там его диаметр увеличивается от 1,5—2 до 4 м. При разборке одной из куч внутри ее обнаружены угли, датированные временем 1200±50 (ТА—931) лет.

В 1973—1974 гг. С. И. Кочкуркиной раскапывался г. Олонец — одно из древнейших поселений на Олонецком перешейке. Следов погоста, упомянутого в Уставной грамоте Святослава Ольговича 1137 г., выявить не удалось. Пока изучался слой XVII в., позволивший в совокупности с данными письменных источников охарактеризовать основные моменты зарождения и развития городской жизни в крае. Получены интересные материалы для изучения собственно военной архитектуры, строительной практики и планировки города как военно-административного и торгово-ремесленного центра. На территории Олонецкой крепости найдено кладбище XVI в., показавшее разнообразие погребального обряда олончан, взаимосвязь языческих и христианских верований.

Итак, благодаря многолетним усилиям сектора успешно изучается эпоха мезолита, удлинившая историю края почти на 5 тысячелетий. Появились большие серии памятников эпохи металла: энеолита, бронзы, раннего железа. Вскрыты десятки жилищ. Найдены могильники всех эпох. Начаты раскопки селищ I тыс. н. э. и сравнительно поздних памятников, таких как крепость Олонец. Открыты новые скопления петроглифов в низовье р. Выг в Беломорье и на восточном берегу Онежского озера. Лучше обоснована их связь со стоянками.

Особенностью археологических исследований последних лет является все более широкое использование данных естественных наук в разработке хронологии и датировки памятников, изучения хозяйства, древней металлургии и других проблем древней истории края. Комплексный подход, при котором собственно археологические методы и приемы не теряют своей самостоятельности и независимости при синтезе разноплановых, да к тому же нередко и разноречивых данных точных наук — одно из основных условий прогресса археологических знаний. Только с его использованием можно создать надежную хронологическую схему памятников Карелии.

Впервые после работ Б. Ф. Землякова в Карелии стали проводиться специальные геолого-геоморфологические исследования с использованием спорово-пыльцевого анализа и определения абсолютного возраста по радиоуглероду (С-14), имеющие целью более точную и надежную датировку археологических памятников. Эти работы позволяют проследить изменения климата, растительности, обводненности территории, формирование береговых террас и связь с ними древних поселений, и таким образом надежнее увязать памятники с развитием природной среды. Итогом таких работ является книга Э. И. Девятовой [27], продолжающей начатые исследования. При датировке памятников других районов Карелии — северо-восточного побережья Онежского озера, Уницкой губы, восточного побережья Сямозера все чаще и чаще используется радиокарбон. Благодаря успешному сотрудничеству с лабораторией радиоуглеродного датирования Института зоологии и ботаники Эстонской Академии наук в г. Тарту, мы располагаем более чем 30 датировками. К сожалению, по каким-то не вполне ясным причинам наблюдаются значительные расхождения с датировками, установленными другими методами.

На широком использовании данных естественных наук, прежде всего неотектоники, основывается и метод датировки стоянок по высотным отметкам, разрабатываемый и широко используемый Г. А. Панкрушевым. Построенные им графики позволяют датировать стоянки по берегам Онежского озера и рек Кеми и Выга, впадающих в Белое море.

Целый комплекс анализов металлографических и спектральных выполнен при изучении древнейшей металлообработки меди Э. Л. Врублевской и Э. С. Васильевой. В изучении ее сырьевой базы большую помощь оказал В. И. Горлов. В итоге установлено, что начальный этап металлообработки — это применение ковки местной самородной меди, в процессе которой металл могли расплющивать, растягивать, сгибать в холодном виде. Чуть позднее, возможно, практиковалась и плавка меди. Ни выплавки меди из руды, ни сплавов люди еще не знали. Причем использование чистой меди затянулось, вероятно, до эпохи раннего железа [28]. Во всяком случае, самородная медь встречается и на стоянках эпохи бронзы. Металлографическому анализу подвергались также железные шлаки и крицы из железоделательной мастерской Кудома X, показавшие, что железо,

---

[27] *Девятова Э. И.* Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в юго-западном Беломорье. — Тр. Ин-та геол. Карельского филиала АН СССР. Л., 1976, вып. 33.

[28] *Журавлев А. И., Врублевская Э. Л., Липва А. А., Горлов В. И., Васильева Э. С.* Древнейшая металлообработка ... с. 202—203.

изготовляемое сыродутным способом в каменных ящиках — горнах, содержало почти до 50% примеси и было весьма низкого качества. Петрографические анализы используются при изучении каменного инвентаря и сырья.

Для характеристики хозяйственной деятельности древнего населения Карелии и смежных с нею областей важно выявить состав охотничье-промысловых животных по остаткам костей, сохранившихся в культурных слоях древних поселений. О нем судили по наскальным изображениям, данным А. А. Иностранцева и погребальному инвентарю Оленеостровского могильника на Онежском озере. Исключительно плохая сохранность костного материала на стоянках, представленного мелкими обломками не более 3—5 см длиной, а чаще и того менее, казалось, не позволяла сделать надежных палеозоологических заключений. Но в 1976—1977 гг. Н. К. Верещагин проделал кропотливую работу по разборке и определению костей с 40 стоянок Карелии и 7 — южной части Кольского п-ова. 19 из них — мезолитические (все на территории Карелии), остальные — эпохи неолита, энеолита, бронзы и раннего железного века. В эпоху мезолита основным объектом промысла оставались крупные копытные — северный олень и лось, а из грызунов — бобр. Добывали также медведя, волка, лисицу, зайца. На двух мезолитических стоянках представлены как будто кости собаки. В неолите и в эпоху раннего металла на побережье Белого моря развивается морской промысел ластоногих (нерпа, гренландский тюлень) и китообразных (белуха). Кости нерпы найдены и на восточном берегу Онежского озера, рядом с петроглифами, на стоянке Кладовец II. Основой первобытного хозяйства, по-видимому, на всех этапах первобытной истории оставалась охота на крупных лесных зверей. Важную роль играли морской промысел, рыболовство, промысел боровой и водоплавающей птицы, особенно в периоды, неблагоприятные для охоты.

Наконец, все более комплексный характер приобретает и изучение петроглифов Карелии. В них принимают участие археолог А. Д. Столяр, искусствовед Р. Б. Климов и др. На одно из первых мест в проблематике петроглифов ими выносится конкретно-исторический разбор хода изобразительной эволюции в Беломорье и на Онежском озере и выяснение семантики образов, запечатленных на скалах[29].

---

[29] *Столяр А. Д.* 1) Некоторые итоги источниковедческого изучения петроглифов Карелии.— В сб.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 3. Л., 1976, с. 114—120; 2) Опыт анализа композиционных структур петроглифов Беломорья (Карелия).— Советская археология, 1977, № 3, с. 24—41.

Результаты работ сектора нашли отражение в ежегоднике «Археологические открытия», на страницах журналов «Советская археология», «Советская этнография», в кандидатских диссертациях С. И. Кочкуркиной, Ю. А. Савватеева, В. Ф. Филатовой, Ю. В. Титова. Сектором подготовлено два сборника статей: «Новые памятники истории древней Карелии» и «Археологические исследования в Карелии». Всего опубликовано около 100 статей, сообщений, тезисов докладов на региональных, всесоюзных и международных симпозиумах, конференциях, конгрессах. Г. А. Панкрушевым сдана в печать двухтомная монография «Мезолит и неолит Карелии». Аналогичный труд будет посвящен им эпохе бронзы и раннего железа. Ему же принадлежит книга «Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла». Ю. А. Савватеев подготовил две части «Залавруги», одна посвящена петроглифам Беломорья, а другая — окружающим их стоянкам. С. И. Кочкуркина автор книги «Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв.»

Насущной задачей стала публикация накопленных археологических материалов. В. Ф. Филатова готовит к изданию мезолитическую стоянку Оровнаволок IX, а А. П. Журавлев — серию энеолитических поселений в р-не д. Пегрема на берегу Уницкой губы Онежского озера, М. Г. Косменко, В. Ф. Филатова и П. Э. Песонен и др. в двух подготовленных сектором тематических сборниках (один посвящен мезолиту, другой — средневековью), публикуют поселения Супа VI, Сулгу IV, Нива XIII, Колвица I и II. Итогом совместных археологических и геолого-палеогеографических исследований в низовье р. Выг явилась упомянутая книга Э. И. Девятовой.

Одна из важнейших задач сектора — подготовка обобщающего труда типа «Очерков истории древней Карелии» (первобытнообщинный строй и время его разложения), в котором по возможности полно и достоверно были бы раскрыты все этапы древнейшего прошлого, начиная от первоначального заселения и до позднего средневековья. Качество его в значительной степени зависит от состояния и изученности источников. Своеобразной научной инвентаризацией археологических памятников по 1976 г. включительно явилось составление «Свода археологических памятников», подготовленного сектором археологии в 1970—1976 гг. по заданию Министерства культуры КАССР.

Несмотря на значительное увеличение числа новых памятников, проблема проведения систематических разведочных работ остается важной задачей. Необходимо приступить к сплош-

ному археологическому обследованию территории республики на предмет по возможности полного выявления всех имеющихся памятников, что позволит сгладить, а затем и ликвидировать территориальную неравномерность археологической изученности Карелии, увеличить число памятников I — начала II тыс. н. э., прирост которых пока идет особенно медленно. Нуждаются в тщательном археологическом обследовании разного рода наземные памятники типа лабиринтов, сейдов, каменных куч и др. Особенно важно найти рядом с ними остатки материальной культуры. Необходимо продолжать поиски таких малочисленных пока памятников, как могильники, мастерские, места выработки камня, самородной меди и др. сырья. Большое значение имело бы открытие торфяниковых стоянок, хорошо сохраняющих органику — дерево, кости и т. д.

Археологические памятники — основные свидетели далекого прошлого, и мы должны стремиться к максимально полному их выявлению, тем более, что это и основное условие их охраны. Только найденный памятник можно уберечь от разрушения. Разработка проектов переброски части стока северных рек и озер в бассейн р. Волги требует тщательной археологической разведки по трассам предполагаемой переброски вод.

При раскопках основные силы и средства еще больше должны концентрироваться на изучении крупных скоплений памятников, таких как Оровнаволок, Черная Губа, Войнаволок, Шелтозеро, низовье р. Суны и т. д. Это позволит проследить развитие культуры, изменения в материальной, духовной и социальной жизни, в этническом составе на длительном отрезке времени.

Широкие раскопки серии эталонных памятников с чистым комплексом инвентаря, т. е. заселявшихся однократно, позволят тщательнее разработать типологию каменных орудий и керамики.

Наряду с систематическими поисками и широкими раскопками выполняется многолетняя комплексная программа по относительной и абсолютной датировке, предусматривающая использование метода радиоактивного углерода (С-14), высотных данных, геолого-палинологических и геоморфологических наблюдений, типологии и т. д. Опыт разработки региональной хронологической схемы для памятников Беломорья — один из ее результатов. Подобные работы ведутся на Оровнаволоке, в р-не Пегремы. При обработке добытых материалов, в частности каменных орудий и изделий из металла, все шире используются металлографический, спектральный, петрографический и др. анализы.

Насущной потребностью становятся консервация и реставрация археологических предметов, а также реконструкция раскапываемых объектов (жилища, каменные кладки, очаги и т. д.). Надежная и максимально полная документация изучаемых памятников, широкое использование данных естественных наук повышают достоверность выводов, делаемых на археологическом материале.

Наряду с более строгим изучением самих археологических объектов (культурного слоя, разного рода сооружений, вещей), углублением их источниковедческого анализа предстоит много сделать по более полному извлечению из них исторической информации, освещающей жизнь общества. Хотя возможности археолога ограничены характером самих источников, он не вправе игнорировать изучение общественных отношений и связей всей духовно-практической деятельности людей.

В числе наиважнейших проблем, которые разрабатывались и будут разрабатываться сектором, могут быть названы: первоначальное заселение и освоение Карелии; особенности северного мезолита и его хозяйства; характер мезолитических поселений, жилищ, могильников; выяснение принципов и критериев выделения неолитической эпохи, изучение общественной структуры неолита. Очень сложным, но необходимым делом представляется изучение духовной жизни, опирающееся на углубленный анализ петроглифов, предметов искусства и культа малых форм, орнамента керамики и т. д. Предстоит исследовать производительность первобытного хозяйства, роль и развитие обмена. Для заключительной стадии каменного века особый интерес вызывает зарождение местной металлургии (холодная ковка и переплавка самородной меди), переход к использованию сплавов (т. е. бронзы), процесс вытеснения каменных орудий и изделий металлическими. Все еще недостаточно изучены предпосылки и первые шаги в использовании железных орудий в крае. Не исследован на конкретном материале и процесс зарождения производящих форм хозяйства — скотоводства и земледелия.

Первостепенной задачей для эпохи раннего железа, также как и раннего средневековья все еще остается накопление массового полевого материала, который бы обеспечил стык первобытной эпохи со временем курганов X—XII вв. и прояснил происхождение карел, вепсов, саамов, формирование и развитие их культуры.

Наконец, актуален вопрос о появлении и роли славянского населения в истории края. Предметом тщательного археологического изучения должны стать также некоторые объекты

XV—XVIII вв., известные по письменным источникам — места горных разработок, заводы, лопские погосты и др.

На всех этапах первобытной и средневековой истории Карелии большую роль играли связи с окружающим миром, выражающиеся как в обмене и торговле, так и в неоднократных притоках на ее территорию нового населения. Все это заставляет с особым вниманием отнестись к проблеме синхронизации отдельных памятников, культур и культурных явлений, рассматривая древнюю историю края как органическую составную часть всемирной истории, прежде всего ее североевропейского региона.

С. И. Кочкуркина

ТЕРРИТОРИЯ ЛЕТОПИСНОЙ КОРЕЛЫ В XII—XIV вв. (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

В XII—XIV вв. письменные источники сравнительно часто упоминают события внешнеполитической и внутренней жизни древних карел. Этому периоду соответствуют почти все памятники Карельского перешейка. Они представлены в основном могильниками, изученными финляндскими учеными еще в XIX в. Ими же сформулированы основные положения, касающиеся датировки, этнической атрибуции и территории, занимаемой памятниками, приписываемые древней карельской культуре.

В последние годы исследованиями археологов Ленинградского отделения Института археологии и Карельского филиала АН СССР источниковедческая база существенно пополнилась материалами раскопок г. Корелы и Тиверского городка. Увеличилось число исследованных памятников и на территории Финляндии, особенно в приграничных с Карелией областях.

В свете последних фактов появилась настоятельная необходимость в пересмотре, уточнении ряда существенных вопросов древней истории населения северо-западного побережья Ладожского озера. В предлагаемой статье автором поставлен вопрос: можно ли на имеющемся археологическом материале очертить территорию, занимаемую летописной корелой? И если да, то для какого времени? Для этого были взяты основные категории женских украшений, как наиболее точные индикаторы хронологии и этнической атрибуции. В первую очередь учитывались предметы из могил и сам погребальный обряд, а также случайные находки. Оказалось, что рассмотренные нами женские украшения встречены в могилах с определенным, обладающим устойчивыми признаками, погребальным обрядом, из чего был сделан вывод, что существующее в литературе мнение об этнической принадлежности их древним карелам справедливо и на современном этапе исследования.

В результате картографирования предметов очерчен ареал, который, на наш взгляд, соответствует территории, где

проживала летописная корела в XII—XIV вв. Каков же ареал карельской культуры до XII в.? Вопрос сложный, выходящий за рамки данной статьи и требующий специального рассмотрения.

* * *

В финляндской литературе основные памятники Карельского перешейка датировались и датируются периодом крестовых походов (1050—1300 гг.), несколько более длительным временем, чем в западной Финляндии, где этот период охватывает 1050—1150 гг. Обширная литература, в которой рассматриваются памятники новгородской Карелии, в принципиальных вопросах датировки единодушна.

Исследователь кексгольмских могильников Т. Швиндт датировал их последним периодом язычества, приблизительно 1100—1350 гг[1]. Ю. Айлио на типологическом анализе овально-выпуклых фибул удревнил до XI в.[2]. Вскоре К. А. Нордман доказал ошибочную датировку культуры Саво-Карелии (сам он относил ее к XII—XIII вв.)[3].

Не касаясь других работ, в которых рассматривается время существования тех или иных категорий предметов (о них речь пойдет в тексте), остановимся на недавно вышедшей работе П. Сарваса, посвященной вопросам датирования периода крестовых походов[4]. Ставя вопрос о хронологическом отличии памятников и отдельных предметов западной Финляндии и Эстонии (эстонские даты, как и наши, по памятникам северо-западного Приладожья, как правило, моложе западнофинских), П. Сарвас пытается найти объяснение в различном значении периода крестовых походов в истории обеих стран. По его мнению, в Финляндии переход к «историческому времени» произошел постепенно, «бесцветно», начавшись с первого крестового похода около 1155 г. Некоторые финляндские историки вдобавок полагают, что несколько раньше был так называемый варварско-христианский период, когда существовали погребения, совершенные по христианскому обряду. Первый крестовый поход, следовательно, только организовал уже обращенное в христианство население. Несмотря на второй крестовый поход и сведения о стойкости язычества, переход западных районов Финляндии к христианству под крыло католической ве-

[1] *Schwindt T.* Tietoja Karjalan rautakaudesta.— SMYA, 1893, XIII, s. 194.
[2] *Ailio J.* Karjalaiset soikeat kupurasoljet.— SMYA, 1922, XXXII:3.
[3] *Nordman C. A.* Karelska järnåldersstudier.— SMYA, 1924, XXXIV:3
[4] *Sarvas P.* Ristiretkiajan ajoituskysymyksiä.— SM, 1971, 78, s. 51—63.

ры, под власть Швеции, согласно П. Сарвасу, был безболезненным. Поскольку и в XII и в XIII вв. отсутствуют факты столкновения язычества и христианства, то рубежом этих двух периодов выбрана середина XII в.

В Эстонии христианство пробивало себе дорогу на полстолетия позднее, чем в Финляндии, поэтому в XIII в. и даже несколько позднее в могильниках зафиксированы языческие погребения. П. Сарвас считает, что даты эстонских коллег правильны и задает вопрос — почему аналогичное не могло быть и в Финляндии. Видя серьезные недостатки при разработке финляндских датировок в прошлом, основанных только на типологическом методе, исследователь стремится подняться в методике на ступеньку выше, предлагая за исходную точку взять погребения с монетами. Так он и делает, хотя хорошо датированных погребений мало, но и те, что есть, уже сейчас позволяют пересмотреть некоторые утвердившиеся в науке положения. П. Сарвас приходит к выводу, что археологический материал свидетельствует о долгом сохранении языческих привычек и обычаев в Финляндии, во всяком случае, относительно второй половины XII—XIII вв. это можно утверждать вполне определенно. Таким образом, намечается сближение в датировках памятников упомянутых территорий, и разрыва, как такового, практически не существует.

Отсутствие монет в карельских могильниках лишает аргументированности и надежности существующих в литературе датировок. За последнее десятилетие положение несколько изменилось. Помимо монет, в погребениях хорошей основой для датировок являются материалы Тиверска, существовавшего в течение ста лет (главным образом, в XIV в.), при сопоставлении с коллекциями которого можно скорректировать некоторые даты [5].

К характерным карельским формам предметов относят некоторые типы овально-выпуклых фибул, большие подковообразные фибулы с растительным орнаментом, застежки для волос, ажурные и спиралевидные цеподержатели, цепочки, ножи с плетеным узором на рукояти и ножнах, копоушки и некоторые другие изделия [6].

---

[5] *Кочкуркина С. И.* Тиверск.— КСИА, 1976, 146. Издание материалов раскопок Корелы несомненно сыграет большую роль при разработке хронологии.

[6] *Nordman C. A.* Op. sit., s. 111—181; *Kivikoski E.* 1) Vikingatid och korstagstid. Forntid och fornfynd. Helsingfors, 1952, s. 69. 2) Suomen historia. I. Suomen esihistoria. Porvoo-Helsinki, 1961, s. 225, 226.

Овально-выпуклые фибулы, наиболее часто встречаемые украшения женской одежды эпохи раннего средневековья, зафиксированы в погребениях и случайных находках Саво-Карелии (восточная часть Финляндии и Карельский перешеек). Ю. Айлио, выделивший на основе орнамента 11 групп фибул, датировал их XI в. и вел происхождение от скандинавских образцов[7]. К. А. Нордман подверг сомнению вывод Ю. Айлио, так как по его мнению, фибулы датируются XII—XIII вв. и образовавшийся хронологический разрыв в одно — два столетия не может быть свидетельством происхождения карельских фибул от скандинавских[8].

Спустя 25 лет к овальным фибулам вернулся О. Хальстрем. К этому времени пополнились музеи подобными изделиями из западной Финляндии, особенно из округа Хяме, датирующиеся, по мнению исследователя, более ранним временем, чем карельские фибулы, а раз так, то формируется новая концепция, по которой так называемые «карельские» фибулы вовсе не карельские, а хямеские, хотя количество находок, приведенное О. Хальстремом по Саво-Карелии и Хяме, не говорит в пользу его концепции (выпуклых фибул в Саво-Карелии до 1948 г. было найдено 144, а в Финляндии 33 экз.)[9].

Какими же комплексами оперирует О. Хальстрем для обоснования более ранней датировки фибул из Хяме, нежели фибул из Саво-Карелии (для них он оставляет прежнюю датировку XII—XIII вв.)? Для полного учета рассмотрим все находки фибул в Финляндии, за исключением области Саво (25 пунктов,33 экз.).

Из 25 мест паходок 16 случайных, 7 комплексов не могут быть точно датированы, но материал их близок к культуре Саво-Карелии и определяется, видимо, тем же временем (см. табл. 1). В частности, погребение с фибулами из Настолы (№ 18 нашего списка) приписывается карельским беженцам. Из датированных комплексов погребение из Калволы (№ 14)

---

[7] *Ailio J.* Op. sit. Здесь и далее буквенные обозначения типов фибул приводятся по Ю. Айлио.

[8] *Nordman C. A.* Op. sit, s. 148. В данной статье мы не беремся судить — связано ли происхождение карельских выпуклых фибул со Скандинавией или они имели самостоятельное развитие.

[9] *Hällström O.* Lisiä suomalaisten soikeiden kupurasolkien syntyhistoriaan.— SM, 1948, LIV, s. 45. Фибулы типа А, датирующиеся X—нач. XI вв., как это известно по материалам курганов юго-восточного Приладожья (*Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, с. 29), здесь не рассматриваются.

Таблица 1

Комплексы с овально-выпуклыми фибулами

№ п/п	Наименование комплексов	Тип	Кол-во	Случайная находка	Датир. комплекс	Недатированный комплекс
1	Перпэ	C_1	1	+	—	—
2	Номаркку	D	1	+	—	—
3	Кеуру	D	1	+	—	—
4	Туусула	H	1	+	—	—
5	Суомуссалми	C_2	1	+	—	—
6	Тёуся	F_1	1	—	+	—
7	Ака	H	1	+	—	—
8	Хаттула	?	1	+	—	—
9	Хаттула	G	1	+	—	—
10	Хаухо	C_1	1	+	—	—
11	Хаухо	E	1	+	—	—
12	Холлола	H	2	—	—	+
13	Яанаккала	I	1	+	—	—
14	Калвола	C_1	2	—	+	—
15	Калвола	G	2	—	—	+
16	Кивиярви	C_2	1	+	—	—
17	Конгинкангас	J,K	2	—	—	+
18	Настола	F,E	3;1	—	—	+
19	Падасъёки	H	1	+	—	—
20	Сяксмяки	C_1	1	—	—	+
21	Туулос	K,J	2	+	—	—
22	Тюрвянтэ	G	1	—	—	+
23	Тюрвянтэ	H	1	—	—	+
24	Урьяла	C_1	1	+	—	—
25	Вийтасаари	C_1	1	+	—	—
	Итого:		33	16	2	7

заслуживает особого разбора. Я. Аппельгрен-Кивало, исследуя погребения с трупосожжениями, нашел две могилы с трупоположением. В одной из них наряду с фибулой типа C_1 была круглая серебряная подвеска, монета Оттона III (995—1002 гг.), две подковообразные фибулы позднего характера, два спи-

ральных держателя цепей, два звена цепочки, подвеска в виде медвежьего зуба, нож в чехле, кольцо, ножницы и т. д.[10]. Инвентарь ее идентичен содержимому могил Карельского перешейка. Но методически неверно, на наш взгляд, по одному погребению с монетой, частному случаю, пересматривать дату всей категории вещей[11]. Комплекс из Теуся с фибулой F_1 может датироваться XII в.

Приведенные О. Хальстремом выкладки не убедительны, не вызывают стремления пересмотреть датировки всех овальных фибул. Можно согласиться с исследователем относительно удревнения одного типа — C_1, представлявшего собой раннюю стадию типа C_2.

Фибулы с изображением клешней рака (die Krebsspange)[12] (96 экз.) Ю. Айлио отнес к типу H, различая два варианта: четырех- и двуглазый (первый вариант основной) (рис. 1:1). Название фибулы возникло давно и основывалось на том, что орнамент в некоторой степени напоминает рака с расправленными клешнями. Ю. Айлио считал, что в орнаменте этих фибул предпочтительнее видеть изображение «древа жизни», особенно в ранних экземплярах с отчетливо прослеженным растительным мотивом[13].

Основная часть фибул приходится на Саво-Карелию (82 экз.), 11 экз. встречено в Хяме, на севере и юге Финляндии (места находок трех фибул неизвестны)[14] (рис. 3). За пределами этой территории фибулы типа H встречены в Швеции[15], Орешке и прилегающей к нему местности (3 экз.)[16], в Новгороде и Изборске.

Учитывая важность сформулированных в начале раздела задач, считаем необходимым привести все комплексы с фибулами этого типа восточной Финляндии и Карельского перешейка.

---

[10] *Hällström O.* Op. sit., k. 4.

[11] Удревнение некоторых погребений проводится О. Хальстремом порой только на том основании, что могилы с трупоположением территориально близко расположены к трупосожжениям (Перниэ, Хаухо, Холлола, Сяксмяки).

[12] Фибулы представлены в порядке уменьшения частоты встречаемости

[13] *Ailio J.* Op. sit., s. 70—71.

[14] *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. II. Porvoo-Helsinki, 1951, S. 32, Abb. 997; *Lehtosalo* P.-L. Rapukoristeisten solkien ajoituksesta.— SM, 1966, 73, s. 22—39.

[15] *Arne T. J.* La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914, fig. 59.

[16] Отчеты Археологической комиссии за 1904 г. СПб., 1907, с. 109. Глубоко признательны В. И. Кильдюшевскому за информацию о находках фибул типа H, C_1—C_3, ножа с орнаментированной рукоятью в новых раскопках Орешка.

Комплексы с фибулами типа Н

Ряйсяля[17]. Ховинсаари (1886 г.), 1 (2 экз.). Большей частью кальцинированные кости, ингумированных меньше. Ориентировано на север. Держатель цепи с двумя концентрическими кругами раннего облика, копоушка с растительным орнаментом, трубочки с ушками, карельская подковообразная пластинчатая фибула, подковообразная фибула с рифлением в средней части.

Ховинсаари, 3 (1 экз.). Сохранились обгоревшие зубы и мелкие кости скелета. Могила повреждена, ориентирована на север. Коньковая подвеска, фрагмент дерева и ножны, украшенные плетенкой, трубочки с ушками, держатель цепи.

Ховинсаари, 6 (2 экз.). Погребение в деревянной раме ориентировано на север. Выпуклая подковообразная фибула карельского типа без орнамента, держатель цепи, орнаментированные ножны.

Тиверск (2 экз.). Одна фибула с изображением клешней рака найдена в раскопках XIX в., другая — в 1972 г. (рис. 3:4).

Суотниэми, 3 (1 экз.). Трупосожжение, остатки которого, видимо, были помещены в деревянный сосуд: две пары овальных фибул, копоушка, ножны и круглая фибула с растительным орнаментом. Комплекс, вероятно, более ранний, так как встречена фибула типа C_1 (рис. 3:6).

Каукола. Кекомяки, 5 (2 экз.). Мужской, женский и детский костяки в деревянной раме ориентированы на северо-запад. Подковообразная пластинчатая фибула карельского типа, трубочки с ушками, цеподержатель, круглая фибула (рис. 3:7).

Каускила, 5 (2 экз.). Остатки погребения, ориентировка не установлена. Подковообразная фибула с насечками в средней части, ажурный держатель цепи, копоушка и рукоять ножа с орнаментом. Рядом было мужское погребение, в котором обнаружены брактеаты XIV в.[18] (рис. 3:15).

Туккала, 2[19] (2 экз.). Ориентировка юго-западная. Цеподержатели, трубочки.

Туккала, 3 (1 экз.). Погребение ориентировано на юго-

---

[17] Погребальные комплексы приводятся следующим образом: название, номер погребения, в скобках — количество рассматриваемых в данном конкретном случае предметов украшения. При повторении комплекса его описание опускается. Нумерация группы комплексов в тексте и на рисунках идентична.

[18] Могильник Каускила опубликован в работе: *Salo U.* Lappeen Kauskilan varhaiskeskiaikainen kalmisto.— SM, 1957, LXIV, s. 35—53.

[19] Комплексы из могильника Туккала приводятся по публикации: *Heikel A. O.* Tuukkalan löytö.— SMYA, 1889, X.

запад. Помимо застежки типа H, была фибула с кружковым орнаментом типа B, цеподержатель с концентрическими кругами.

Тууккала, 7 (1 экз.). Трупосожжение. Подковообразная фибула со спиральной средней частью, две овальные фибулы типа D, ажурные цеподержатели, нож с орнаментированной рукоятью.

Тууккала, 9 (2 экз.). Ориентировка погребения западная. Круглая выпуклая фибула, ажурный цеподержатель с подвесками, копоушка, бронзовая трубочка с ушками, нож с орнаментированной рукоятью.

Тууккала, 11 (2 экз.). Погребение ориентировано на запад. Бронзовая трубочка с подвеской, крестообразные держатели цепи с подвесками.

Тууккала, 16 (2 экз.). Ориентировка юго-западная. Круглая выпуклая фибула, цеподержатели, пластинчатая фибула карельского типа, ножны и нож с орнаментированной рукоятью.

Тууккала, 22 (1 экз.). Погребение помещено в гробовище (ориентировано на запад-восток). Фибула C_1, ажурный цеподержатель.

Тууккала, 26 (2 экз.). Ориентировано на запад. Подковообразная фибула карельского типа и круглая, бронзовые трубочки с ушками, цеподержатели, бронзовые ножны и бронзовая рукоять ножа (орнаментированная), конькова шумящая подвеска.

Тууккала, 37 (2 экз.). Северо-западная ориентировка, бронзовые трубочки с ушками, ажурные держатели цепей с привесками.

Тууккала, 42 (2 экз.). Северо-восточная ориентировка, бронзовая трубочка с ушками, цеподержатели с привесками (рис. 3:20).

Остальные помеченные на карте местонахождения фибул типа H, представлены либо случайными находками, либо неполными комплексами, которые не могут быть привлечены для датировки этой категории женских украшений. Они важны в очерчивании ареала.

Из перечисленных комплексов вытекает, что фибулы с изображением клешней рака твердо датируются XIV в., поскольку найдены в Тиверске, в Орешке в слое второй четверти XIV в. Косвенно об этом свидетельствует и комплекс Каускила, 5. Но о более ранней дате говорит находка в раскопках 1957 г. в Новгороде, в квадрате 1394, 21 пласте, 12—13 ярусов (середина XIII в.). Следовательно, более или

менее аргументированно можно констатировать, что в XIII—XIV вв. подобные овально-выпуклые фибулы находились в употреблении в Саво и в новгородской Карелии [20].

Фибулы со звериным орнаментом (die Tierspange) [21]— тип C_1—C_3 (рис. 1:2). Ю. Айлио выделены самые древние образцы этой серии — тип С, звериный орнамент которого возник как подражание скандинавским фибулам каролингского стиля, датированные О. Монтелиусом 850—900 гг. Развитие орнамента, изменение размеров, формы иглы и ременного держателя выразилось последовательно в типе C_1 и в более поздних C_2, C_3 (рис. 1:11). Тип C_3 отличается от первых двух овальной, с заостренными концами формой и более непонятной, чем прежде, орнаментикой. По сопровождающим вещам овальные фибулы C_1—C_3 отнесены исследователем к середине — концу 1100 гг.[22].

О. Хальстрем придерживался вывода Ю. Айлио о происхождении фибул от скандинавских образцов и полагал, что ранняя форма появилась в Хяме уже в XI в.[23].

Ставя эти фибулы в непосредственную зависимость от скандинавских образцов с орнаментом типа «Вогге» — типов 48 и 51 (по Петерсену), Ю. Айлио тем не менее отмечал, что карельские гибриды, соединившие в себе и скандинавские и византийские черты, свидетельствуют о местном вкусе и восприятии, до неузнаваемости преобразовавшие первоначальные экземпляры — крайне важное для нас признание исследователя. Ярким тому примером являются карельские овальные фибулы типа C_2.

Количественно типы C_1—C_3 распределяются следующим образом: C_1 представлен 10 экз., C_2 — 32, C_3 — 2 экз. (у 12 фибул — 4 случайные находки и 8 фибул из могильника Висулахти — подтипы не определены); территориально: в Хяме главным образом найдены фибулы типа C_1, в Саво и на Карельском перешейке — C_2, хотя есть образцы типов C_1 и C_3. Естествен вывод, что центральные районы Финляндии и Саво-Карелии различаются как по ареалу подтипов, так и их количеству (рис. 2).

---

[20] Проанализировав фибулы с точки зрения формы и технического исполнения, П.-Л. Лехтосало пришла к заключению, что фибулы существовали с XI по XIII вв., основная же масса использовалась и в XII в. (*Lehtosalo P.-L.* Op. sit., s. 23). Ранние датировки фибул приводятся ею по Хальстрему.

[21] *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands, Abb. 993.

[22] *Ailio J.* Op. sit., s. 67.

[23] *Hällström O.* Op. sit., s. 51.

За пределами Финляндии и северо-западного Приладожья один экземпляр известен в памятниках Ижорского плато[24], в Орешке[25], на западном берегу Волхова[26], в районе Костромы[27].

Комплексы с фибулами типов C_1—C_3

Лапинлахти, 4 (2 экз. C_2). Ориентировка юго-восточная. Крестообразные держатели цепей, две пластинчатые подковообразные фибулы карельского типа (одна обнаружена на голове), бронзовые трубочки с ушками, булавка для волос, бронзовая орнаментированная рукоять ножа.

Патья (2 экз. C_2). Обряд погребения не известен. Держатели цепей, нож с орнаментированными ножнами, копоушка (рис. 4:2).

Ряйсяля. Тиверск (1 экз. C_1). В раскопках XIX в. Ховинсаари, 1 (1888 г.) (2 экз. C_3). Следы от гроба или от рамы. Две подковообразные фибулы карельского типа, орнаментированная рукоять ножа, серебряная булавка, держатель цепи (рис. 4:3).

Суотниэми, 3 (1 экз. C_2) (рис. 4:4).

Кекомяки, 1 (4 экз. C_2). Погребение двух женщин и мужчин в деревянной раме, ориентированных головой на север. Фибулы у обоих женских костяков, копоушки, орнаментированные ножны, два типа держателей цепей, подковообразная пластинчатая фибула карельского типа, бронзовые трубочки с ушками, сердцевидные подвески.

Кекомяки, 6 (2 экз. C_2). Северная ориентировка погребенной. Две подковообразные фибулы карельского типа, булавка для волос, цеподержатель.

Кулхамяки, 3 (1 экз. C_2). Разрушенная могила. Следы бревна. Держатели цепей, фибула подковообразная карельского типа, трубочки с ушками, копоушка с растительным орнаментом (рис. 4:5).

Тууккала, 22 (1 экз. C_1).

---

[24] *Tallgren A. M.* Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du Nord.— ESA, 1928, III, p. 163, fig. 38—42.

[25] Экземпляр фибулы из постройки второй половины XIV в. и фрагмент второй из слоя XV в., найденные В. И. Кильдюшевским в Орешке, можно отнести к типу C_1—C_3 с известной долей сомнения, поскольку сохранность фибул очень плохая.

[26] *Tallgren A. M.* The Prehistory of Ingria.— ESA, 1938, XII, fig. 21.

[27] С признательностью сообщаем, что о комплексе женских украшений с фибулой подобного типа (XII в.?), находящемся в Костромском музее, сообщил автору Е. А. Рябинин.

Тууккала, 36 (2 экз. C_2). Следы гробовища ориентированы на северо-запад. Цеподержатели, бронзовые ножны.

Тууккала, 40 (2 экз. C_2). Юго-западная ориентировка. Бронзовая трубочка с подвесками, цеподержатели (рис. 4:14).

Из всех перечисленных комплексов следует, что эти изделия корреспондируются с фибулами типа H и тиверскими находками, и стало быть, XIII—XIV вв. можно считать временем использования фибул со звериным орнаментом.

Фибулы с орнаментом в виде плетенки (die Bandspange)[28] типы F_1—F_4 (рис. 1:3). Орнамент у представителей типа F_1, считал Ю. Айлио, навеян финно-скандинавскими мотивами: влияние финляндских круглых фибул, стиля jellinge и «стиля больших зверей». По сравнению с другими овально-выпуклыми фибулами типы F_1—F_4 немногочисленны (25 экз., 11 мест находок) и встречены преимущественно на северо-западном побережье Ладоги, единичные изделия зафиксированы в Финляндии (рис. 5). За пределами очерченной территории один экземпляр типа F_1 происходит из Эстонии[29]. Большинство фибул представлено случайными находками, что затрудняет их временную характеристику, может быть, только уже упомянутый комплекс из Тёуся свидетельствует о датировке типа F_1 — XII в.

Комплексы с фибулами типов F_1—F_4

Суотниэми, 3 (2 экз. F_1) (рис. 5:4).

Каукола. Кулхамяки, 1 (1 экз. F_1); Кекомяки, 5 (2 экз. F_3) (рис. 5:5).

Тууккала, 27 (2 экз. F_1). Погребение ориентировано на запад, бронзовые трубочки с ушками, цеподержатель (рис. 5:10).

Овальные фибулы с растительным, аканфовым, орнаментом (die Akanthusspange) — тип D — в памятниках Карельского перешейка не имели широкого распространения (рис. 1:4). По характеру орнамента они близко стоят к типу C_2 и рассматриваются как вариант этого типа и к восточношведскому стилю начала XI в. Приводя эти сведения, автор исследования о фибулах считает скандинавское происхождение их сомнительным. Он указывает на византийские черты, и в силу ряда причин обходит молчанием вопрос о происхождении фибул.

12 фибул разбросаны на большой территории, включающей и западную Финляндию, но основная масса вошла в очерченный вышеупомянутыми изделиями ареал (рис. 6).

[28] *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands, S. 32, Abb. 995.

[29] *Aspelin J. R.* Antiquités du Nord Finno-Ougrien. V. Helsingfors, 1884, fig. 2002.

Комплексы с фибулами типа D

Ряйсяля. Ховинсаари, 5 (2 экз.). Погребенные ориентированы на северо-запад. Бронзовая трубочка с ушками, крестообразные держатели цепи, круглая подвеска (рис. 6:1).

Каускила, 1 (2 экз.). Комплекс вещей: ажурный держатель цепи, две бронзовые трубочки с ушками. Каускила, 6 (1 экз.). Два ажурных цеподержателя, фибула со звериными головками, трубочка с ушками (рис. 6:2).

Тууккала, 7 (2 экз.) (рис. 6:5).

Косвенным доказательством датировки фибул типа D XIII—XIV вв. и несколько более поздним временем может служить могильник в Каускила. Правда, в тех комплексах, где были обнаружены фибулы, монет не найдено, но в двух других погребениях могильника собраны шведские монеты второй половины XIV и XVI вв. Остальные типы фибул в памятниках Финляндии и северо-западного Приладожья представлены единичными экземплярами.

Фибулы с изображением усиков ползущего растения (рис. 1:5) (die Rankenspange) [30] — тип J — в Финляндии известны в пунктах Миккели-Вехма; Туулос-Тойвонниэми; Яанаккала-Кернала; Конгинкангас по одной фибуле; в новгородской Карелии — в Тиверске в раскопках 1972 г., что дает основание датировать их тем же временем, что и прочие типы.

Орнаментика фибул с лилией (die Lilienspange) [31] (рис. 1:6) тип G — согласно О. Хальстрему, тесно связана со скандинавскими типами 48 и 51 (по Петерсену) [32], но кажется, это сопоставление навеяно большим желанием вывести карельские овальные фибулы от скандинавских образцов, нежели реальным положением вещей. Известно пока 3 экз. в Финляндии (Тюрвянтэ-Кирконкюля; Калвола-Кутинен; Хаттула-Катинала) и в районе Выборга (Пюхяярви). За пределами территории они известны в Швеции (Гротреск). Последняя находка (в Гротреске) интересна тем, что там был нож с орнаментированной рукоятью, ареал которого совпадает с территорией распространения овальных фибул (об этом речь ниже) и монета 1 100 гг.[33].

---

[30] *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands, S. 32, Abb. 999.

[31] Ibid., Abb. 996.

[32] *Hällström O.* Op. sit., s. 55.

[33] *Serning I.* Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska Lappmarkerna.— Acta Lapponica, XI. Stockholm, 1956, pl. 36 : 2. Следует заметить, что материал Гротреска (Шведская Лапландия) требует осторожного обращения, так как в нем есть вещи, датируемые периодом до 1100 гг., в том числе арабские и западноевропейские монеты, и предметы 1200 гг.

Фибулы с крестообразным узлом (die Kreuzknotenspange)[34] (рис. 1:7) — тип I — найдены в дух пунктах: Конгинкангас (2 экз.) и в Яанаккала (1). Центральный узор фибулы, по О. Хальстрему, напоминает магический знак «osmonsolmu», широко известный в период викингов как в западной Финляндии, так и на востоке, поэтому фибулам приписывается западнофинское происхождение[35].

Фибулы с кружковым орнаментом (die Kreisspange) — тип В — (2 экз. из Миккели-Тууккала, рис. 1:8) Ю. Айлио считал дериватами скандинавских образцов, с чем полностью согласен О. Хальстрем, уточняя при этом, что тип В схож с фибулами типа А (die Knopfspange), но образцом для него послужили скорлупообразные фибулы (тип 55 по Петерсену).

Фибула из Рокосины (die Rokosinaspange)[36] — тип Е — фигурирует в типологической схеме финляндских ученых по названию первоначального местонахождения (рис. 1:9). О. Хальстрем называл их группой из Хаухо, имея в виду, что этот пункт был центром изготовления фибул типа Е. Две фибулы из Хаухо-Алветтула и Настола-Руухиярви небольшие, с овальными заострениями длиной около 5 см. Орнамент не покрывает всей поверхности изделия, сосредоточен в центре в виде рельефного узора, напоминающего четырехлепестковый лист клевера. По композиции орнамента и размерам фибулы типа Е схожи с предыдущими изделиями (тип В).

Последние представители овальных фибул — фибулы со спиралью (die Spiralspange)[37] — тип К — найдены в двух экз.: Ряйсяля-Ивасканмяки, Туулос-Тойвониэми (рис. 1:10). Ю. Айлио полагал, что орнамент фибул позаимствован у скандинаво-финских образцов.

Классифицируя овально-выпуклые фибулы по цвету покрывавшей их патины, Ю. Айлио желтовато-коричневую рассматривал как западный признак, зеленовато-серую как восточный, причем последняя датировалась более поздним временем. В первую группу вошли типы А, C_1, F_1, I, J; во вторую — C_2, E, F_2—F_4, H, D. По нашим наблюдениям, в какой-то степени данное предположение верно — фибулы с зеленовато-серой патиной чаще всего встречались в памятниках Саво-Карелии.

---

[34] *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands, S. 32, Abb. 998.
[35] *Hällström O.* Op. sit., s. 60—61.
[36] *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands, S. 32, Abb. 994.
[37] Ibid., Abb. 1000.

По способу крепления игл на внутренней стороне фибул выделено 12 ступеней (рис. 1:11), что служило, по мнению исследователя, хорошим основанием для относительной датировки. Так, например, форма в — самая ранняя, использовалась в начале X в., c_1 — в конце столетия, d_2 — в середине XI в. В это же время был распространен способ крепления иглы c_2, cc_2, d_2 и cc_3.

Из этих выкладок трудно сделать вывод, что способ крепления иглы — достаточное основание для относительной хронологии выпуклых фибул. Но такие фибулы, как C_1, G, можно считать, что подтверждается и вышеизложенным, более ранними типами фибул, бытовавшими в XII в. Остальные типы прочно датируются XIII–XIV вв. Вполне вероятно, что существовали они и раньше, но состояние археологического материала таково, что доказать это пока нельзя.

Подковообразные фибулы карельского типа

О серебряных подковообразных фибулах, получивших в археологической литературе наименование карельских (видимо, потому что ареал их охватывал главным образом Карельский перешеек) написано много работ. Все исследователи, в той или иной степени рассматривавшие данную категорию украшений, задавались вопросом происхождения фибул. О форме не спорили — она оригинальна и аналогий на других территориях не имеет, но об истоках орнамента высказывались различные точки зрения, сводившиеся к следующему. Из наиболее ранних работ упомянем статью Я. Аппельгрен-Кивало, в которой растительный орнамент фибул рассматривался на базе романского стиля. При использовании одних и тех же орнаментальных мотивов возникали разнообразные композиции, в течение длительного времени употреблявшиеся в народном искусстве, которое, по мнению Я. Аппельгрена-Кивало, принадлежало населению финской национальности [38]. Территорией возникновения фибул с таким орнаментом он считал Карелию и Ижорскую землю. К. А. Нордман в орнаменте карельских подковообразных фибул видел византийский мотив с примесью некоторых черт северного искусства и возражал Р. Страндбергу, считавшему орнаментику этих фибул новгородской [39]. Новгородская орнаментика и карельская

---

[38] *Appelgren-Kivalo Hj.* Romanische Ornamentik.— SM, XVII, 1910.

[39] *Strandberg R.* Les broches d'argent carèliennes en forme de fer á cheval et leurs ornaments.— ESA, XII, 1938, p. 167.

— параллельные явления,— писал он,— поэтому трудно решить, какое из них было раньше[40].

Большинство финляндских ученых полагало, что орнамент пришел с Готланда, в кузнице которого перемешались византийские и восточные стили, но все они единодушны в том, что выяснение происхождения стилей — сложная проблема. Может быть, карельский орнамент действительно откуда-то позаимствован, и Новгород нужно рассматривать первым в числе создателей карельской орнаментики. Но как бы ни обстояли дела, надо признать, что вещи с подобной орнаментикой явились характерной, даже можно сказать, этнически определяющей чертой населения, обитавшего на северо-западных берегах Ладоги во II тыс.

Наиболее полная характеристика этим предметам дана Х. Салмо[41]. Он делит их на два типа: пластинчатые карельские подковообразные фибулы — die platte karelische Hufeisenfibel (тип I по нашей классификации — рис. 2:4) и выпуклые — die gewölbte karelische Hufeisenfibel (тип II — рис. 2:1). О месте производства фибул Х. Салмо не дает окончательного ответа, он считает, что территория Карельского перешейка наиболее предпочтительна. Время их существования охватывает 1100—1250 гг., но основная часть, по мнению исследователя, относится к началу указанного периода.

Датируя основную часть фибул 1100 г., Х. Салмо в качестве древнейшего образца приводит экземпляр из Салла или Яанаккала. Однако среди финляндских исследователей мнение о принадлежности пластинчатой подковообразной фибулы первому или второму кладу расходятся. Х. Салмо полагает, что фибула была все же в первом кладе, зарытом в начале XII в.[42]. Если верить Я. Аппельгрену, то в кладе из Салла (в ранних работах он фигурирует как клад из Куолаярви) наряду со 174 англосаксонскими монетами обнаружено много серебряных вещей: выпуклые фибулы, плетенная из проволочек гривна, браслеты пластинчатые и плетеные, весы с чашечками и 11 гирьками, четыре подковообразные фибулы с квадратными головками, из них две «необычайно большие»[43]. По форме и размеру они напоминают карельские подковообразные фибулы: головки, срединное ребро на кольце, игла, овальный орнаментированный

[40] *Nordman C. A.* 1) Karelska järnåldersstudier, s. 158; 2) Smyckefyndet fran Sipilänmäki i Sakkola.— SMYA, XLV, 1945, s. 221.

[41] *Salmo H.* Finnische Hufeisenfibeln.— SMYA, 56, 1956, s. 89—94.

[42] Ibid., S. 92.

[43] *Appelgren Hj.* Muinaisjäännöksiä ja tarinoita Kemin kihlakunnan itäisissä osissa.— SMYA, V, 1882, s. 37—38, k. 47—56. Подковообразная фибула, рис. 50. Следует помнить предостережение Бъеркмана, что позднее в находки из Салла попали вещи из кладов Яанаккала и Райсио. *Björkman T.* Kuusamon Lämsän hopea-aarre.— SM, 1957, LXIV, s. 17.

щиток. Отличие между ними в том, что фибулы из Салла (Куолаярви), за исключением щитка иглы, не орнаментированы.

Значительно проще решается вопрос о распространении фибул. На карту нанесены известные нам находки карельских подковообразных фибул обоих типов (рис. 7). Все они концентрируются на северо-западном побережье Ладожского озера (Каукола, Ряйсяля, Саккола, Хийтола, Куркиеки и Сортавала) [44]. На территории Финляндии они происходят из погребений могильника Тууккала. За пределами ареала похожие фибулы и другие изделия с соответствующим орнаментом известны в Ижорской земле (Войносолово, Волковицы, Ронковицы), Эстонии и очень отдаленно схожая фибула в районе Смоленска. Таким образом, районом концентрации серебряных подковообразных карельских фибул является центральная часть Карельского перешейка.

Плоские подковообразные фибулы, как полагает Х. Салмо, близко стоят к трехгранным подковообразным фибулам с плоскими головками. Карельские фибулы больших размеров и значительного веса. По внешней стороне идет ребро, по обе стороны которого расположен отличный друг от друга орнамент, хотя и составленный из одних и тех же элементов. Плоские головки с несколько опущенными углами приподняты вверх на концах кольца и орнаментированы. Широкий щиток иглы имеет 3—4 продольные профилированные линии. У более поздних экземпляров края щитка иногда загнуты внутрь. Фибулы обнаруживают большое сходство между собой (в Финляндии и Карелии их найдено 21 экз.), различия между ними в незначительных деталях [45].

Комплексы с подковообразными пластинчатыми фибулами [46].

Саккола. Ланнилахти, 4 (2 экз.); Сипиляниеки, клад вещей (1 экз.); Патья (1 экз.), ориентировка северо-восточная, монета 1220—1250 гг. (рис. 7:1).

Ряйсяля. Ховинсаари, 1 (1 экз.); Ховинсаари (1888 г.), 1 (1 экз.); Тиверск (1 экз.) игла от фибулы (рис. 7:2).

---

[44] В это число не входит фибула декадентской формы и орнаментом из Хяменлахти, лишь отдаленно напоминающая рассматриваемый тип.

[45] *Salmo H.* Op. sit., S. 89—92.

[46] Вещи, найденные в погребениях, не приводятся, так как далее следует корреляционная таблица, в которой помещены ведущие категории предметов.

Каукола. Кекомяки, 1 (2 экз.). Один экземпляр найден за пределами деревянной рамы со стороны женской половины могилы; Кекомяки, 5 (1 экз.); Кекомяки, 6 (1 экз.); Кулхамяки, 3 (2 экз.) (рис. 7:3).

Хийтола. Килпола (1 экз.). Клад вещей (рис. 7:4).

Тууккала, 16 (1 экз.); Тууккала, 26 (1 экз.) (рис. 7:5). Остальные пять экземпляров из могильника Тууккала собраны вне комплексов.

Касательно карельских фибул, о которых идет речь, имеющиеся в нашем распоряжении материалы (монеты XIII в. в Патье и материалы Тверска) позволяют определить их хронологические рамки XIII—XIV вв. Корреляционная таблица подтверждает сделанные выводы о датировке овальных и подковообразных фибул — нахождение их в одних и тех же комплексах свидетельствует об одновременном существовании вещей.

Второй тип подковообразных карельских застежек — серебряные выпуклые фибулы. Скоба в целом тонкая, полая внутри, сверху выпукло-остроребериая. В средней части скобы имеется украшенная плетением пластинка, от которой по обе стороны отходит растительный орнамент. В отличие от предыдущих фибул ребро не делит орнамент на две части, он единый. Головки равным образом, как и у первого типа, расположены на изогнутых вверх концах кольца. Они четырехугольного сечения, углы опущены, орнамент в виде креста. Игла треугольного сечения, щиток не имеет профилированных линий, края чаще изогнуты наружу. Внешняя сторона фибул украшена орнаментом пальметта [47].

На территории северо-западного Приладожья найдено 18 подковообразных выпуклых фибул (рис. 7) [48]. Ареалы обоих типов полностью совпадают и, кроме того, они встречены в одних комплексах. Те погребения, где фибулы II типа были единственными представителями этого вида изделий: Кекомяки 2, 3, Ховинсаари 6, 7— по сопровождающему инвентарю и погребальному обряду не отличаются от тех, где были найдены только фибулы типа I, поэтому датировка XIII—XIV вв. приемлема и для подковообразных выпуклых фибул.

---

[47] *Salmo H.* Op. sit., S. 92—94.

[48] В сводке Х. Салмо перечислено 19 экз., в том числе 4 фибулы, несколько отклоняющиеся от рассматриваемого типа. Фибула из Кекомяки (шифр 2489:118) не включена в наш список. Она отличается меньшими размерами, формой припаянной в средней части кольца пластинки и щитка, орнаментом.

Серебряные застежки для волос (сюкерё)

Головное украшение сделано из серебряных тонких проволочек в петлеобразной технике. Три поперечные линии сплетены тоже из серебряных проволочек наподобие «косички». Концы застежки полые, гладкие, заканчиваются петлями. На иглу со спиральной головкой иногда подвешивалось дополнительное проволочное украшение со спирально закрученными вовнутрь концами (рис. 2:3). На северо-западном побережье Ладоги встречено 11 булавок: Хийтола (Килпола), Саккола (Леппясенмяки, Сипилянмяки, Патья), Ряйсяля (Ховинсаари, Тиверск), Каукола (Кекомяки) [49] Обнаруженный в Эстонии экземпляр [50] датируется по монетам клада XII в.[51], в то время как карельские образцы по совместному нахождению в комплексах с овальными и подковообразными фибулами с растительным орнаментом (табл. 2), свидетельствующих об их одновременном существовании в памятниках Карельского перешейка, датируются XIII—XIV вв. Видимо, между эстонскими и карельскими образцами не должно быть хронологического разрыва, поэтому правильнее датировать серебряные булавки XII—XIV вв.

Концентрация изделий на Карельском перешейке, отсутствие их в Финляндии привело исследователей к убеждению о принадлежности украшений древним карелам, поэтому в археологической литературе они давно называются карельскими [52], хотя техника их изготовления, выразившаяся в плетенных из нескольких проволочек цепочках, известна далеко за пределами Карелии. Цепочки встречены в кладах (Тиверск, Сипилянмяки), в могильниках Кекомяки и Суотниэми. Цепочка из Тиверска шестиугольная, из Сипилянмяки — пятиугольная, что получалось от различных способов плетения и числа проволочек. Их форма могла меняться в зависимости от натяжения или расслабленно-

---

[49] В это число входят иглы со спиральной головкой, у которых отсутствует плетеная часть (7 застежек и 4 иглы со спиральными головками).

[50] RK 1896, pl. 27 : 10

[51] Э. Тыниссон датирует Ряябизеский клад второй половиной XII в. (*Tõnisson E.* Eesti aardeleiud 9.—13. sajandist.— MKA, II. Tallinn, 1962, lk. 253).

[52] *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands, S. 33, Abb. 1013. Карельские головные украшения, по мнению К. А. Нордмана, изготовлялись в каком-то центре, откуда экспортировались в Карелию. Причины же оседания вещей в карельской земле ему виделись в том, что изделия принадлежали только финскому, а не какому-нибудь другому национальному костюму. (*Nordman C. A.* Smyckefyndet från Sipilänmäki i Sakkola.— SMYA, 1945, XLV, s. 222—223).

Таблица 2

Встречаемость подковообразных фибул типа I с ведущими категориями предметов из могильников Саво-Карелии

Комплексы	Овальные фибулы	Крест. держ.	Трубочки с ушками	Орнамен. рукояти ножей	Сереб. булавки	Копоушки раст. орнам.	Подковооб. выпукл. фибулы
Кекомяки, 1	C_2	—	+	+	+	+	—
Кекомяки, 1	За пределами могильной ямы						
Кекомяки, 5	H	—	+	—	+	+	+
Кекомяки, 6	C_2	+	+	—	+	—	+
Кулхамяки, 3 (2 экз.)	C_2	—	+	—	—	+	+
Ховинсаари (1886 г.), 1	H	—	+	—	—	+	—
Ховинсаари (1888 г.), 1	C_2	—	—	+	+	+	+
Лапинлахти, 4 (2 экз.)	C_2	+	+	+	+	+	—
Сипиляямяки	—	—	—	—	+	—	—
Патья	H	—	—	—	—	+	+
Тууккала, 16	H	—	—	+	—	—	—
Туукала, 26	H	+	+	—	—	—	—

сти проволочек, хотя техника оставалась прежней. На цепочки иногда «нанизаны» витые узлы[53].

В отличие от булавок, имеющих четкий ареал, цепочки известны в южной Финляндии (например в Хаухо, Хяменлинна, Лиэто, которые Я. Аппельгрен считал местными изделиями)[54] и северной (клад в Куусамо-Лямся)[55], в Скандинавии, Прибалтике и России[56]. К. А. Нордман полагал, правда, с известной долей сомнения, что изделия с Готланда импортировались в Финляндию[57].

[53] *Björkman T.* Op. sit., s. 27.

[54] *Appelgren Hj.* Die vielreihigen silbernen Gliederketten in finnländischen Funden.— SMYA, 1905, XXIII, S. 12.

[55] *Björkman T.* Op. sit., s. 29. Автор датирует клад 1050—1150 гг.

[56] *Appelgren Hj.* Die vielreihigen silbernen Gliederketten in finnländischen Funden; *Kivikoski E.* Zu den axtförmigen Anhängern der jüngsten Eisenzeit.— Studia archaeologica (in memoriam H. Moora. Tallinn, 1970, s. 92, Abb. 2—4.

[57] *Nordman C. A.* Schatzfunde und Handelsverbindungen in Finnlands Wikingerzeit.— AA, 1942, XIII, s. 282. В настоящее время считается, что местом производства цепочек был Готланд. См. цитированные работы Э. Тыниссона.

Прибалтийские находки являются хорошим основанием для датировки плетеных цепочек. В ливских курганах они известны в XII в.[58], в Эстонии в кладах Падикюля XIII в.[59] и Кумна первой половины XIII в.[60]. Бронзовая цепочка, плетенная из восьми проволочек и найденная в Новгороде, датируется второй половиной XIII в.[61]. Присутствие цепочек в могильниках Карельского перешейка свидетельствует о их употреблении и в XIV в., а может быть, в некоторых случаях и позднее. Что касается начального периода их существования, то на примере северо-финляндских и эстонских находок можно предположить, что и населению Карельского перешейка в XII в. данные изделия были знакомы.

Бронзовые орнаментированные рукояти ножей

У ножей этого типа железный клинок вплавлен в полую бронзовую рукоять в форме усеченного конуса, слабо расширяющегося кверху, с овальным сечением. По сохранившимся изделиям установлено, что на лезвие приходилось, при максимальных подсчетах, 0,4—0,48% длины всего ножа. Такая диспропорция между лезвием и украшательской частью создает впечатление об ином, не утилитарном назначении ножей (рис. 2:2).

Ножи находились среди сопровождающих женские погребения вещей, как правило, в ножнах, в свою очередь являвшиеся образцами сложной растительной орнаментации. Узор на рукоятях — плетеный, такой же, как и на овальных фибулах типа F_1—F_4, но различающийся в деталях. Следует напомнить, что не все ножи представлены в публикациях, а иные сфотографированы в ножнах так, что виден лишь конец рукояти. Но некоторые экземпляры можно описать довольно точно.

Найденная при раскопках Тиверска в 1972 г. бронзовая рукоять разделена на пять зон: первая от клинка полоса шириной 0,5 см прочерчена наклонными насечками и отделена от следующей зоны горизонтальными линиями; вторая — без орнамента шириной 4 см; третья — аналогична первой (0,5 см), а четвертая шириной 3,8 см украшена переплетенными миндалевидными фигурами, близкими к геометрическому исполнению; пятая — 0,5 см, заполнена короткими наклонными насечками.

---

[58] *Тыниссон Э.* Ливские курганные могильники в Кримулде (резюме).— Изв. АН ЭССР, т. XV, серия обществ. наук. 1966, № 1, с. 106, рис. 11.

[59] *Tõnisson E.* Eesti aardeleiud 9.—13 sajandist. lk. 190, tahv. XVIII.

[60] *Tõnisson E.* Kumna hõbeaare.— Studia archaeologica in memoriam H. Moora. Tallinn, 1970, lk. 222, joon. 3 : 1.

[61] Ярус 17, пласт 23, квадрат 2131.

Рукоять ножа из Тууккала [62] имеет четыре зоны: первая от лезвия неорнаментирована; вторая — узкая, ограниченная прочерченными полосами и заполненная аканфовым орнаментом; третья — наклонными насечками; четвертая — переплетенными миндалевидными фигурами с завитками. На конце рукояти напаяны маленькие шарики.

По манере исполнения плетенки к нему близка рукоять из шведского поселения Гараселет, отличающаяся некоторыми композиционными деталями. На ней пять зон: в первой зигзагообразные линии (ширина 1,4 см), ограниченные сверху и снизу горизонтальными; вторая — гладкая (2,6); в третьей — узор «в форме кренделя», выполненного плетением (1,8 см); в четвертой — простые наклонные линии (наклон около 30°) (0,7 см); последняя зона на рукояти ножа широкая с богатым плетеным орнаментом, созданным из сердцеобразных и миндалевидных фигур. Плетение в верхней зоне трактуется как звериный орнамент на том основании, что видны изображения глаз [63].

В Саво-Карелии орнаментированных рукоятей ножей найдено 17 экз. [64] (рис. 8). Отдельные предметы известны в Швеции (Гротреск, Гараселет — 2 экз.), в древностях Ижорского плато (Волковицы, Рабитицы — 2 экз.) [65], в городах Копорье, Орешек и в Новгороде. На территории летописной корелы они обнаружены в следующих комплексах:

Саккола. Лапинлахти, 4 (рис. 8:1).

Ряйсяля. Ховинсаари, 1; Тиверск (раскопки 1972 г.) (рис. 8:2).

Корела (рис. 8:3).

Каукола. Кекомяки, 1; Кекомяки, 3. Погребенная была в деревянной раме головой на север. Подковообразные фибулы карельского типа, цепь, аналогичная изделию из Тиверского клада (рис. 8:4).

Каускила, 5. Скелет не сохранился. Фибула типа Н, подковообразная с нарезкой в средней части, копоушка, крестообразный держатель цепи (рис. 8:6).

Миккели. Тууккала, 7, 9, 16 и 26 (рис. 8:7).

Орнаментированные рукояти, судя по корреляционной таблице, встречены в одних комплексах с ведущими и уже проанализированными категориями вещей памятников северо-западно-

---

[62] *Heikel A. O.* Tuukkalan löytö, k. 10—11.

[63] *Christiansson H.* Sten- brons -järn i övre Norrland. Kronologiska nivåer belysta av nya fynd i Skellefte-Byske älvdalar.— SMYA, 1973, 75, s. 26—27.

[64] В это число не входит ажурная рукоять из Куркиек (Кууппала) как совершенно отличная от рассматриваемых литых рукоятей.

[65] МАР, 20, табл. XI:12; табл. XIX:26.

го Приладожья XIII—XIV вв., может быть и XV в. (Тиверск, Корела, Копорье). В Орешке полностью сохранившийся нож с орнаментированной рукоятью датируется второй четвертью XIV в. В Новгороде орнаментированная костяная рукоять найдена в слоях конца XII — начале XIII вв., бронзовая — середины XIII в.[66], в Гротреске с монетами 1100—1200 гг.

Относительно этнической принадлежности изделий сомнений нет: в этом убеждают топографо-статистические данные, в этом единодушны финляндские исследователи[67].

В заключении раздела вновь вернемся к сформулированным вначале вопросам. Датировка основных вещей из памятников северо-западного Приладожья, таких как овально-выпуклые и подковообразные с растительной орнаментикой фибулы, серебряные головные застежки, орнаментированные рукояти ножей, охватывает XIII—XIV вв. Некоторые из них, видимо, использовались и в XII в., как об этом говорят находки в соседних районах.

Выборочный анализ был вызван тем, что перечисленные вещи прочно вошли в научную литературу как этнически определяющие. Концентрация их на строго ограниченной территории, единичная встречаемость за пределами границ, в чем мы смогли убедиться, подробно картографируя вещи, не противоречит, а напротив, подтверждает справедливость утвердившегося в науке мнения. Поскольку для карельских предметов характерна не только общая территория, но и время использования, справедливым будет заключение, что их находки зафиксировали местопребывание древних карел, выходящее за пределы ранее установленных для летописной корелы границ. Этот вывод подтверждает В. Войонмаа, М. Вестерхольм, который, исследуя топонимию, пришел к убеждению, что карелы являлись наиболее ранними жителями западных уголков Сайма[68].

В XII—XIV вв. восточная граница древнекарельской культуры проходила в районе Сортавалы, включая прибрежную полосу Ладоги, на северо-западе — в восточной Финляндии (Саво), вблизи Миккели, затем спускалась к г. Лаппенранта и захватывала Карельский перешеек с бассейном р. Вуоксы, хотя очерченная для этого хронологического отрезка территория уже не была единой в результате внешнеполитических событий, и в частности, Ореховецкого мирного договора.

---

[66] Раскопки 1957 г., 14—15 ярус, пласт 22; квадрат 1324; 12 ярус, пласт 16, квадрат 1809, Неревский раскоп 1959 г.

[67] *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands, S. 42, Abb. 1155.

[68] *Westerholm M.* Esihistoriallinen kalmisto Sairilan seudulla Mikkelin pitäjässä.— SM, 1930, XXXVI, s. 40.

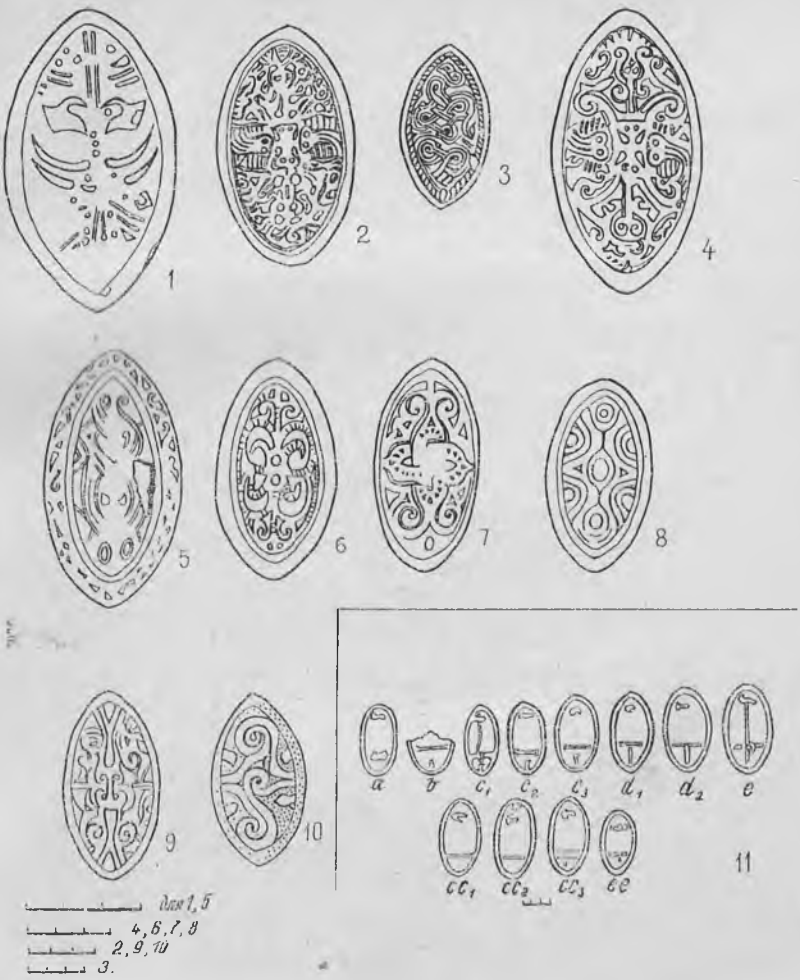

Рис. 1. Овально-выпуклые фибулы

1 — фибула с изображением клешней рака (тип H); 2 — со звериным орнаментом (тип C_1—C_3); *3* — с плетеным орнаментом (тип F_1—F_4); *4* — с аканфовым орнаментом (тип D); *5* — с изображением усиков ползущего растения (тип J); *6* — с изображением лилии (тип G); *7* — с крестообразным узлом (тип I); *8* — с кружковым орнаментом (тип B); *9* — из Рокосины (тип E); *10* — с изображением спирали (тип K); *11* — варианты крепления игл на внутренней стороне овально-выпуклых фибул (по Ю. Айлио).

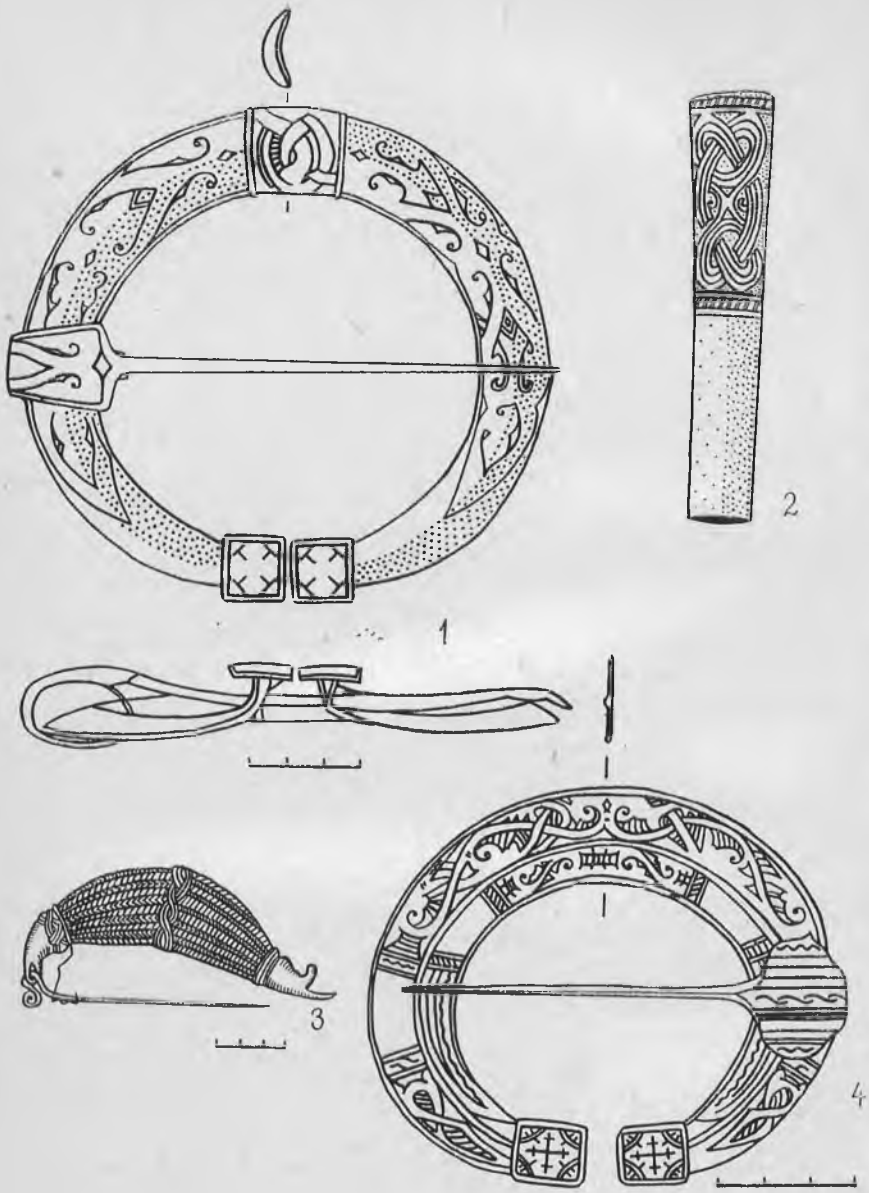

Рис. 2. Украшения карельского типа

1 — выпуклая подковообразная фибула; *2* — орнаментированная рукоять ножа; *3* — застежка для волос; *4* — пластинчатая подковообразная фибула.

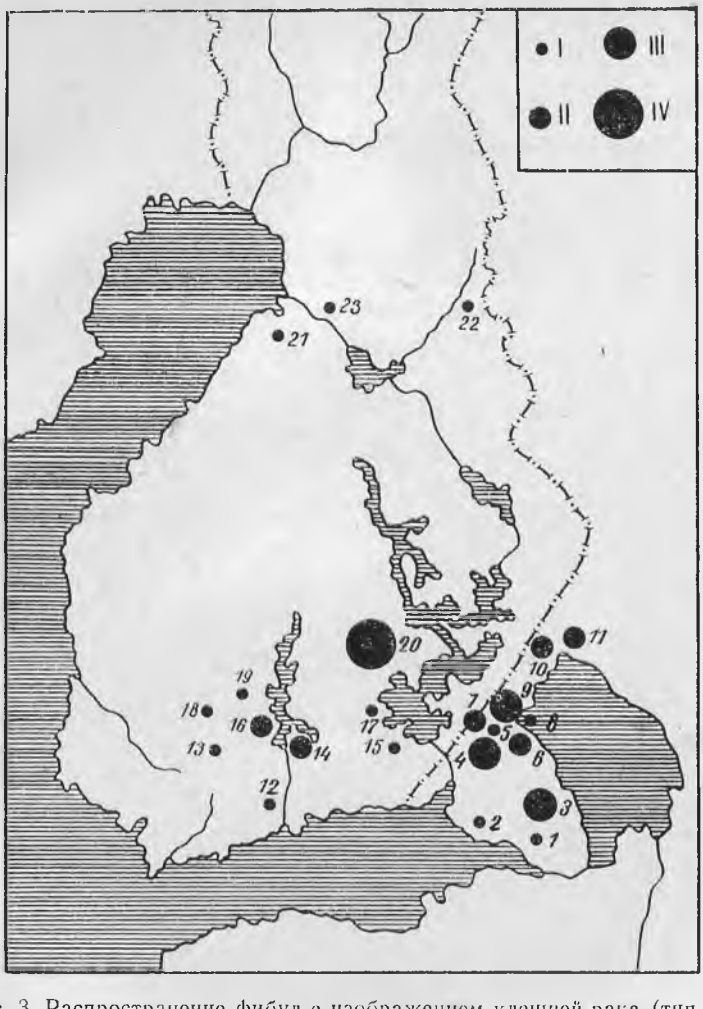

Рис. 3. Распространение фибул с изображением клешней рака (тип H)
I — 1 экз., II — 2—3 экз.; III — 4—13 экз.; IV — 34 экз.
1 — Рауту (Хаапакюля — 1 экз.); *2* — Муола (1 экз.); *3* — Саккола (Лапинлахти, Нойсниэми, Наскалинмяки, Патья — 10 экз.); *4* — Ряйсяля (Ивасканмяки, Ховинсаари, Тиверск — 13 экз.); *5* — Антреа (Корпилахти — 1 экз.); *6* — Суотниэми (окрестности Кякисалми — 3 экз.); *7* — Каукола (Кекомяки, Коверила — 3 экз.); *8* — Хийтола (Килпола, Хаапалахти — 2 экз.); *9* — Куркиеки (Терву, Сяккимяки, Соскуа, Кууппала — 6 экз.); *10* — Яаккима (Микли — 2 экз.); *11* — Сортавала (Каннас, Хюмпеля — 3 экз.); *12* — Туусула (1 экз.); *13* — Тюрвянтэ (1 экз.); *14* — Настола (Руухиярви — 2 экз.); *15* — Каускила (2 экз.); *16* — Холлола (Унтила — 2 экз.); *17* — Руоколахти (Хяменсаари — 1 экз.); *18* — Ака (1 экз.); *19* — Падасъёки (1 экз.); *20* — Миккели (Туукала, Висулахти, Кюхкюля, Мойсио — 34 экз.); *21* — Кемиеле (1 экз); *22* — Салла (Каллунки — 1 экз.); *23* — Соданкюля (Мутенна, Юйкенття — 1 экз.).

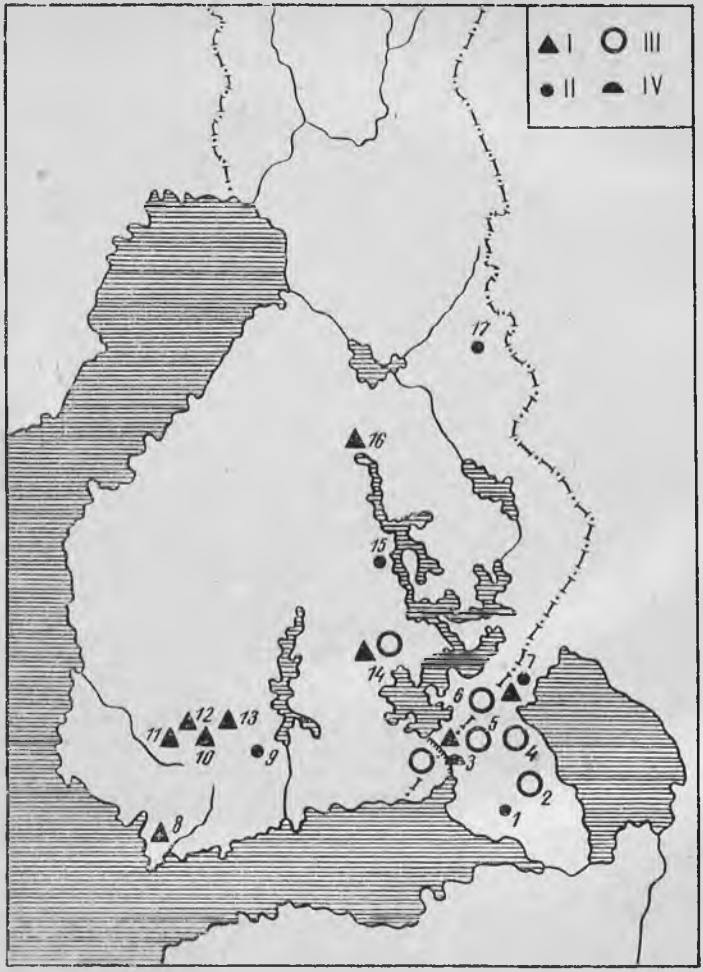

Рис. 4. Распространение фибул типа C_1—C_3

I — тип C_1; *II* — тип C_2 (1—2 экз.); *III* — тип C_2 (3—7 экз.); *IV* — тип C_3.

1 — Рауту (1 экз. C_2); *2* — Саккола (Патья, Лапинлахти — 5 экз. C_2); *3* — Ряйсяля (Ховинсаари, Ивасканмяки, Тиверск — 1 экз. C_1, 3 экз. C_2, 2 экз. C_3); *4* — Кякисалми (Суотниэми — 3 экз. C_2); *5* — Каукола (Коверила, Кекомяки, Кулхамяки — 7 экз. C_2); *6* — Хийтола (Кюлялахти, Леппяниэми, Тоуна, Килпола — 1 экз. C_1; 4 экз. C_2); *7* — Куркиеки (Отсанлахти — 1 экз. C_2); *8* — Перинэ (Паарскюля — 1 экз. C_1); *9* — Яанаккала (Кернала—1 экз. C_2); *10*—Калвола (2 экз. C_1); *11*—Урьяла (Ванхакюля — 1 экз. C_1); *12* — Сяксмяки (Кийлия — 1 экз. C_1); *13* — Хаухо (Тапола — 1 экз. C_1); *14* — Миккели (Тууккала — 1 экз. C_1; 5 экз. C_2); *15* — Кивиярви (Куйваниэми — 1 экз. C_2); *16* — Вийтасаари (Кейтеленпохья — 1 экз. C_1); *17* — Суомуссалми (1 экз. C_2).

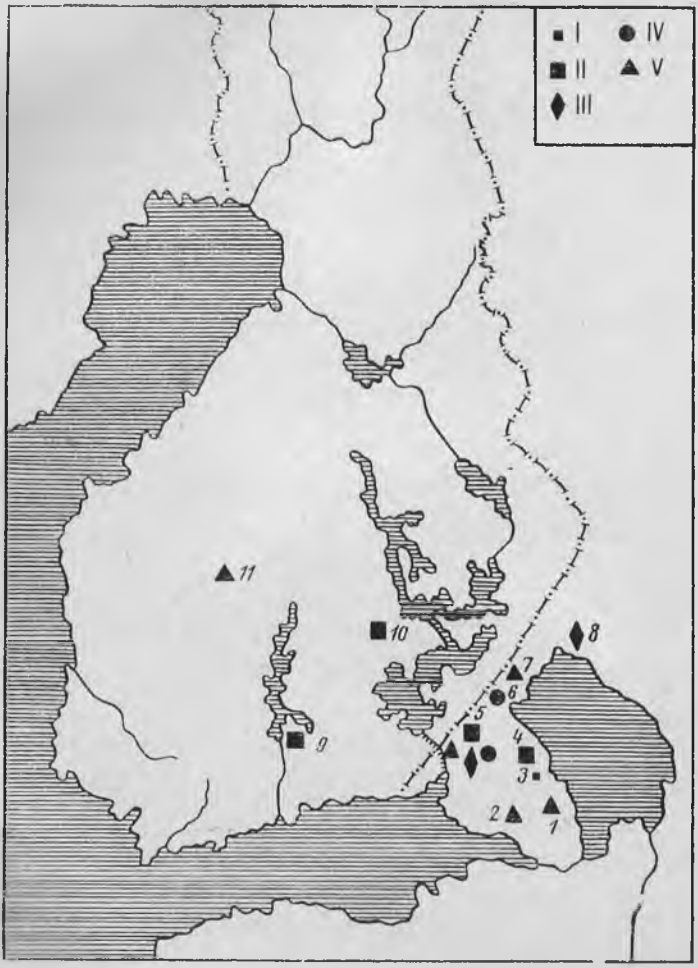

Рис. 5. Распространение фибул типа F_1—F_4

I — тип F_4 (1 экз.); II — F_1 (2—4 экз.); III — F_2; IV — F_3; V — тип F_4. *1* — Метсяпиртти (Коукунниэми 1 экз. F_4); *2* — Саккола (Лапинлахти 1 экз F_4; 2 экз. неизвестного подтипа); *3* — Пюхяярви (1 экз. F_1); *4* — Суотниэми (2 экз. F_1); *5* — Каукола (Коверила 2 экз. F_1; 1 экз. F_2; 2 экз. F_3; 1 экз. F_4); *6* — Хийтола (Кавосалми 1 экз. F_3); *7* — Куркиеки (Химмелахти 1 экз. F_1); *8* — Сортавала (Каннас 1 экз. F_2); *9* — Настола (Руухиниеми 2 экз. F_1); *10* — Миккели (Тууккала, Мойсио 4 экз. F_1; 2 экз. неизвестного подтипа); *11* — Тёуся (Нику Пеннала 1 экз. F_4).

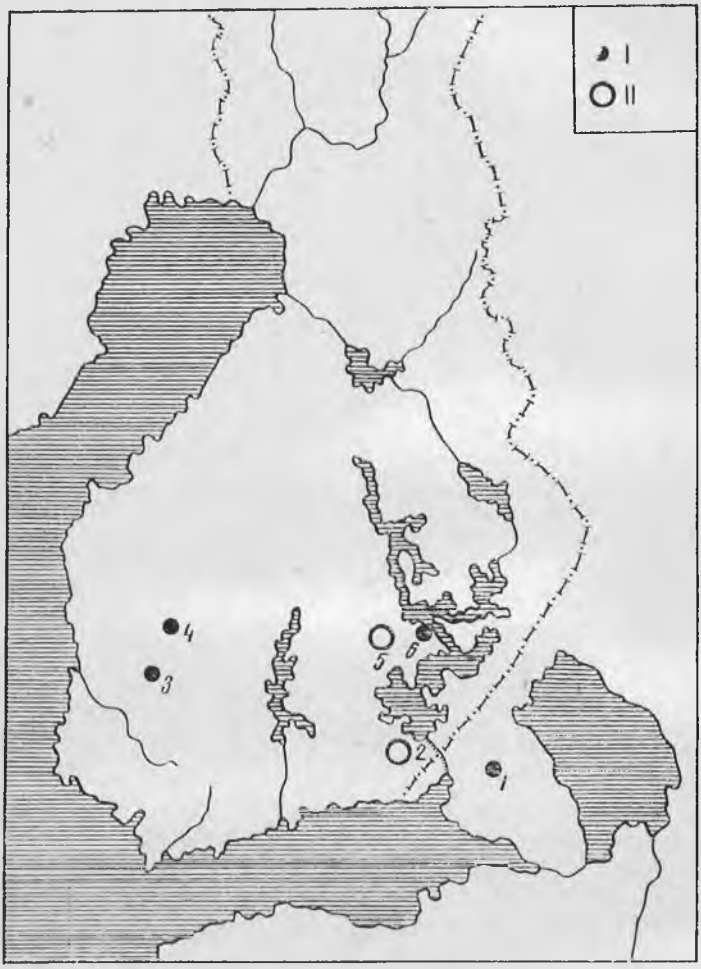

Рис. 6. Распространение фибул типа D

I — 1—2 экз.; II — 3—4 экз.
1 — Ряйсяля (Ховинсаари — *2* экз.); 2 — Каускила (3 экз.): *3* — Кеуру (1 экз.); *4* — Помаркку (1 экз.); *5* — Туукала (4 экз.); *6* — Юва (Суурпиэми — 1 экз.).

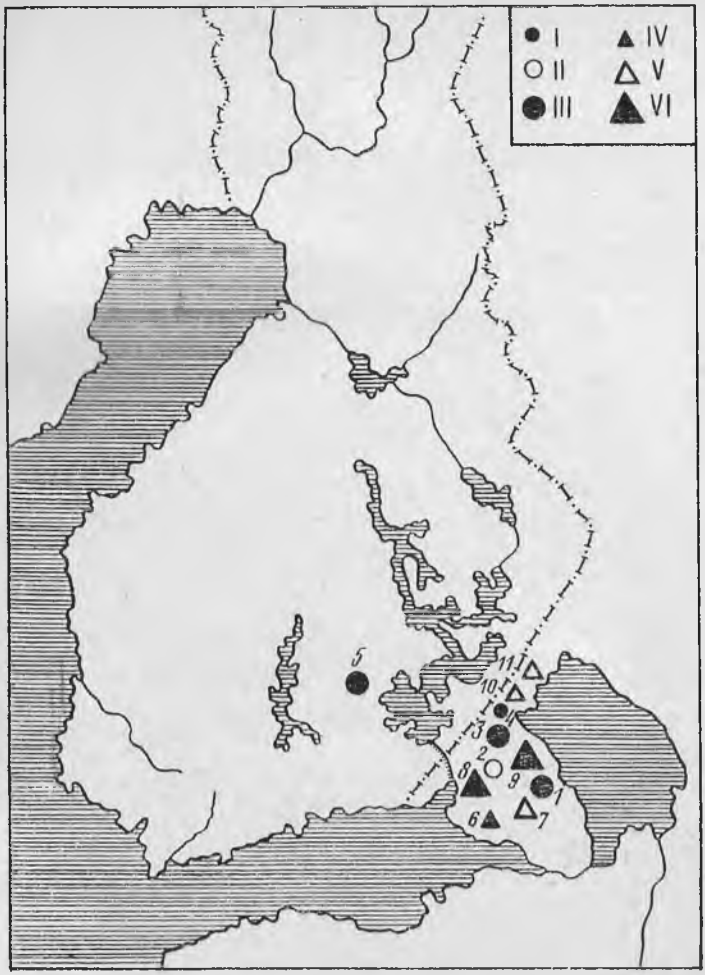

Рис. 7. Распространение подковообразных пластинчатых и выпуклых фибул карельского типа

Пластинчатые фибулы
I — 1 экз.; II — 2—3 экз.; III — 4 и больше.
1 — Саккола (Леппясенмяки, Сипиляинмяки, Патья — 4 экз.); *2* — Ряйсяля (Ховинсаари, Тиверск — 3 экз.); *3* — Каукола (Кекомяки, Ковернла, Кулхамяки — 6 экз.); *4* — Хийтола (Килпола — 1 экз.); *5* — Микели (Туукала — 7 экз.).
Выпуклые фибулы
IV — 1 экз.; V — 2—3 экз.; VI — 4 и больше
6 — Муола (1 экз.); *7* — Саккола (Патья — 3 экз.); *8* — Ряйсяля (Ховинсаари — 4 экз.); *9* — Каукола (Кекомяки, Кулхамяки, Ковернла — 6 экз); *10* — Куркиеки (Сяккимяки — 2 экз.); *11* — Сортавала (Рантуя — 2 экз.).

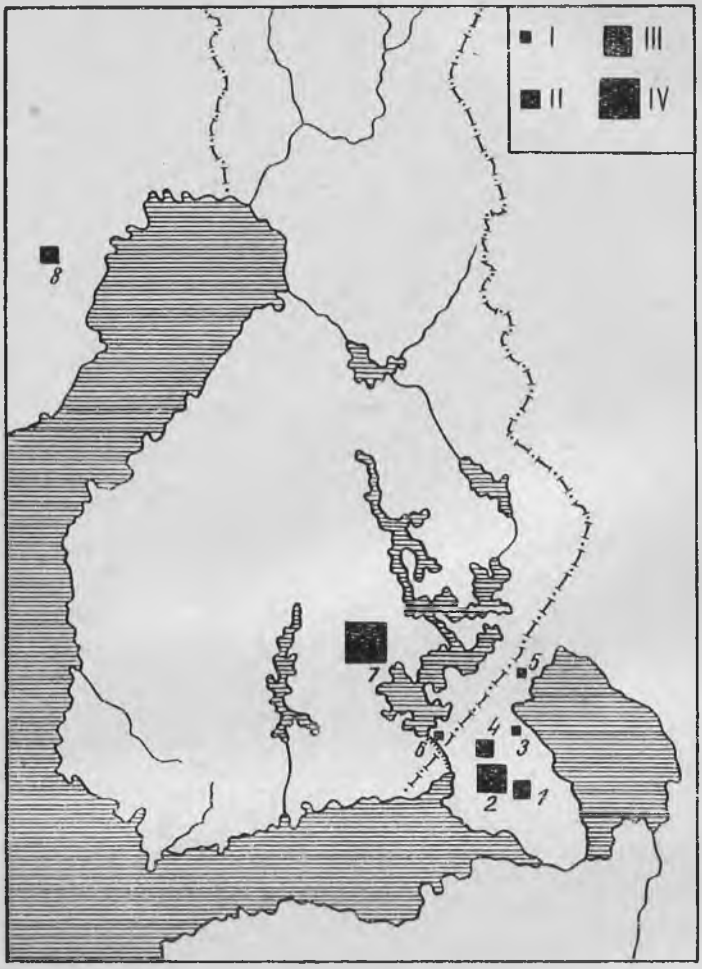

Рис. 8. Распространение орнаментированных рукоятей ножей
I — 1 экз.; II — 2 экз.; III — 4 экз.; IV — 6 экз.
1 — Саккола (Лапинлахти — 2 экз.); *2* — Ряйсяля (Ховинсаари, Ивасканмяки, Тиверск — 4 экз.); *3* — Корела (1 экз.?); *4* — Каукола (Кекомяки — 2 экз.); *5* — Куркиеки (1 экз.); *6* — Каускила (1 экз.); *7* — Микели (Тууккала — 6 экз.); *8* — Швеция (Гротреск, Гараселет — 2 экз.).

О. В. Овсянников, С. И. Кочкуркина

О ДРЕВНЕМ ОЛОНЦЕ

Средневековые памятники X—XIII вв. на Олонецком перешейке представлены курганами, которые располагаются обычно группами из нескольких насыпей по берегам рек Тулоксы, Видлицы и Олонки. Этот период по курганным древностям изучен достаточно хорошо. Выяснено, что Олонецкий перешеек в эпоху средневековья представлял единое целое с юго-восточным Приладожьем и в территориальном, и этническом отношении и был заселен предками вепсов, карел-людиков и карел-ливвиков [1]. Однако в изучении средневековых древностей как юго-восточного Приладожья, так и территории Олонецкого перешейка имеется существенный пробел — отсутствие изученных или хотя бы выявленных поселений, синхронных курганам X—XIII вв. Наиболее вероятно, что это будут открытые поселения — селища. Отсутствие здесь укрепленных поселений — городищ X—XIII вв. свидетельствует о мирном характере освоения славянским населением данной территории. Вот почему с археологической точки зрения исследование древнего Олонца представляло большой интерес, ибо этот погост как одно из древнейших поселений на Олонецком перешейке впервые упомянут в 1137 г. в Уставной грамоте Святослава Ольговича [2]. В 1973—1975 гг. на территории древнего Олонца проводились археологические работы [3].

---

[1] *Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, с. 63—67.

[2] «А се Обонезьский ряд: во Олонци 3 гривны, на Свери гривна,..». (Русские достопамятности, ч. 1, М., 1915, с. 84). А. Н. Насонов относит распространение погостов в Обонежье к 40-м годам XI в. (*Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 74).

[3] Работы проводились Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Помимо авторов статьи, в них принимали участие В. А. Базегский, Н. М. Граменицкий, М. Г. Косменко, В. К. Леонтьев, Т. М. Неёлова, О. Н. Салонова, А. М. Спиридонов, С. Н. Швабовская, сотрудница Карельского краеведческого музея В. В. Маш-чи. Авторы считают своим долгом поблагодарить всех названных товарищей, а также сотрудников Олонецкого краеведческого музея Г. С. Прудникову и Н. Н. Канноева за внимание и поддержку в организации археологических работ.

В самом начале раскопок стало ясно, что культурный слой ранее XVII в. на территории древнего Олонецкого города отсутствует. Олонецкий Рождественский погост, упоминаемый в документах XVI — первой половины XVII вв., являлся центром большой административной округи, но на погосте-месте располагалось ограниченное количество построек (главным образом дворы церковного причта и волостелей). К сожалению, описание Рождественского погоста на Олонце в писцовой книге Обонежской пятины Заонежской половины (писцовая книга Андрея Лихачева 1563 г.) не сохранилось [4], но ценные сведения относятся к первой половине XVII в. По писцовой книге 1628 г. на погосте-месте стояли две церкви — Рождества Богородицы и Николая Чудотворца [5]. В конце первой половины XVII в. погост описывал дьяк Степан Шишкин: «...а на погосте церковь во имя Рождества Пресвятые Богородицы, древяна, с трапезою, да другая церковь великого чудотворца Николы, да против них церквей на острове Пресвятые Богородицы Одегитрия» [6]. Первые оборонительные сооружения на территории Рождественского погоста появились лишь в самом начале XVII в. в связи с нападением отрядов черкас и «немецких людей». Известно, что осенью 1613 г. Олонецкий острожек уже был построен, а в январе 1614 г. «приходили на Олонец изгоном черкасы и немецкие передовые люди восемьсот человек,.. и тех черкас и немецких людей многих побили и языки многие и знамена поимали» [7]. Сейчас трудно судить, где находилась эта, по всей вероятности, небольшая крепостица, послужившая в тревожное время опорным военным пунктом и убежищем для окрестного населения. С 1624 г. при назначении в Заонежье воеводы резиденцией его был не Олонецкий, а Оштинский погост (в те годы, когда воевода не назначался, Заонежье управлялось по старине — из Новгорода Великого) [8]. Олонецкое воеводство было организовано с 1649 г. и связано с постройкой Олонецкого деревянного города.

В отписке 1649 г. первого олонецкого воеводы князя Федора Волконского дается краткая характеристика поселения:

---

[4] Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

[5] *Прилежаев Е. М.* Краткая историческая заметка об Олонце. Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894, вып. 3, с. 221 (Е. М. Прилежаев считает, что Никольская церковь ранее стояла на другом месте — на острове).

[6] Олонецкий сборник, вып. 1, Петрозаводск, 1875—1876, с. 67.

[7] Олонецкий сборник, вып. 4, Петрозаводск, 1902, с. 4.

[8] Карелия в XVII в. — Сб. документов. Петрозаводск, 1948, с. 54—58.

«...город быть в большом в Рожественском Олонецком погосте, на реке на Олонце, на усть речки Мегреги, где впала в реку Алонец, то место, где стояла деревня Оксентьева, а Толмачев наволок тож,.. посреди Алонецкого погосту»[9]. На острове, при слиянии р. Олонца и Мегреги, стояла «церковь древяная низкая во имя Одегитрии Пресвятыя Богородицы»[10]. Таким образом, на территории будущего Олонецкого кремля в 1649 г. располагались две деревни. По всей вероятности, небольшие одно-трехдворные деревни могли быть здесь и в XV—XVI вв. и в более раннее время, но обнаружить эти пятна древнего культурного слоя, если даже они и сохранились, возможно лишь путем сплошного вскрытия большой площади[11].

Существенно и то, что процесс сложения Олонца как торгово-ремесленного центра, города в современном смысле этого слова, начался лишь с возведением здесь крепостных сооружений в конце первой половины XVII в. и растянулся на довольно длительное время.

Итоги археологических исследований в Олонце в 1973—1975 гг. хотя и носили предварительный, разведочный характер, представляют немалый интерес и наряду с письменными источниками дают материал для изучения основных этапов строительства Олонецкого деревянного города, планировочной структуры оборонительных сооружений и застройки территории крепостного двора.

После заключения в 1617 г. невыгодного для Русского государства Столбовского мира пограничная линия проходила в непосредственной близости от Рождественского погоста, всего в 40 верстах. Постоянная опасность вторжения шведских военных отрядов побудила Московское правительство предпринять целый ряд мер по обеспечению обороноспособности пограничных районов: вводится институт «пашенных солдат»[12] и возводятся дерево-земляные укрепления в Олонце. Олонец превращается в крупнейший военный опорный пункт Заонежья.

О характере и организации военных строительных работ в Олонце на протяжении XVII в. можно судить по многочисленным сохранившимся письменным документам, важнейшими из которых являются Росписные и Сметные списки Олонца.

---

[9] ДАИ, т. III, СПб., 1848, с. 225.

[10] Там же, с. 230.

[11] В настоящее время территория кремля представляет собой городскую застройку, частично парк культуры, поэтому раскопочные работы пришлось вести выборочно.

[12] *Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, с. 123.

Эти документы позволяют выделить два основных строительных периода в истории олонецких оборонительных сооружений: первый период, который начался с возведением крепости в 1648—1649 гг. (Росписной список воеводы князя Федора Волконского 1649 г.) [13] и второй, связанный с восстановлением крепости после пожара 1668 г. (Роспись сметная Олонцу 1672 г. воеводы Ивана Баклановского) [14]. Однако эти документы фиксируют облик и характер крепости на момент постройки основного комплекса оборонительных сооружений. Кроме того, имеются письменные источники, которые свидетельствуют о продолжении строительных работ после завершения выполнения основного объема строительства, так сказать об окончательной доводке оборонительных сооружений. Часть из этих документов опубликована (например, акты о строительстве каменной палатки) [15], другие — «Сметные строельные росписи города Олонца» (1670—1677 гг.) [16], «Роспись описная городу Олонцу» (1702 г.) [17] вводятся в научный оборот впервые.

Большой интерес представляют также два плана Олонецкой крепости: уже давно известный в литературе фрагмент плана Олонецкого кремля, хранящийся в ЦГАДА в Картографическом отделе [18] и неоднократно опубликованный, план Олонецкого города с округой, впервые изданный Е. П. Еленевским и И. М. Мироновым [19]. В Рукописном отделе библиотеки АН СССР авторам удалось найти еще один план Олонца [20], который служит прекрасной иллюстрацией одного из строительных этапов крепости.

Первый строительный период
Постройка города
Образование Олонецкого посада

Отписка царю воеводы Волконского фиксирует построение Олонецкого города к 29 сентября 1649 г. Судя по этому документу, вопрос о начале строительных работ на Олонце был

---

[13] ДАИ, т. III, с. 227—231.

[14] РИБ, т. VIII, СПб., 1884, с. 907—950. Есть еще один краткий Росписной список Олонца 1672 г. (ДАИ, т. VI, СПб., 1857, с. 220—226).

[15] РИБ, т. VIII, с. 937—948.

[16] Архив ЛОИИ АН СССР, колл. 11, № 228.

[17] ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, Олонец, № 22, лл. 2—39 об. Частично этот документ публикуется в настоящей работе (см. Приложение).

[18] ЦГАДА, ф. 192, Карт. отдел. МИД. Карты Олонецкой губернии, д. 3.

[19] *Еленевский Е. П. Миронов И. М.* Планы городов Карелии XVII—первой половины XIX вв. Петрозаводск, 1960, рис. 1.

[20] РО БАН СССР, F—266/2, л. 116.

поднят раньше, может быть, в 1648 г.: Волконский упоминает о предыдущей отписке, в которой описывалось место, где будет начато строительство («...и о том мы, холопи твои писали к тебе государю преже сего, что на том месте обложили и учали делать два города,..»)[21]. После окончания работ, «написав роспись, и начертя чертеж, и сделав городом образец», отослали в Москву. Это обычная практика градостроительства в Московском государстве в XVI—XVII вв.

Таким образом, в конце сентября 1649 г. на стрелке, образованной слиянием рек Олонца и Мегреги был построен деревянный город, точнее, как на то указывает и воеводская отписка, два города — Меньший и Больший. «Роспись Олонецким городам» 1649 г. дает возможность довольно подробно представить облик этих оборонительных сооружений (рис. 1А, 2А, Б). Меньший город располагался на оконечности стрелки и представлял собой трапециевидную в плане крепость с общим периметром городовых стен и выпущенных за линию стен башен 360 сажен (с учетом стены и башни, отделявших Меньший город от Большего). Городовая стена Меньшего города вдоль р. Мегреги начиналась от «Мегрешской» шестиугольной башни, расположенной на стыке двух городов, и состояла из четырех прясел с двумя шестиугольными и двумя четырехугольными башнями (одна из четырехугольных башен стояла на задних Мегрегских водяных воротах). Западный фасад Меньшего города включал два коротких прясла (18 и 19 сажен) с двумя шестиугольными наугольными башнями и одной средней четырехугольной; северный фасад города (вдоль р. Олонца) — три прясла с двумя шестиугольными и двумя четырехугольными башнями (одна из четырехугольных башен располагалась на задних Олонецких водяных воротах). Наконец, восточная стена, смежная с Большим городом, имела протяженность 70 сажен, состояла из двух прясел с тремя шестиугольными башнями, в средней части которой находились проезжие ворота из Меньшего города в Больший.

Больший город примыкал к Меньшему с восточной стороны. На южном его фасаде находились две шестиугольные и две четырехугольные башни (одна из четырехугольных названа Тайницкой в связи с тем, что под ней был тайник к р. Мегреге). На северном фасаде Большего города вдоль р. Олонца располагались также две шестиугольные и две четырехугольные башни (под одной из четырехугольных башен размещались Олонецкие водяные ворота — передние), городовая стена

[21] ДАИ, т. III, с. 225.

состояла из трех прясел. С восточной стороны Большего города находилась напольная, «приступная» — наиболее опасная сторона Олонецкого города. Здесь на расстоянии около 130 сажен стояли две угловые шестиугольные глухие башни, одна шестиугольная воротная (Московская башня с «косыми» воротами) и две четырехугольные глухие средние башни, городовые стены — из четырех прясел.

Таким образом, Больший город с общей протяженностью укреплений 423 и Меньший — 360 сажен (всего 783) с 19 башнями состоял из двух замкнутых оборонительных комплексов и по тем временам являлся мощной дерево-земляной крепостью. Насыщенность Олонецкого оборонительного комплекса большим числом сильно выступающих в поле более или менее ритмически расставленных башен (минимальная длина прясла — 18 сажен, максимальная — 42) позволяла при обороне крепости организовать мощную систему как фронтального, так и флангового огня.

При характеристике пространственного и планировочного решения строительства Олонецкого оборонительного комплекса необходимо учитывать, что этот опорный пункт возводился в той части Северной Руси, которая на протяжении многих веков являлась «горячей точкой» и ареной постоянных военных столкновений с одним из агрессивных северных соседей — Шведским государством. Олонец являлся по существу порубежной крепостью.

Известно, что в XVII в., в эпоху широкого и массированного применения огнестрельного оружия, в эпоху строительства регулярных крепостей (четырехугольных или шестиугольных) защитные свойства рельефа местности играли уже второстепенную роль[22]. Но оказывается, что в целом ряде случаев — в первую очередь в пограничных районах, или в районах еще слабо освоенных русским населением (например, в Сибири), в конце XVI в. и на всем протяжении XVII в. города-крепости возводились преимущественно с максимальным использованием защитных свойств местности[23].

Древний Олонец являлся укреплением мысового типа — крепостью, расположенной на стрелке и отделенной с напольной стороны рвом, что вызвано, как это уже было сказано, особым, пограничным характером крепости. Однако это не единственная архаичная черта Олонецкой крепости.

[22] *Раппопорт П. А.* Основные этапы развития древнерусского военного зодчества.— СА, 1960, № 2, с. 56—62.

[23] *Овсянников О. В.* Из истории русского оборонного зодчества XVII в.— КСИА, вып. 129, М., 1971, с. 37—41.

При внимательном рассмотрении микротопографии построенного оборонительного комплекса невольно напрашивается сравнение Меньшего города с детинцем, а Большего — с посадом (окольным городом, острогом). Высказанное предположение оказывается не столь уж гипотетичным. Меньший город по характеру располагавшихся на его территории построек действительно являлся кремлем — здесь находилась соборная церковь, орган административного управления — съезжая изба, «казенной деревянной» погреб для хранения воинских припасов, официальная резиденция воеводы — воеводский двор [24]. Больший же город предназначался для убежища на случай военной опасности ближних жителей Олонецкого погоста: «И всего Олонецкого погосту... солдатских и крестьянских дворов с восмсот, и те все люди в осадное время будут в городе», а с удаленных деревень Олонецкого погоста «поспеет ли кто в город или нет, и того ведать не мочно» [25]. Таким образом, Больший город с самого начала предназначался в качестве убежища для жителей окрестных деревень и более того — в качестве постоянного местопребывания жителей вновь организуемого Олонецкого посада. Это, несомненно, существенный момент в истории сложения Олонца не только как военно-административного, но и торгово-ремесленного центра.

Уже в отписке воеводы Федора Волконского 1649 г. описываются первые меры по организации Олонецкого посада: «А жилых, государь, и посадцких людей в городы из заонежских погостов охотников никого нету; и мы, холопи твои, у смотру допрашивая волостных людей, которые люди у них в погостех торговыми промыслы промышляют... тем торговым людям говорили, чтоб они у кого есть дети, писали детей своих в солдатцкую службу, а сами писалися в посадцкие люди на Олонец» [26]. Так решалась, с одной стороны, организация посада, а с другой — обеспечение новой крепости воинским гарнизоном. Однако первые успехи в этом направлении были скромными — «тех людей написали в Олонецком и в иных розных погостех в город в посадцкие люди с шестьдесят человек», а детей их в солдаты [27]. Любопытно, что в письменных документах XVII в. неоднократно подчеркивалось значение Большего города как окольного, в частности, в наименовании его «острогом» [28].

[24] ДАИ, т. III, с. 228.
[25] Там же, с. 230.
[26] Там же.
[27] Там же.
[28] Еще в ходе строительства олонецкие воеводы доносили в новгородский Приказ: «... в Олонецком погосте город и острог обложили, и городовое и острожное дело делать учали». Из документов видно, что первоначаль-

Обращая внимание на некоторые специфические черты планировочной структуры Олонецкой крепости, необходимо отметить, что наряду с ними эта крепость отвечала всем условиям оборонительной тактики XVII в. (насыщенность крепостных башен и стен несколькими ярусами бойниц, известным запасом прочности деревянных сооружений на случай артиллерийского обстрела).

С выполнением основного объема строительных работ к осени 1649 г. мероприятия по доводке и совершенствованию олонецких укреплений тем не менее были далеко не завершены и растянулись еще на несколько лет. Целесообразность подобных мер не вызывает сомнений, так как с осени 1655 г. Русское правительство ускорило подготовку войны со Швецией за земли, отторгнутые в 1617 г. по Столбовскому миру, и в следующем, 1656 г. Россия объявила войну Швеции (1656—1666 гг.), имея в Заонежье, на одном из опасных пограничных участков хорошо оснащенную крепость.

Что же было сделано в Олонце в период после 1649 г.? Росписной список 1649 г. описывает построенные городовые стены и башни, из дополнительных укреплений указан только ров, выкопанный перед восточной стороной Большего города между р. Мегрегой и р. Олонцом, и за рвом «ото рва в 3-х саженех... на сте на девяносте саженех, ставлены надолбы двойные» [29]. Это были единственные укрепления с наиболее опасной, «приступной стороны».

Однако известно, что до пожара 1668 г., уничтожившего крепость, Олонец имел вспомогательные укрепления, которые значительно увеличивали его оборонную мощь. Это касается не только укрепления рва обрубом на трассе 183 сажени (ширина рва в 3 сажени, высота деревянного обруба по двум стенам — 2 сажени без четверти) [30], но создания грандиозных дополнительных околобашенных дерево-земляных сооружений — быков. Судя по описи, быки — это деревянный обруб типа тараса, засыпанный землей. О времени появления этих сооружений вполне отчетливо говорится в сметной Росписи Олонца 1671 г.: «а те все быки построены были при околничем и воеводе при Василье Александровиче Чоглокове, после прежняго городоваго

но на месте Большего города предполагалось строить острожные укрепления, но опасность разрушения тыновой ограды во время половодья побудила строителей поставить «по тому острожному месту другой рубленой город» (Карелия в XVII в., с. 81—82); ДАИ, т. VI, с. 220.

[29] ДАИ, т. III, с. 230.

[30] РИБ, т. VIII, с. 916.

строения за 8 годов, а не вместе с городом построены»[31]. Воеводство Чоглокова началось с 1649 г.,[32] сохранились отписки и самого воеводы Чоглокова о проводимых им строительных работах — в 1651 г. он доносил царю о сооружении около города деревянного обруба: «в тарасы и землею и хрящем насыпан», чтобы «городовых стен и башен водою не подмыло и города не испортило»[33]. Однако из воеводской отписки можно сделать вывод, что при Чоглокове эти работы были не начаты, а продолжены и завершены. При нем же построены два моста: «от городовых ворот по рекам по Олонце и по Мегреги» (один мост через Мегрегу, вероятно, вел из Меньшего города к месту старого погоста, к церквам Рождества Богородицы и Николая Чудотворца, другой — через р. Олонец). С 1649 по 1668 гг. изменилась, по всей видимости, и степень застроенности территорий крепостных дворов Меньшего и Большего городов.

В 1649 г. Роспись Олонцу перечисляет в Меньшем городе следующие постройки: соборную Троицкую церковь («церковь древянная клетцки и с трапезою») с двумя приделами (Алексея Божьего человека и Дмитрия Солунского), съезжую избу, воеводский двор, сторожку у ворот и казенный погреб. К моменту пожара на территории кремля, кроме перечисленных построек, стояла деревянная колокольня[34], увеличилось число построек на территории Большего (окольного) города. «Тщаньем» воеводы Федора Волконского, как мы отмечали, в Олонецкий посад было записано 60 семей, которым велено «в городе дворы строить» с расчетом завершить домостроительство к весне 1650 г. Однако этот срок оказался нереальным и воевода указал селиться осенью «человеком двум, иным и трем один двор поставить, чтобы в городе не пусто было»[35]. В город привезли только «избе десять» да и то «прожиточные люди» и в тех избах селились по нескольку человек. Любопытно, что двадцать человек, которые были записаны на Олонце в пушкари из бобылей, так и не жили на посаде: «люди скудныя и живут по крестяном в розных деревнях»[36]. Записанные насильно в посад люди постоянно стремились съехать на места

---

[31] Там же, с. 925.

[32] То есть тогда, когда основной объем строительных работ был выполнен, но продолжалось усовершенствование крепости и застройка территории крепостного двора.

[33] ЧОИДР, кн. 2, 1886, V, с. 5—6.

[34] Там же, с. 5.

[35] ДАИ, т. III, с. 226.

[36] Там же.

прежнего житья. Так, в наказной «памяти» олонецкому воеводе в 1651 г. предписывалось «посадцких людей изо всех погостов взяти с женами и с детми и со всеми их животы, на житье в город, па Олонец...» [37]. Эти наказы олонецким воеводам один за одним следуют на протяжении всего XVII в. В 1672 г. в наказе воеводе Богдану Ордину Нащокину особо подчеркивалось: «Да ведомо великому государю царю,.. что Олончаня посадцкие люди, которые взяты на посад на житье, сошли в заонежские погосты в села и в деревни попрежнему, кто где жил», и предписывалось «тех посадцких людей из тех заонежских погостов из сел и из деревень, свесть попрежнему на посад, тотчас, и велеть им жить на посаде, а в села и в деревни без отпуску им ездить не велеть» [38]. Дело в том, что в начале XVII в. отдельные районы Обонежской пятины специализировались на определенном виде промыслов, сложились торговые и рыночные связи, в хозяйственной жизни района активную роль играли «прожиточные» крестьяне, а из числа посадских олонецких людей торговыми операциями занимались лишь несколько человек [39]. Процесс дальнейшего развития Олонца как города, процесс формирования городской территории шел в общем-то традиционным для Северной Руси путем — не столько увеличением числа посадских дворов на территории окольного города, сколько образованием и расширением окологородних слобод. Так, к 1674 г. около Олонца сформировалась Стрелецкая слобода и в ней была построена церковь Архистратига Михаила, а в 1682 г.— церковь Тихвинской иконы Божьей матери, примерно в это же время в Клобуковской слободе выстроили церковь Зосимы и Савватия [40]. Росла численность населения и на старом погосте-месте, где находились Рождественская и Никольская церкви. Несомненно, появление в Рождественском погосте крепости привело к постепенному сложению в Олонце, правда, не сразу, посадского городского населения, способствовало развитию городской культуры в Заонежье.

---

[37] АИ, т. IV, с. 156. В 1668 г. олонецкие окологородные крестьяне подали в новогородский Приказ челобитную с просьбой не отнимать у них деревенские участки, так как «городовых, государь, торгов и промыслов никаких нет, город, государь, украинной, а место порубежное, а нас сирот твоих и всех посадцких людишек только полтораста дворов» (Карелия в XVII в., с. 190).

[38] ДАИ, т. VI, с. 225. В 1678 г. воевода доносил царю: «а город порубежный, а посадцкие, государь, олонецкие люди живут около города немногие, а иные в верстах в трех и в четырех, и в пяти и в десяти» (ДАИ, т. VIII, СПб., 1862, с. 31).

[39] *Мюллер Р. Б.* Указ. соч., с. 166—167.

[40] *Прилежаев Е. М.* Указ. соч., с. 224—225.

Письменные документы дают возможность отметить характерные для Олонца строительно-технические приемы крепостного зодчества и в первую очередь конструкцию крепостной городовой стены. Реконструкция городовой стены Олонца XVII в. впервые была выполнена Ф. Ласковским[41], однако с ней трудно согласиться, тем более, что устройство стен Олонца на протяжении XVII в. не оставалось неизменным. В 1649 г. была построена городовая стена высотою до кровли 3 сажени с четвертью и шириной 2 сажени без четверти. Ее основу составляли четырехугольные тарасы размерами «по городу в сажень, а в город 2 сажен без четверти»[42]. До уровня нижнего боя стена была засыпана «землею для защиты пушечной и пищальной стрельбы», т. е. основание городовой стены, благодаря засыпке землей, должно было противостоять артиллерийскому обстрелу. Вдоль всей крепости на уровне нижнего боя лицевая сторона стены внизу была срублена в две стены. Двойная бревенчатая стена надежно защищала стрелков, находившихся у бойниц нижнего, подошвенного боя в специальных камерах. Эти камеры чередовались с тарасами, засыпанными землей (камера занимала все расстояние между двумя тарасами — участок стены протяженностью 2 сажени), в каждой камере находилось по две бойницы нижнего боя. Брустверв две стены защищал стрелков, стоявших у бойниц верхнего боя. К сожалению, Роспись 1649 г. не дает сведений об устройстве бойниц среднего боя, но особо отметила, что с приступной, восточной стороны засыпаны землей не только стена, но и башни «по нижние бои».

В 1668 г. оба олонецких города Меньший и Больший со всем хоромным строением сгорели, «а отнять было не мочно, ветер был большой; а город был не пространный, улицы и дворы тесные»[43]. О необходимости возобновления Олонецкой крепости сохранились документы лишь с 1670 г. Вопрос о постройке Олонца несомненно был поднят в скором времени после пожара («а без города на Олонце быть не мочно»). Это видно из списка с царской грамоты, посланной олонецкому воеводе Ивану Баклановскому: Москва и воеводы к этому времени

---

[41] *Ласковский Ф.* Карты, планы и чертежи к I части Материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858, л. 8, рис. 50, 52.

[42] Ф. Ласковский так определял тарас: «Участок деревянной ограды между двумя поперечными стенами и составляет собственно тарасу». Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. I, СПб., 1858, с. 83). Но описи Олонца дают возможность считать, что тарасом называли только те части городовой стены, которые были засыпаны землей.

[43] РИБ, т. VIII, с. 907.

обменялись, по крайней мере, тремя грамотами. В 1670 г. в Москве уже находилась сметная Роспись и чертеж будущему городу, отрицательно решился вопрос об увеличении территории крепостного двора, так как она ограничена водами Олонца и Мегреги; и о строительстве в Олонце земляного города: «А земленого города на Олонце сделать и утвердить... не мочно, земля иловатая и дерновых мест нет»[44]. И хотя от постройки в Олонце земляного города отказались, сама постановка вопроса о возможности его строительства представляет большой интерес. Дело в том, что в конце XVI в., особенно в XVII столетии, когда крепостная артиллерия стала применяться в большом количестве и играла важнейшую роль при обороне крепости, размещение ее в крепостных башнях затрудняло маневрирование огнем. В странах Западной и Северной Европы уже строились оборонительные сооружения с бастионными системами, позволявшими при открытом расположении артиллерийских орудий иметь почти неограниченный сектор обстрела, сосредоточить на бастионной площадке значительное количество орудий и быстро производить огневой маневр орудиями любого калибра.

Попытки применить достижения западного военно-инженерного искусства при строительстве земляных крепостей в России относятся к концу XVI — первой половине XVII вв. Например, в 1646 г. для строительства земляного города в Ростов был направлен «городового земляного дела градоделец» голландец Ян Корнилов, который перед этим сделал для царя в Борисове городке «земляного города образец»[45]. «...государь указал и бояре наши приговорили на Олонце город сделать деревянной на прежнем месте, по чертежу и строеньем против прежнего...» — таково было последнее решение[46]. Таким образом речь шла о восстановлении крепости в ее прежнем виде. Однако в ходе строительства были внесены поправки, которые несколько видоизменили первоначальный (чисто восстановительный) замысел.

Второй строительный период

Строительство Олонецкого города, начатое в 1670 г., было завершено в 1672 г. Об облике крепости основные сведения дает сметная Роспись Олонца 1672 г. Планировка крепости

---

[44] Там же, с. 909.
[45] АИ, т. IV, СПб., 1842, с. 47.
[46] РИБ, т. VIII, с. 909.

в основном сохранила свои черты — деревянный город по-прежнему занимал стрелку между р. Олонцом и Мегрегой, но появились и новые, существенные моменты в его планировочной структуре: исчезло деление Олонца на кремль и окольный город, уменьшилось общее количество башен с 19 до 13 (рис. 1Б). Претерпела некоторые изменения конструкция городовой стены (рис. 2 В, Г). Произошли изменения и в застройке территории крепостного двора.

Осенью 1671 г. решался вопрос о целесообразности деления города на два оборонительных комплекса. Еще не была построена стена, которая разделила бы Олонец на две части, а воевода Иван Баклановский просил дать указание относительно ее восстановления (он предлагал, кроме стены, разделить Меньший и Больший города еще рвом с обрубами и земляным валом, чтобы «городу было прочнее и от неприятеля и от огненнаго запаления от болшого города») [47]. К сожалению, царского указа относительно этих работ не сохранилось, а поскольку описания средней стены, рва и вала нет в сметной Росписи 1672 г., можно судить, что в то время она не была построена.

Южная стена крепости состояла теперь из пяти прясел с пятью шестиугольными башнями (в двух из них располагались Никольские и Мегрегские ворота) и одной четырехугольной глухой башни (в прясле между Мегрегской воротной башней и четырехугольной глухой «тайник построен против прежнего»). На западной стороне крепости находилось одно прясло с двумя угловыми шестиугольными башнями, а на северной стороне — пять прясел с четырьмя шестиугольными башнями (одна из них — воротная) и двумя глухими четырехугольными. С восточной, приступной стороны стена состояла из двух прясел с тремя шестиугольными башнями, в одной из них находились Московские проезжие ворота. Общий периметр стенных прясел вместе с выступающими частями башен составлял 701 сажень без четверти аршина, т. е. немногим меньше сгоревшего города: «ныне город рублен со всех четырех сторон, от прежнего городоваго места внутрь города, чтоб к прежнему и обрубу было не в тягость и обрубы не оплыли» [48]. Обрубы (быки) сильно пострадали во время пожара 1668 г.: из шести, построенных до пожара, уцелело только два (у крайней юго-западной наугольной башни и у крайней северо-восточной угловой башни; у уцелевших в пожар быков были построены к 1672 г. надолбы в 4 венца), остальные четыре быка (у Московской и Никольской воротных

[47] Там же, с. 914.
[48] Там же, с. 926.

башен, у угловых юго-восточной и северо-западной башен) стояли к моменту Росписи невосстановленными. К 1672 г. был очищен ров перед напольной стороной крепости (во время пожара 1668 г. он обвалился под тяжестью земли, высыпавшейся из сгоревших быков) [49].

Была несколько изменена конструкция городовой стены. По Росписному списку 1672 г. она предстает в следующем виде. Городовая стена была срублена на высоту 3 сажен, на высоту 1,5 сажени 2 вершков шли тарасы, а сверху обламы, в которых находились верхние бои. Тарасы в плане имели трапециевидную форму (ширина тарасов «с лица» 1 сажень 1 аршин, а ширина со стороны крепостного двора — 1 сажень). Камеры, в которых располагались бойницы нижнего, подошвенного боя, были между тарасами («с лица» эти камеры имели ширину 1 аршин, а со стороны крепостного двора — 1 сажень без 0,5 аршина). Подобная конструкция тарасов и камер нижнего боя, которую можно признать весьма оригинальной, возникла не случайно. Такие тарасы, засыпанные землей (правда, к моменту составления Росписи «землею тех тарасов насыпать не успели»), с чередованием коротких участков крепостной стены, в которых располагался подошвенный бой, были рассчитаны на сопротивление артиллерийскому обстрелу. Нижняя часть городовой стены (на высоте 4 венцов была срублена в две стены) служила солидным основанием для всей конструкции, а для стрелков в камерах нижнего боя — надежным бруствером от пушечного и пищального обстрела. Средний бой в городовой стене располагался между уровнем засыпки земли в тарасах и мостом (уровнем пола) в обламах. Верхний бой уже не на часть, а на всю высоту обламов имел надежный бруствер (рубленую двойную стену). Ширина городовой стены 1672 г. по сравнению с крепостью 1649 г. была также увеличена, она имела в поперечнике 2 сажени (в 1649 г.— 1 сажень с полуаршином), что придало Олонецкой крепости значительную мощность. С постройкой в 1672 г. городовых стен и башен крепостные строительные работы не были окончены: в 1684 г. в крепости велись значительные работы, «к городовому обрубному строению» посадскими людьми на Олонец было доставлено 4575 бревен [50]. Возможно это связано с восстановлением пострадавших в пожар 1668 г. быков. Да и в самой Росписи 1672 г. говорится о продолжении работ: «и по грамоте, велено на Олонце город достраивать...» [51]. К 1672 г. были

---

[49] Там же, с. 915. О деревянной конструкции стенок рва см. ниже.
[50] Карелия в XVII в., с. 278—280.
[51] РИБ, т. VIII, с. 933.

проведены большие строительные работы и по восстановлению застройки на территории крепостного двора. Были построены воеводские хоромы с оградой, зелейный погреб со стоячим тыном вокруг, приказная изба (поземная, с комнатою, чуланом и сенями), соборная Троицкая церковь («а рублена та церковь строением против прежняго, шатровая, о трех шатрах») [52]. Непостроенными оставались колокольня у соборной церкви, тюрьма и хлебные амбары и мосты (мостовые отмостки) по улицам (Роспись упоминает улицы — Московскую Пробойную, от нее улицы к Верховским воротам к Олонцу, да улица к Мегрегским воротам, Московская улица имела ширину 6 саженей, другие по 5 сажен). Уже после 1672 г. в Олонецком городе появилась еще одна церковь, стоявшая рядом с Троицким собором — Богоявленская, которая также была восстановлена («церковь Богоявления Господня, теплая, рублена была клецки») [53].

В 1674—1676 гг. в Олонецком городе строилось первое каменное здание — приказная палата («каменная полата на содержание денежной казны и пороху и свинцу и протчих казенных припасов») [54]. В последующий период сведения о строительстве в Олонецком городе становятся весьма скудными. Удалось установить, что в 1700 г. было заново построено прясло городовой стены между Никольской воротной и глухой шестиугольной башнями («а вышиною городовая стена новая прясла от земли и с облама до катка з загородной стороны пол 3 сажени аршинного по стене опричь обламу 2 сажени») [55].

В связи с этим ценность имеют древние планы Олонецкого города, особенно план из Рукописного отдела библиотеки Академии наук СССР (рис. 3). Он выполнен в манере, характерной для XVII в., вероятнее всего иконописцем [56] и представляет значительный интерес как для изучения застройки и планировки крепостного двора, так и для исследования архитектурных особенностей административных, культовых и жилищно-хозяйственных комплексов кремля. Оборонительные сооружения Олонца довольно хорошо известны по письменным документам (в частности, по Росписи 1702 г.), но на плане наглядно показаны любопытные детали: открытая обходная галерея на уровне бое-

---

[52] Непонятно, почему В. Г. Брюсова считает, что Троицкий собор был каменным уже в 1649 г. (*Брюсова В. Г.* По Олонецкой земле. М., 1972, с. 100).

[53] Архив ЛОИИ, колл. 11, ед. хр. 228, л. 12.

[54] Сметная Роспись этой постройки см. РИБ, т. VIII, с. 938—949.

[55] ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, Олонец, № 22, л. 11 об.

[56] Можно привести немало примеров, когда фортификационную графику по указанию воеводской администрации выполняли местные «изуграфы».

вого хода и дверные проемы в башнях для кругового обхода по галерее, входы в боевые камеры подошвенного боя.

Центральная уличная магистраль кремля начинается от Московских ворот, пересекает восточную часть крепости и поворачивает на юг к Никольским воротам. Любопытно отметить такую черту благоустройства города как мощение большой улицы и участка от здания приказа до соборной церкви. Переулки к Верховским и Мегрегским воротам оставались незамощенными. Хотя план фиксирует результаты последнего периода крепостного строительства, расположение жилищных и административных комплексов, на наш взгляд, осталось «традиционным», характерным для периода, когда Олонец делился на Меньший и Больший города.

В восточной части города располагались хлебные «анбары», торговые лавки. Тут же стоял комплекс дьячего двора — центральное здание на высоком глухом подклете, очень похожее на здание приказа. С одной из торцовых сторон художник изобразил три больших световых окна. На длинной стороне большого дома — высокое крыльцо, крытое «бочкой», с двумя развитыми рундуками. Художник не изобразил трехчастного членения этого дома, но оно подразумевается, поскольку три проема с полуциркульным завершением справа от крыльца, несомненно, являются окнами сеней.

Вся западная часть кремля занята воеводским двором, отделенным от остальной части крепости оградой (возможно, ограда выполнена в характерной для того времени манере: прясла между вертикально врытыми столбами забраны в пазы техникой «набирки»). Центральное сооружение воеводской усадьбы — большой трехэтажный с пристройкой дом. Необычайно богатое крыльцо «на отлете» с двухмаршевой лестницей, покрытое «бочкой», вело на второй и третий жилые этажи постройки. Наличие дымника свидетельствует о том, что отапливались помещения и верхнего этажа. Можно предположить, что жилым был и подклет воеводского дома. По крайней мере, наличие дверного проема и двух волоковых окон дают возможность считать его помещением для воеводской челяди. Вероятно, для хозяйственных нужд использовался участок под крыльцом (художник подчеркнул это, изобразив дверной проем). На воеводской усадьбе располагались другие сооружения, в том числе поварня. Двор имел отдельный выход к р. Олонцу в крепостной стене («водяные» ворота).

На территории крепости изображены две каменные постройки — зелейная палата и Троицкая соборная церковь. Каменная палата, довольно высокая постройка со щипцовым завершением,

построенная в 1674—1676 гг., была, по крайней мере, двухэтажной (второй этаж располагался на сводах основного помещения)[57]. Большой интерес для изучения строительной истории Олонца представляет изображение каменного Троицкого собора, наличие которого важно и для более точной датировки наиболее раннего из известных планов Олонца (деревянный Троицкий собор после пожара был выстроен к 1672 г.). Каменный Троицкий собор построен во второй половине 80-х гг. XVII в.[58]. Это высокий восьмерик, увенчанный пятью главами. Нижний этаж, подклеты, использовались в качестве хранилищ (подклеты расположены также и под алтарной частью храма). В храм вело пышное каменное крыльцо на арках с двумя крытыми лестницами — рундуками с кровлями[59].

Интересна архитектура и деревянной Богоявленской церкви, построенной по-клецки после 1672 г. Основной объем его — клеть с двускатной кровлей — увенчан одной главой. Отчетливо видны три апсиды, а с западной стороны — трапезная. Вероятно, была и галерея. Оба храма имели общую деревянную колокольню (традиционное северорусское сооружение): высокий мощный восьмерик с одним открытым ярусом звона, с шатровым завершением и небольшой смотровой вышечкой. Крутизна ската шатра колокольни была, по-видимому, значительной, так как художник у основания шатра изобразил широкий «отлив».

Можно предполагать, что не все архитектурные детали на этом плане абсолютно достоверны. Однако реализм композиций подобных изображений не вызывает сомнений и позволяет считать их ценным историческим источником. В частности, изображенные на плане постройки служат достоверным хронологическим «индикатором» для датировки известных сейчас планов древнего Олонца. На плане из РО БАН СССР Троицкий собор — единственная каменная постройка, а на плане из ЦГАДА их две: Троицкий собор и Богоявленская церковь, трехглавая, с приделом и звонницей с шатровым покрытием[60].

---

[57] На полях рукописного подлинника Росписи 1676 г. сделаны приписки, относящиеся к 1833 г., о ремонтных работах в здании каменной палаты в 1728 г., когда в ней размещалась воеводская канцелярия. Капитальная перестройка здания была осуществлена в 1741 г., когда его «перечинили и пристроили вновь».— РИБ, т. VIII, с. 948—950. О. В. Овсянников ошибочно принял деревянное здание Приказа за каменную палатку (см. *Овсянников О. В.* Каменные палатки в северорусских городах.— КСИА, вып. 148, 1977, с. 105—109).

[58] Известия церковного археологического общества при Киевской академии за 1883 г. Киев, 1884, с. 24. Авторы благодарят М. Н. Мильчика за указание на эту работу.

[59] Его разобрали в 1787 г. «по ветхости». *Брюсова В. Г.* По Олонецкой земле, с. 100—101.

[60] Разобрана в 1800 г. *Брюсова В. Г.* Указ. соч., с. 101—102.

Трудно согласиться с датировкой (1668—1670 гг.) чертежа, опубликованного Е. П. Еленевским и И. М. Мироновым, поскольку ни в одном из письменных документов второй половины XVII в. не идет даже речи о сооружении оборонительной линии вокруг окружавших Олонецкий город слободок по рекам Олонцу и Мегреге. Наиболее вероятная датировка этого графического документа — начало XVIII в. Вполне возможно, что после поражения под Нарвой Петром I предпринимались экстренные меры по укреплению тех русских крепостей, которые могли стать объектом нападения шведов, в том числе и Олонца, прикрывавшего не только стратегически важную дорогу, но и путь к олонецким заводам, игравшим во время Северной войны значительную роль в снабжении русской армии вооружением, в первую очередь артиллерийскими орудиями.

Таким образом, относительная датировка планов Олонца теперь ясна: план из БАН СССР самый ранний и, следует заметить, самый полный и детальный. Он появился после постройки Троицкого собора, но до завершения строительства в 1700 г. прясла крепостной стены от Никольских ворот до глухой шестиугольной башни. План Олонца из ЦГАДА можно датировать первым десятилетием XVIII в.

Таковы основные моменты строительной истории одного из выдающихся памятников русского деревянного крепостного зодчества XVII в. на территории Северной Руси.

В 1973—1975 гг. в Олонце впервые проводились археологические раскопки, цель которых заключалась в исследовании культурного слоя древнего города, в выявлении и изучении остатков оборонительных сооружений и внутренней застройки крепости. За три полевых сезона в раскопах I—VI была вскрыта общая площадь более 300 м². Раскопы, за исключением I—II, пришлось заложить в западной части городища, в местах, свободных от застройки и насаждений парка.

Оборонительные сооружения

Остатки деревянной крепости XVII в. изучались в раскопах I—III. Раскоп III заложен в северо-западном углу Меньшего города. На серой подстилающей глине на глубине около полуметра (культурный слой практически отсутствовал) выявлены остатки дерева чрезвычайно плохой сохранности в виде древесного тлена и следов сгоревших бревен, ориентированных в направлении север — юг с некоторым отклонением к западу и востоку. Они представляли собой семь полос различной длины от 0,24 до 1,4 при ширине от 0,08 до 0,28 и толщине до 0,1 м

(рис. 4). Сгоревшее деревянное сооружение являлось, вероятно, северо-западной угловой башней.

Кроме того, обнаружена, по-видимому, часть тараса, примыкавшего к башне. Зафиксированы две его стороны: одна длиной 2, шириной 0,06—0,1 и вторая соответственно 2,3 и 0,18—0,2 м. Остатки дерева в стенке траншеи в двух местах: на отрезке С (ширина 0,28, высота 0,29 м, очевидно, здесь была стена из трех уложенных друг на друга бревен) и на отрезке В (длина 0,3, высота 0,12—0,15 м). Отчетливо зафиксирован слой пожарища — непрерывная углистая полоса длиной 6, мощностью 0,08—0,1 м переплетается с тонкой, но достаточно выразительной прослойкой обожженной глины красноватого цвета.

Таким образом, можно предположить, что обнаруженные в раскопе остатки сгоревших бревен (фрагмент шестиугольной башни и примыкавшего к ней с юга тараса) относятся к первому строительному периоду — к сооружениям Меньшего города 1649 г.

Для выяснения характера оборонительных сооружений с напольной стороны крепости, у ее северо-восточного угла, было размечено два раскопа (I—II), ориентированных по оси север — юг, в том месте, где у обрывистого берега р. Олонки торчали массивные бревна хорошей сохранности. Изучение данного участка было важно не только ввиду его аварийного состояния, но давало возможность с максимальной точностью определить границу крепости и трассу ее восточной стены. В траншеи I—II вошли участки, на которых находились уже открытые бревна, и те, где вероятнее всего ожидалось их продолжение.

Слой современного мусора и глины снят по всей площади траншей. Уже в самом начале работ стало ясно, что исследуемые бревенчатые конструкции являлись не остатками городовой стены или угловой башни, а обрубом, сделанным с целью укрепления глинистых стенок рва.

В траншее I обруб восточной стенки рва прослежен на протяжении 11,2 м (рис. 5 А). Великолепная сохранность массивных сосновых бревен диаметром 0,28—0,4 м позволила детально исследовать всю конструкцию обруба. По фасаду он представлял собой двойную рубленую стену (расстояние между двумя рядами бревен 0,4 м). Внутренние поперечные стенки (длина их выявлена на 1,8 м) рубились из менее толстых бревен диаметром 0,24—0,26 м на расстоянии 3,6—4,16 м друг от друга. Концы длинных бревен по фасаду крепились друг с другом в замок («ласточкин хвост»), поперечные стены врубались в них способом рубки «в лапу». Продольные стены сохранились до 0,76 м на высоту трех — четырех венцов, поперечные до 0,72 м на

два — три венца. Чтобы не допустить оползания обруба, после насыпки его грунтом, строители сделали дополнительные крепления: через 0,88 и 0,4 м от поперечных стен в фасадные врубались короткие поперечные бревна с квадратными сквозными пазами, через которые в грунт были вбиты колья, выполнявшие здесь роль своеобразного «нагеля».

В траншее II в западной стенке рва обруб вскрыт на протяжении 9,8 м, его конструкция аналогична описанной (рис. 5 Б). Поперечные стенки обруба сохранились на четыре венца высотой до 0,76 м, продольные — на несколько меньшую, так как они сместились, несмотря на то, что вертикально вбитые «нагеля» (всего 21) располагались по этому обрубу через 0,12—0,16 м.

Есть все основания полагать, что обнаруженные деревянные конструкции во рву относятся ко второму строительному периоду. Именно тогда из Олонца доносили: «А ныне мы, государь, мы холопи твои того рва длиною 37 сажен трехаршинных, в котором месте обвалился, очистили и обрубили и тарасы землею насыпали против прежнего, вновь, государь, стрелы из стены в стену для утверждения построили, чтоб водою не смыло»[61]. На это указывает и ширина рва — 6,2 м, по отписке 1672 г.— 3 сажени (6,39 м).

«Стрел» — бревенчатых перемычек «из стены в стену» во время раскопок не обнаружено. Возможно, они находились не на всей трассе рва, а только в его срединной части. В настоящее время дно древнего рва находится выше уровня р. Олонки на 1,88 м; судя по документам XVII в. тогда ров был «сухим». Кроме незначительного количества щепы, оставшейся от рубки «замков» обруба во рву, нескольких поздних вещей в верхних слоях, в раскопе ничего не найдено.

Следовательно, в процессе археологического изучения Олонца была обнаружена и впервые исследована в натуре бревенчатая конструкция обруба крепостного рва, ранее известная исключительно по письменным документам.

Территория крепостного двора

В западной части крепостного двора (в 10 м от бывшего здания краеведческого музея и в 7 м от дороги) на доступном для исследования участке был разбит раскоп IV[62]. Вначале он

[61] РИБ, т. VIII, с. 916—917.

[62] До начала работ был установлен репер над уровнем воды в р. Мегреге, поэтому нивелировочные отметки абсолютные. В качестве репера взято ребро осветительного металлического столба (ребро от современной поверхности на 119 см), высота которого над уровнем воды 6,16 м. Нивелировочные отметки раскопа уравновешены, без резких взлетов и падений.

был размечен в виде траншеи, ориентированной запад — восток, а затем увеличен соответственно появляющимся сооружениям (квадраты 21, 25, 26 оставлены нетронутыми, поскольку ни культурного слоя, ни сооружений в них не обнаружено). Под дерном залегал слой темно-серого цвета с коричневатыми глинистыми вкраплениями. При углублении в раскопе выявился сложный комплекс, включавший две каменные гряды, деревянные настилы и мощный углистый слой, занимавший ограниченное двумя параллельными грядами пространство.

Две гряды из валунов, разделенные пространством в 6,4—6,8 м, ориентированы в направлении северо-восток — юго-запад (рис. 6 А). Юго-западные концы выявлены полностью (их соединение вскрыть не удалось из-за деревьев городского парка). Выявленная часть западной гряды имела длину 14,4 м, ширину от 0,6 до 1,4, высоту 0,44 м. У ее юго-западного конца обнаружены фрагменты обычной и белоглиняной керамики, железные изделия, шлаки, обломки листового железа, а у северо-восточного — точильные бруски, железные накладки, гвозди, болты, фрагменты белоглиняной и черной лощеной керамики.

Вторая, восточная, параллельная первой гряда из булыжных камней шириной от 0,8 до 1,4 м раскрыта на протяжении 5,4 м. У юго-западного конца прослежен поворот, сохранившийся почти на метровую высоту. Этот отрезок — наиболее выразительный в сравнении с цепочкой камней на остальных участках. Здесь же зафиксирован мощный культурный слой, содержащий многочисленные находки: фрагменты гончарной керамики, железные изделия: лопата, ключи, кресала, гвозди; шлаки — кости животных.

Углистый слой в раскопе залегал на одном уровне и представлял собой остатки сгоревших деревянных конструкций, а кирпичный лом — остатки печи, либо какого-то иного производственного сооружения, уничтоженного пожаром. Об этом свидетельствует и большое число находок в пределах углистого слоя: скобы, подкова, ножи, гвозди, фрагменты белоглиняных и красного цвета горшков, кальцинированные кости.

Остатки обожженного дерева прослежены в северной части раскопа — шесть бревен[63] и остатки седьмого следующей длины (отсчет с севера на юг): 0,44; 2,48; 2,44; два по 2,12; 1,96 и 1,92 м; ориентированы в направлении запад — восток: восьмое и девятое длиной 1,8, шириной 0,12—0,15 м — север—юг. Отдельные куски

[63] Употребляя термин «бревно» мы не имеем в виду форму, так как ее не всегда можно проследить, только в некоторых случаях вполне определенно можно говорить о плахах. Для сооружения деревянных конструкций чаще всего использовалась сосна.

обгоревших бревен встречены на углистом слое в центральной части раскопа, а в южной — настил хорошей сохранности. Вначале выявлено шесть частично обгоревших и лежащих на интенсивном углистом слое плах (квадрат 6), южными концами упиравшихся в нераскопанную часть. Две из них, с севера, уходили под каменную кладку. Под этим настилом вскрыто еще шесть плах, ориентированных север — юг.

При дальнейшей расчистке отчетливо обозначился угол вымостки; плахи, расположенные под углом друг к другу, и плахи, образующие настил. На квадратах 7, 8 и частично 9 расчищено аналогичное сооружение, также уходившее за пределы раскопа, но сохранившееся хуже, чем предыдущее. В процессе раскопок угол вымостки выявился на углу квадратов 8, 9 и 14, 14 а. Здесь удалось проследить способ крепления плах: верхняя укладывалась на нижнюю, рубленую «в чашку с остатком» — способ, при котором концы плах выходили за пределы крепления (рис. 6 б).

Интерпретация комплекса не может быть достаточно убедительной, поскольку небольшая вскрытая площадь крепости не позволяет привязать его к определенному, исторически засвидетельствованному объекту. Нам представляется, что каменные отрезки и настил не являются хронологически единым сооружением, хотя по назначению их можно объяснить, как остатки жилищных комплексов. По всей вероятности, каменная гряда моложе, чем выявленный настил,— их разъединял по вертикали слой угля с кирпичным ломом — и по своей конструкции не представляли единого целого.

Раскоп V разбит на месте предполагаемой крепостной стены 1649 г. на одной линии с раскопом, в котором были вскрыты остатки угловой башни. Траншея шириной в два метра выявила остатки стены, после чего были сделаны прирезки для полного вскрытия (рис. 7). Южная часть раскопа несколько выше над уровнем реки, чем северная, но перепад незначительный. В южной части участка на поверхности кв. 1, 2 была большая яма, которая шла до самого подстилающего слоя и содержала различного рода современный мусор. При снятии первых пластов стало очевидно, что культурного слоя, как такового, в раскопе нет (желтовато-серая супесь без находок). В квадратах 5 и 9 под дерном были встречены камни-валуны и кирпичи от какой-то поздней постройки, не имеющей отношения к периоду функционирования Олонецкой крепости.

В середине траншеи шел настил, построенный по тому же принципу, что и в раскопе IV (рис. 7:3). Бревна, перекрещенные на углах (точнее способ крепления определить трудно из-за

плохой сохранности дерева), образовывали рамку. На ней настил из вплотную пригнанных друг к другу осиновых и сосновых плах. Минимальная длина бревен, ориентированных север — юг — 2,72 м, такова же ширина настила. После снятия настила до уровня, на котором обнаружена стена в северной части раскопа, раскоп был засыпан, поскольку его целесообразнее проследить вместе с угловой башней со стороны р. Мегреги, если наши предположения верны и вскрытый настил не окажется другим по назначению.

В северной части раскопа и в прирезках, обозначенных буквами а и в, выявлена четырехугольная деревянная камера размерами: 3 (северная и южная стены) и 5 м (западная и восточная) (рис. 7:1, 2). Стена АВ сохранилась на пять венцов, поскольку нижние бревна были осиновые, предохранившие стену от гниения. Диаметры бревен, где это можно установить, 0,12—0,16 м. Высота стен 0,92 (АВ); 0,56 (ВД); 0,86 (ДС) и 0,92 м (СА). В стенке ВД максимальное число сохранившихся бревен — три, ДС — четыре, АС — пять. Стены нижними концами упирались в известняковую отмостку, у которой верхняя часть серая и гладкая, а нижняя из битого кирпича.

С восточной, южной и западной сторон деревянной камеры зафиксированы стены, сложенные из красного кирпича, в средней части и по краям с выступами (восточная и западная стена длиной 4, высотой 0,88—0,9; шириной 0,3 м; а длина южной 3,55 м). С северной стороны кирпичная кладка отсутствовала. Все три стены соединялись друг с другом и располагались на известняковой вымостке. Восточная стена несколько деформировалась и слегка наклонилась во внутрь сооружения. У всех стен замечена одна характерная черта — верхний слой кирпича проходил по стене, несколько отступив от ее края.

Наличие кирпичных стен в раскопе, ее необычные для XVII в. конструктивные особенности (характер кладки, отсутствие фундамента), поколебали первоначальное предположение о том, что мы имеем дело с остатками здания третьей четверти XVII столетия. Вполне возможно, что кирпично-деревянная камера возникла после того, как Олонецкая крепость перестала функционировать.

Кладбище

На территории городского парка в 30 м от берега р. Олонки, в 40 м от здания детской библиотеки был размечен в 1975 г. раскоп VI. В первом горизонте на глубине 0,3—0,4 м (от репера 4,24—5,04 м) выявлена часть кладки из сложенных насухо валу-

ков, деревянный настил и кирпичная кладка. Последняя занимала площадь 1,12 (с севера на юг) х 2,8 м (с запада на восток) и углублена на 1,2 м. Назначение сооружения определить трудно, но принадлежность хозяйственно-бытовому комплексу, на наш взгляд, несомненна. Деревянный настил из досок, вплотную пригнанных друг к другу и обмазанных раствором из песка и глины, — позднее сооружение типа погреба было опущено сверху и частично повредило погребения. Безрастворная кладка из кирпичей красного цвета представляла собой прямоугольник с тремя стенами, четвертая отсутствовала, но по некоторым признакам существование ее допустимо. Все три сооружения, нарушившие в нескольких местах целостность нижележащих слоев с погребениями, возникли после того, как эта территория перестала использоваться под могильник. С ними, вероятно, связаны найденные в верхнем горизонте вещи XVII—XVIII вв.: монеты, фрагменты гончарных сосудов, гвозди, за исключением ложечки-амулета XII в., свидетельствующей о разрушенном кладбищем древнем слое.

Во втором и третьем горизонтах на глубине 3,62—4,36 м от репера выявлены ничем не обозначенные на современной поверхности погребения по обряду трупоположения в могильных ямах, расположенные в несколько ярусов. Из 61 погребения (28 детских сосредоточены в основном во втором горизонте на глубине 4,02—4,37) большинство было обнаружено в темно-серой с синим отливом глине — погребальном слое, подстилаемым светло-серой плотной материковой глиной. Погребенные лежали на спине, со сложенными на поясе руками, в вытянутом положении и ориентированы чаще всего на запад, иногда с некоторым отклонением к югу и к северу (рис. 8). В 34 захоронениях сохранился древесный тлен от могильных сооружений, в 12 он зафиксирован поверх скелетов. Четыре захоронения совершены в прямоугольных гробовищах из рубленых досок (в одном из них костяка нет), столько же в колодах хорошей сохранности, в семи захоронениях прослежены уголь ки.

В погребении 19 скелет, представленный немногочисленными фрагментами костей, находился в гробовище прямоугольной формы (длина 1,28; ширина с включением стенок 0,42; высота их 0,14; толщина от 0,05 до 0,08 м). Под дном гробовища обнаружена поперечная деревянная лага длиной 0,4 и шириной 0,12—0,13 м (рис. 8). Наиболее выразительная колода сохранилась в могиле 57. Она выдолблена из дерева хорошей сохранности. Длина колоды 1,46, ширина в западной части 0,36, в восточной 0,34, в середине 0,41 м. От скелета остались фрагменты черепа, зубы, кости рук и ног.

34 погребения безынвентарные, в остальных найдены 22 нательных креста, створка складной иконы, медные пуговицы и спиральное украшение, серебряная чашечка с чеканным растительным орнаментом, три фрагмента керамики.

Ярусность захоронений, некоторое разнообразие в деталях погребального обряда, наличие гробов, гробовищ, колод, впускных погребений, видимо, позволяют заключить, что кладбище использовалось населением длительное время.

Судя по плану оно продолжало функционировать в XVII в., занимая территорию между Троицким собором и Богоявленской церковью. Древние погребения, видимо, относятся ко времени, предшествовавшему постройке крепости. Очевидно, кладбище принадлежало населению деревень Оксентьево и Толмачев Наволок, расположенных на том месте, где в 1649 г. были возведены крепостные сооружения [64].

Таким образом, изучение письменных источников и археологические раскопки Олонецкого городища в 1973—1975 гг. впервые дали материал, позволяющий уже сейчас охарактеризовать основные моменты зарождения и развития городской жизни на территории Заонежья. Начальный период истории древнего Олонца является важнейшим историческим этапом в развитии Заонежских земель в эпоху позднего средневековья. На примере возникновения и развития этого северорусского города отчетливо прослеживаются не только строительная практика, планировочная структура, но и особенности формирования в этой части Северной Руси города как военно-административного и торгово-ремесленного центра.

При возведении Олонецкой крепости строители XVII в. широко использовали весь арсенал традиций древнерусского деревянного зодчества («регулярность» общей планировки; конструкция городовых стен с засыпкой тарасов землей и двойным бревенчатым брустверо м у мушкетных и пищальных бойниц как средство защиты против огневых средств неприятеля, в первую очередь против осадной артиллерии; ритмичная расстановка башен по всем сторонам крепости, устройство дополнительных дерево-земляных укреплений — быков). Особо можно отметить использование строителями защитных свойств рельефа (мысовое городище на стрелке) и наличие укреплений вокруг посадской территории, что объясняется пограничным положением Олонца в XVII — начале XVIII вв.

---

[64] *Базегский В. А., Кочкуркина С. И.* Раскопки в Олонце.— В кн.: Археологические открытия 1975 г., М., 1976, с. 4.

Социально-экономические особенности развития Заонежья, отчетливо проявившиеся к XVII в., в значительной мере тормозили процесс сложения постоянного самодеятельного посадского населения Олонца. Население посада вплоть до конца XVII в. было еще самым тесным образом связано с волостью, с сельской округой, со своими земельными наделами.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

В архиве ЛОИИ АН СССР хранится сборник документов, имеющих общее заглавие «Сметные строельные росписи города Олонца 1670—1677 гг.» (колл. № 11, Рукописи Археографической Комиссии, ед. хр. 228). Все документы, входящие в него, связаны с восстановлением Олонецких укреплений после пожара 1668 г. (1669—1676 гг.). Сборник имеет четкую структуру, документы располагаются в хронологическом порядке: Роспись Олонца (лл. 1—17; без даты), царские указы и воеводские отписки, связанные с восстановительными работами (лл. 18—30; 1669—1671 гг.), Роспись построенной Олонецкой крепости (лл. 30 об.— 59 об.; 1671 г.) и Роспись палатному каменному строению (лл. 60—83; 1676 г.). Как удалось установить, большая часть сборника опубликована (лл. 18—83 под общим названием «Акты о строении города Олонца, истребленного пожаром в 1668 году» — РИБ, т. VIII, с. 907—948). Опубликованные документы являются основным источником для изучения организации строительных работ 1669—1676 гг. и вновь построенного оборонительного сооружения.

Таким образом, неопубликованной осталась лишь Роспись Олонца, не имеющая даты. Возможно, что публикаторов смутил характер документа — в основном Роспись повторяла Роспись Олонца 1649 г. Однако такое предположение верно только отчасти. В настоящей статье отмечалось, что Роспись 1649 г. зафиксировала выполнение основного объема работ по строительству оборонительных сооружений, а достройка их и возведение большинства внутрикрепостных построек произошли в последующее время. Подробной Росписи Олонецкого города, сгоревшего в пожаре 1668 г., неизвестно. Получив в 1669 г. царский указ о постройке новой Олонецкой крепости «против прежнего», воеводская администрация должна была иметь у себя такой документ, который мог служить практическим руководством при восстановлении крепости. Можно с уверенностью предполагать, что в 1669 г. такой документ и был составлен в Олонце:

л. 1 «Роспись с меры и сметы Олонецкого города, сколко в том городе в Болшем и Меншем башен и сколко от которой башни до городовой стены мерою сажен, и сколких венцов которая башня и городовая стена вверх и башни сколких стен мерою сажен, и у которых башен быки и сколко те быки мерою сажен и сколко учинено в городе улиц и каковы улицы мерою и сколко тому городовому

и церковному и ко всякому строенью надобно лесу и тесу и железа, что за тот лес и тес и за железо по цене доведетца дать денег и какими // людми то городовое и всякое строенье наперед сего делано и по сколку с выти лесу и тесу и мастеров имано и то писано в сей росписи порознь по статьям;..».

л. 1 об.

Таким образом, перед нами весьма любопытный документ — своеобразная «шпаргалка», которая должна была помочь строителям воссоздать планировочную структуру сгоревшей крепости и сделать предварительную наметку расходов финансовых на нужные материалы и рабочую силу для постройки новой крепости «против прежней». Поскольку основные части Олонецкой крепости известны по Росписи 1649 г. и частично дополнены Росписью 1671 г. (в частности, в последнем документе подробно описаны «быки»), вряд ли целесообразно в данной работе публиковать Роспись 1669 г. полностью. Наряду с этим Роспись 1669 г. содержит уникальные сведения о застройке и планировке сгоревшей крепости, которые значительно дополняют сведения об этом северорусском городе. Публикуется заключительная часть документа:

л. 11

л. 11 об.

«...Всего города Олонца городовой стене // опроче башен мерою 582 сажен без трети; да в башнях 250 сажен; да в быках и в подлазе 328 сажен с полусаженью; и обоево- в городовой стены и в башнях и в быках и в подлазе 1160 сажен с полусаженью, а сажень в три аршина.

А городовая стена была вверх рублена мерою получетверты сажен, а поперег сажень с полуаршином; а рублен город был в две стены до первых боев, вверх в пять венцов; а до обламов в одну стену // вверх в 19 венцов; да обламов в две стены в четыре венца, всего городовая стена вверх 28 венцов.

л. 12

Да в Меншем городе была соборная церковь Троица Живоначалная да два пределу, придел Алексея человека Божия да придел Дмитрия Селунскаго, церковь была рублена шатровая; другая церковь Богоявления Господня теплая, рублена была клецки.

Да в том же Меншом городе была приказная изба с комнатою и с сенми; // да в том же Меншом городе погреб казенной земляной длиною 10 сажен, поперечнику пол осмы сажени, около того погреба был тын стоячей бревяной; да в том же городе от реки Олонца подле городовой стены было 6 анбаров хлебных, длиною анбары 22 сажен с полусаженью, поперечнику три сажени, да за казенным земляным погребом был анбар оружейной длиною получетвертых сажен, поперечнику трех сажен; да за тем казенным погребом колодезь глубиною трех сажен; // да на другой стороны от реки Мегреги было пять анбаров хлебных же, длиною те анбары 19 сажен с полусаженью, поперег три сажени; в том же городе был двор воеводской, длиною воеводского двора 37 сажен, поперечнику 33 сажени с третью; подле воеводского двора колодец глубиною трех сажен; в том же городе у Николских ворот была стрелецкая караулна; да в том же городе у Красной башни // была стрелецкая караулна, длиною те караулни

л. 12 об.

л. 13

л. 13 об.

и поперег по три сажени. В том же городе был мост от Никольских ворот до Красной башни Большого города, поперег трех сажен. В Большем городе был двор дъячей длиною 16 сажен, поперег, 19 сажен; подле дъячего двора тайник длиною к реке Мегреге полсемы сажени, поперег две сажени, рублен был в две стены, над тайником был мост насыпан землею да в том же тайники были ворота
л. 14 и от ворот вниз тайника был мост // с лесницею; в том же городе от Красные башни была изба таможенная; подле Московской большая Пробойной улицы была тюрма длиною пяти сажен, поперег четырех сажен, круг тое тюрмы был тын стоячей, вверх пяти сажен. А лесу на то городовое и на церковное и на всякое строенье против прежнего надобно 7690 бревен пяти саженных, 16830 бревен четыре саженных, да трех саженного лесу и на тес 55080 бревен
л. 14 об. // И всего всякого лесу против прежняго надобно 79560 бревен, а за тот лес доведетца дать денег по цене 2708 рублев три алтына 2 денги; за сто бревен пяти саженных по 5 рублев, за сто бревен четырех саженных по 4 рубли; за сто бревен трех саженных по 3 рубли; а иман тот лес в прошлом 157-ом году, во всех Заонежских и Лопских погостах и с манастырских вотчин и с помещецких крестьян
л. 15 // с вытного числа. Да к тому ж городовому делу надобно железо сто пуд, денег за железо доведетца дать 50 рублев, за пуд по 16 алтын по 4 денги и обоево — за лес и за тес и за железо доведетца дать денег по цене 2758 рублев 3 алтына 2 денги. А вытного числа во всех Заонежских и Лопских погостях в живущем против
л. 15 об. 170-го году // 460 вытей с полувытью; да в монастырских вотчинах и в помещецких землях в живущем 49 вытей без получети выти да малои третник пашни; и обоево в государевых и в монастырских и в помещецких землях в живущем 509 вытей с третью и малая треть выти да малой третник пашни; а против прежняго доведетца всякого лесу взять с выти по 156 бревен, да плотников с выти по человеку //

л. 16 В Большем городе улица Московская Пробойная поперечнику 6 сажен; улица от Московской Пробойной улицы к городовой Мегрецкой стены подле Хутынского дворового места мерою поперег 5 сажен; улица от Большой Пробойной улицы к реке Мегреге к тайнику подле дьячево двора мерою поперег 5 сажен; улица проезжая от Мегрецких ворот и от городовой стены через Пробойную улицу до городовой же стены к реке Олонцу Мегре-
л. 16 об. гою // пять сажен; улица от городовой стены что у реки Мегреги через Пробойную улицу к городовой стены к реке Олонцу, мерою поперег 5 сажен; улица в Пушкарской слободы от Пробойной улицы городовой стены к реке Мегреге, мерою поперег 4 сажени; погреб земленой что ставят вино государево, от того погреба улица позади ряду к городовой стены что подле реки Олонца, мерою
л. 17 поперег четыре сажени; // улица от Олонецких ворот к Пробойной улицы, мерою поперег 5 сажен, а рву подле городовую стену от реки Мегреги до реки Олонца мерою в длину 133 сажени, а поперег ров три сажени, во рву

рублен обруб стеною и биты сваи, а обруб вверх мерою 2 сажени без трети. Да около всего города обрубу ж мерою 481 сажен, обруб рублен стеною и биты сваи / /».

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Роспись описная городу Олонцу. 1702 г.

Публикуемый частично документ хранится в ЦГАДА (ф. 137, оп. 1, Олонец, № 22) и состоит из двух частей: Росписи оборонительных сооружений Олонца (лл. 2—13) и описания вооружения крепости (лл. 14—39 об.). Документ написан несколькими, по крайней мере, тремя писцами; упоминаются Ивашко Холщов (л. 13), Первушка Михайлов и Аникейко Степанов (л. 39 об.), что соответствует наличию нескольких почерков.

Первая часть Росписи (1) публикуется полностью, а сведения о количестве, характере и технических данных вооружения, находившегося в то время в Олонецкой крепости, авторы сочли целесообразным дать в виде краткой справки (2).

1.

л. 2 «Роспись описная Городу Олонцу каким строен и стены сколко мерою от башни до башни и кругом всего города и вышиною и толщиною и сколко по нем башен всех, и те башни в какову меру вышиною и поперег, и что по городу на стенах и по башням и на пушечном дворе наряду пушек и иного ружя и ядер и свинцу и зелья и всяких воинских припасов, и в какову меру длиною и по весу те пушки порознь и каковы к тем пушкам по весу и по кружалом ядра и сколко тех ядер и зелья и свинцу за росходом налицо и то писано ниже сего порознь. / /

л. 2 об. Город Олонец рубленой из бревен тарасами, стоит меж двумя реками в Наволоке от востоку на запад, по правую сторону города бежит река Олонка, да по левую сторону река Мегрега, и пониже города те обе реки пали в место под самым городом и пошла от города одна река и падет в Ладожское озеро одним устьем, а от города до Ладожского озера 20 верст есть, по ней пороги.

л. 3 А город Олонец мерою от Николской / / башни по стене, вверх подле Мегрегу реку до первой шгнуголной башни мерою 49 сажен с пол аршином, и то прясло в прошлом 1700 году построено вновь, а внутре в тое башни от стены до стены мерою пол 4 сажени, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени без пол аршина, а от мосту до роскату сажен с аршином, а от роскату вверх шатра до шестерика пол 3 сажени,

л. 3 об. а в шестерике ширины внутрь сажень, / / вышины от мосту сажень без пол аршина кроме шатрика, а в шатрике вверх сажень, а от той башни по стене до другой четыреуголной башни мерою 38 сажен с аршином, а в башни ширины 2 сажени, а вышиною та башня

до верхнево мосту 2 сажени 2 аршина 4 вершка, а от мосту до кровли сажень без 2 вершков, крыта полаткою;
л. 4 //а от той башни до третей башни под ней ворота что называются Мегрегские мерою по стене тож 38 сажен с аршином, а внутре тои башни от стены до стены мерою 4 сажени без аршина, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени, а от мосту обламу до зубцов 1 сажень, а от зубцов вверх шатра в шестерику 3 сажени
л. 4 об. без пол аршина, а в шестерике ширины внутре сажень с четвертью аршином, //вышины от мосту сажень кроме шатрику, а в шатрике вышины сажень; а от той башни по стене до четвертой до науголней штиугловой же башни что подле рву мерою по стене 38 сажен с аршином,
л. 5 а внутре в тое башни от стены до стены мерою пол 4 сажени, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени, а от мосту обламу до зубцов 1 сажень, // а от зубцов вверх шатра до шестерика 3 сажени без аршина, а в шестерике ширины внутре 1 сажень, вышины от мосту 2 аршина 6 вершков кроме шатрика, а в шатрике вверх сажень; а от той науголней башни от полдни к сиверу подле рву ж до пятой башни, под ней ворота,
л. 5 об. что называют Московские по стене мерою 48 сажен с аршином, // а внутре тое башни от стены до стены мерою 4 сажени без аршина, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени, а от мосту обламу до зубцов 1 сажень, а от зубцов вверх шатра до шестерика 3 сажени без аршина, а в шестерике ширины внутре
л. 6 1 сажень, вышины от мосту 1 сажень кроме шатрика, а шатрика сажень в вышину; // а от тои башни до шестой до науголней башни что подле Олонцы реки по стене мерою 64 сажени, внутре в тое башни от стены до стены мерою пол 4 сажени, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени без 4 вершков, а от мосту обламу до зубцов 1 сажень 4 вершка, а от зубцов вверх шатра до шестерика 3 сажени, а в шестерике ширины
л. 6 об. внутре сажень, //вышины от мосту до шатрика 2 аршина 4 вершка. В шатрике вышины сажень без пол аршина; а от тои от науголней штиугловой башни вниз подле Олонцу реку до седмой четыреуголней башни по стене мерою 37 сажен с аршином, а в той башни ширины от стены до стены 2 сажени 14 вершков, а в другую сторону ширины пол 3 сажени без 4 вершков, а вышиною та
л. 7 башня от земли до верхнево //мосту пол 3 сажени 4 вершка, а от мосту вверх до кровли сажень без пол аршина, крыта полаткою. А в той четыреуголней башни до штиугольной осмой башни что под ней Олонецкие верховские ворота по стене мерою 36 сажен без пол аршина, а внутре в тое башни от стены до стены мерою 4 сажени без трех четвертей аршинных, вышиною та
л. 7 об. башня от земли до верхнево мосту 3 сажени, //а от мосту обламу до зубцов 1 сажень, а от зубцов вверх шатра до шестерика 3 сажени без 10 вершков кроме шатрика, а шатрик сажень вышиною; а от тои башни до девятой штиугловой башни по стене мерою 38 сажен 1 аршин
л. 8 с четвертью, //а внутре в тое башни от стены до стены

мерою 3 сажени 2 аршина без четверти аршинной. Вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени, а от мосту до роскату 1 сажень 4 вершка, а от роскату вверх шатра до шестерика 3 сажени без аршина, а в шестерике ширины внутре сажень. Вышины от мосту сажень без пол аршина кроме шатрика, а в шатрике вы-

л. 8 об. шины сажень. // А от той башни до десятой четыреугловой башни по стене мерою 37 сажен с пол аршином, а в башни ширины 2 сажени с аршином,, а в другую сторону 2 сажени, а вышиною та башня до верхнево мосту 2 сажени 2 аршина без дву вершков, а от мосту вверх до кровли сажень, крыта полаткою. А от той четыре-

л. 9 угловой башни до одиннатцатой штиуголовой до науголней башни, //что подле Олощы ж реки в наволоке, по стене мерою 40 сажен с полу аршином, а внутре тое башни от стены до стены мерою пол 4 сажени, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени без 4-х вершков, а от мосту обламу до зубцов 1 сажень с полу аршином, а от зубцов вверх шатра до шестерика

л. 9 об. 3 сажени 6 вершков, а в шестерике ширины внутрь 1 сажень, //вышины от мосту 2 аршина кроме шатрика, шатрик вышиною сажень без полу аршина; а от той башни до науголной же штиугловой до двупатцатой башни, что в Наволоке ж которая от Мегрегу реку по стене в нижном конце поперег города по стене от башни до башни мерою 35 сажен с аршином, внутре в тое баш-

л. 10 ни от стены до стены мерою 4 сажени без аршина, вышиною та башня от земли до верхнево //мосту 3 сажени без 3 вершков, а от мосту обламу до зубцов сажень с полу аршином, а от зубцов вверх шатра до шестерика 3 сажени и 3 четверти аршинных, а в шестерике ширины внутре 1 сажень и 3 четверти аршинных, вышины от мосту 2 аршина 6 вершков кроме шатрика, а в шатрике вышины 1 сажень без полу аршина; а от той науголной

л. 10 об. башни вверх подле //Мегрегу реку до Николской часовой штиугловой же трехпатцатой башни, под нею ворота, что называются Николские, по стене мерою 38 сажен без аршина, а внутре в тое башни от стены до стены мерою 4 сажени, а в другую сторону 4 сажени с аршином, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени с аршином, а от мосту обламу до зубцов 1 са-

л. 11 жень с полу аршином, //а от зубцов верх шатра до хоромины вышины 3 сажени что срублена над шатром, и та хоромина от стены до стены шириною 2 сажени без 12 вершков, и в той хоромине часы боевые, вышины в ней от мосту до другово мосту 1 сажень 4 вершка, а от того мосту, где вестовой колокол, вышины до шатрика 1 сажень, а в шатрике вышины 2 сажени без полу аршина. И всего по городу Олощу штиугловых 10 башен,

л. 11 об. крыты шатром, да 3 башни //четвероуголних, крыты полаткою, всего 13 башен, а около всего того города навонную сторону подле стену и стен, что около башен, которые башни стоят выставлены от городовой стены в сторону до полу и менши полу башен, мерою всего 27 сажен, а вышиною городовая стена новое прясло от

земли и с обламом до каткам загородной стороны пол 3 сажени, а шириною та стена опричь обламу 2 сажени,
л. 12 //а старая стена ниже нового прясла полу аршином, а инде и с лишком; и та прежняя городовая стена и кровля во многих местах изгнила, башни и стена пошатились и во многих местех стоит о потпорах, и тайник обвалился и подле реку и подле рву. По обе стороны города обруб изгнил и земля во многих местех в реки выплыла; а от востоку подле городовую стену ров проведен
л. 12 об. из реки Мегреги в реку Олонку; //глубина рву 1 сажень с полу аршином, а ширина рву 3 сажени с аршином бывает во рву из рек вешняя вода недолгое время а от городовой стены до рву 5 сажен, река Олонка в берегах в малую воду против Верховских ворот шириною 27 сажен, а Мегрега река против Мегрегских ворот от берега до берега шириною 13 сажен, а от стены до обрубу в той
л. 13 стороне //ширины 5 сажен, а инде и менши, а в наволоке к западу от городовой стены в малую воду до воды 33 сажени. И мерямо то все в треаршинную сажень.
л. 13 об. Правил Ивашко Холщов //
Порожая страница //
ЦГАДА, ф. 137, Олонец, № 22

2.

Большой интерес представляет состав вооружения Олонецкой крепости. К сожалению, неизвестно, какое пушечное вооружение имел Олонец в 1649 г. Первые сведения об артиллерийском парке крепости относятся к 1672 г.: 3 пищали железных и 4 медных (из них железные и 2 медные имели довольно крупный калибр ядра в 14 гривенок; имелось 7 пушек «галанок» с калибром ядра 6,5 гривенок; 14 полковых пушек (8 пушек с калибром ядра в 3,5 гривенки, 6 пушек — 1,5 гривенки) [1]. В 1678 г., когда Москва запрашивала Олонец о наличии лишнего и порченого оружия, воевода Ян Стрешнев доносил, что «на Олонце, государь пометного и лишнего ружья, писто леты и карабинов нет» (150 мушкетов, починенных из погорелых в 1668 г. и 282 мушкета находились у стрельцов) [2]. Наиболее полные сведения о вооружении крепости содержит Роспись Олонца 1702 г. Правда, необходимо учесть, что в условиях Северной войны в Олонце как «порубежном городе» произошли существенные изменения в составе и в количестве вооружения. Это фиксирует и сама Роспись. Во-первых, в октябре 1701 г. «по отписке из великого Нова Города генерала майора и губернатора Якова Брюса прислано на Олонец... сентября 15 дне из Новгородцкие ихтелерии старых затинных железных жаграных пищалей 83,.. а у иных пищалей ложа попорчены, да дробовик железной без стапку» [3]. К сожалению, в Росписи пищалей указан только вес и длина материальной

[1] ДАИ, т. VI, СПб., 1857, с. 226.
[2] ДАИ, т. VIII, СПб., 1862, с. 31.
[3] ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, Олонец, № 22, лл. 22—23.

части, но нет сведений о весе ядер к этим стволам, что не позволяет классифицировать их по калибрам. Роспись дает другие, не менее интересные сведения: несколько стволов имели «насечные» подписи, большинство которых (кроме «Себеж», «Балуй») являются «автографами» мастеров, изготовлявших эти пищали: «Никифор Семенов», «Никифор» [4], «Семен» [5], «Иван Губанов» (на двух стволах так, на третьем «Иванец Губанов») [6], «Яков Губанов» (на двух стволах) [7], на одном стволе «Губанов» (Иван? Яков?) [8], «Савелова» [9]. Приведенные сведения представляют несомненный интерес для изучения истории русского огнестрельного оружия. Таким образом, в период Северной войны арсенал Олонца был увеличен за счет пищалей XVI в. Более полные сведения содержит роспись железных и медных пушек (23), которые «на Олонце по башнем в верхния и в нижних боях и на дву роскатех на станках,..» [10]. Являясь опорным русским пунктом на Олонецком перешейке, крепость заботилась и об обороне на своих ближних подступах. Так, из арсенала Олонца были отправлены пушки на Туломскую. Кондужскую заставы, «на Олонецкое устье» [11]. В Олонецком крае в начале XVIII в. предпринимались энергичные меры для пополнения вооружения и боеприпасов за счет местного производства.

Еще в первой половине XVII в., в 1631 г. в Заонежье, «на Олонце» было изготовлено и отправлено в Новгород более 500 ядер [12]. Возможно уже тогда железоделательное производство в области боеприпасов носило достаточно организованный характер. Однако широкую известность Олонецкий край получает во второй половине XVII в. в связи с постройкой нескольких заводов в Фоймогубской волости и в Кижском погосте [13]. Учитывая необходимость централизации в производстве вооружения и боеприпасов, с 1701 г. Олонецкие заводы стали ведаться в Посольском приказе, а с 1703 г. перешли в казну. В 1701—1702 гг. заводы выполняли военные заказы на отливку 200 пушек, 20 тыс. ядер, якорей [14].

В Росписи Олонца 1702 г. имеются сведения о бое-

---

[4] ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, Олонец, № 22, лл. 25, 32. Единственный экземпляр «подписной» пищали этого мастера хранится в Артиллерийском историческом музее (*Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н.* Крепость Кирилло-Белозерского монастыря. — МИА, М., 1958, вып. 77, с. 149—150).

[5] Там же, л. 25 об.

[6] Там же, лл. 26, 27

[7] Там же, лл. 27 об., 31 об.

[8] Там же, л. 27.

[9] Там же, л. 32.

[10] Там же, л. 19.

[11] Там же, лл. 15, 16, 18, 18 об.

[12] ДАИ, т. III, с. 181.

[13] *Глаголева А. П.* Олонецкие металлургические заводы при Петре I.— Исторические записки. М., 1950, № 35, с. 172.

[14] Там же, с. 173—174

припасах, «слитых на Устрецких железных заводех в Кижском погосте» в 1701 г. и находящихся в городском арсенале: более 500 3,4 и 12-фунтовых ядер (в том числе и цепных) [15]. С Устрецких заводов в 1700—1701 гг. поступало на Олонец «прутовое железо для всякого военного дела и починки мелкого ружья» [16] (50 пуд.), железный дроб (100 пуд.). Кроме того, велся ремонт пушечных станков, делались новые замки и ложа к пищалям и мушкетам. Пехотное огнестрельное оружие — мушкеты, фузеи, привозились в Олонец из Новгорода Великого, Ладоги [17]. Потребности армии и флота заставили правительство в 1702 г. развернуть новое строительство Олонецкой группы заводов [18].

Наконец, несколько слов о пушечном наряде Олонца в 1702 г., состоящем из 3 железных и 25 бронзовых орудий (см. табл.). Описание пушек дает возможность сделать некоторые выводы о развитии материальной части русской артиллерии на рубеже XVII—XVIII вв. Уже в первой половине XVII в. наблюдалась тенденция к уменьшению и упрощению шкалы калибров орудий [19]. Этот процесс унификации калибров в русской артиллерии особенно во второй половине столетия подготовил почву для реорганизации артиллерийского парка страны в начале XVIII в. По калибрам пушки четко распределяются на несколько групп: железные орудия имеют калибр 3 фунта, среди медных три группы калибров — 2; 2,5; 3,5; 4; 6,5; 12-фунтовые [20]. По сведениям Н. Е. Бранденбурга в 1700—1708 гг. на Пушечном дворе в Москве отливались калибры медных орудий от 1 до 24-фунтовых [21]. Как уже отмечалось, в 1701—1702 гг. олонецкие заводы выполняли заказ на отливку 200 железных 12-фунтовых пушек [22]. Пушки Олонецкой крепости наглядно демонстрируют процесс унификации и стандартизации материальной части русской артиллерии в период петровских реформ (наряду с использованием огнестрельных средств, изготовленных на протяжении всего XVII в.).

---

[15] ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, Олонец, № 22, лл. 14 об., 15, 16.

[16] Там же, лл. 21 об., 22.

[17] Там же, лл. 37, 37 об., 38, 38 об. («И всего ныне на Олонце привозного ружья с прежними мушкеты и что вновь перечинено из старых горелых стволов — 1835; и то все ружье отдано начальным людям для роздачи в полки солдатом, а попорченые к починке»).

[18] *Бескровный Л. Г.* Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в. Исторические записки. М., № 36, 1951, с. 115.

[19] *Кирпичников А. Н.* Описная книга пушек и пищалей как источник по истории средневековой русской артиллерии.— СИМАИМ, Л., вып. 4. 1959, с. 276.

[20] *Колосов Е. Е.* Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII в.— Исторические записки. 1962, № 71, с. 269.

[21] *Бранденбург Н. Е.* Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701—1720 гг.) СПб., 1876, с. 159.

[22] *Глаголева А. П.* Указ. соч., с. 174.

Таблица

Городовой пушечный наряд 1702 г.

Материал	Длина		Вес		Вес ядра, фунт
	арш.	верш.	пуд	фунт	
Железо	4		95		3
„	3	4	65	5	3
„	3	4	66		3
Медь	3	12	64	3	12
„	3		55	30	12
„	3	8	48	36	6,5
„	3	8	52	1	6,5
„	2	4	15	34	6,5
„	1	15	15		6,5
„	1	15	14	34	6,5
„	1	15	14	1	6,5
„	1	15	14	1	6,5
„	?		15	34	?
„	1	10	5	37	4
„	1	8	8	31	3,5
„	1	10	10	14	2,5
„	1	10	9	34	2,5
„	1	10	9	19	2,5
„	1	10	7	12	2,5
„	1	10	6	13	2,5
„	1	10	6	7	2,5
„	1	10	6		2,5
„	1	10	6		2,5
„	1	10	6		2
„	1	10	6		2
„	1	10	5	37	2
„		12		30	Сигнальная
„		12		30	„

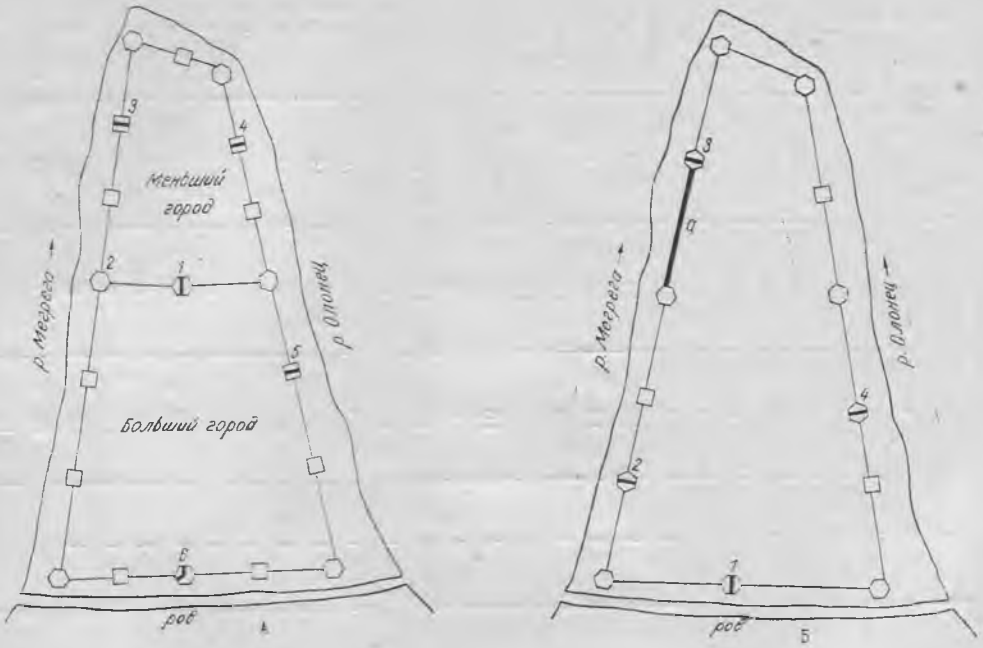

Рис. 1. Схемы оборонительных сооружений Олонца 1649 и 1672 гг.

А — крепость 1649 г. Схематическое расположение башен: *1* — Красная воротная; *2* — Мегрегская; *3* — задние Мегрегские водяные ворота; *4* — задние Олонецкие водяные ворота; *5* — Олонецкие водяные ворота; *6* — Московская воротная.

Б — крепость 1672 г. Схематическое расположение башен. *1* — Московская; *2* — Воротная; *3* — Никольская; *4* — Воротная.

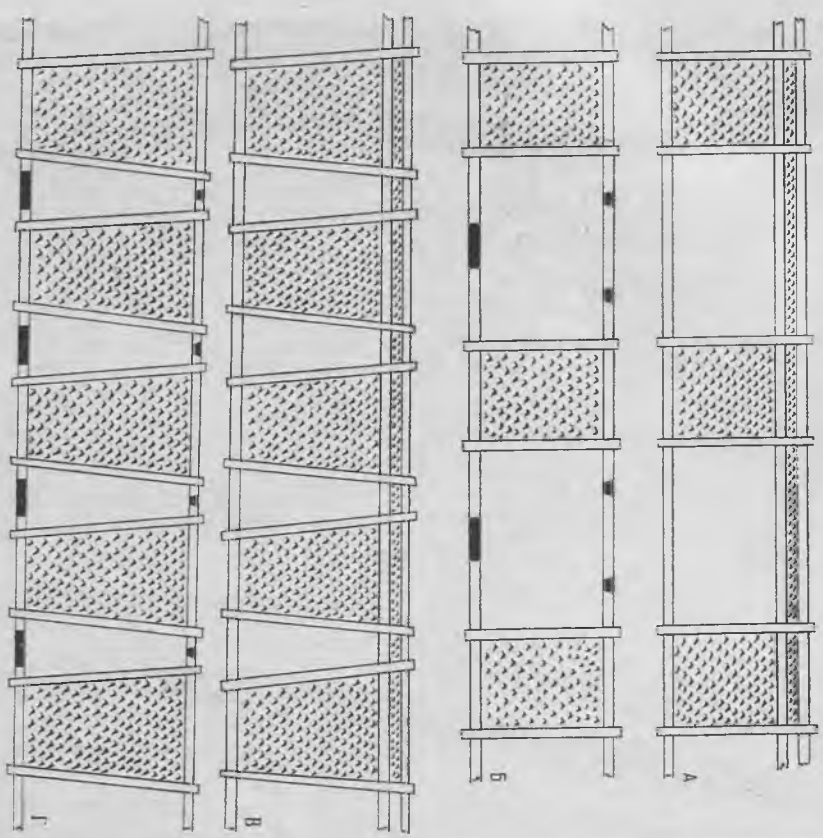

Рис. 2. Городовые стены Олонецкой крепости

А — реконструкция нижней части городовой стены (до уровня подошвенного боя) крепости 1649 г.; Б — реконструкция той же стены на уровне подошвенного боя; В — реконструкция нижней части городовой стены (до уровня подошвенного боя) крепости 1672 г.; Г — реконструкция той же стены на уровне подошвенного боя.

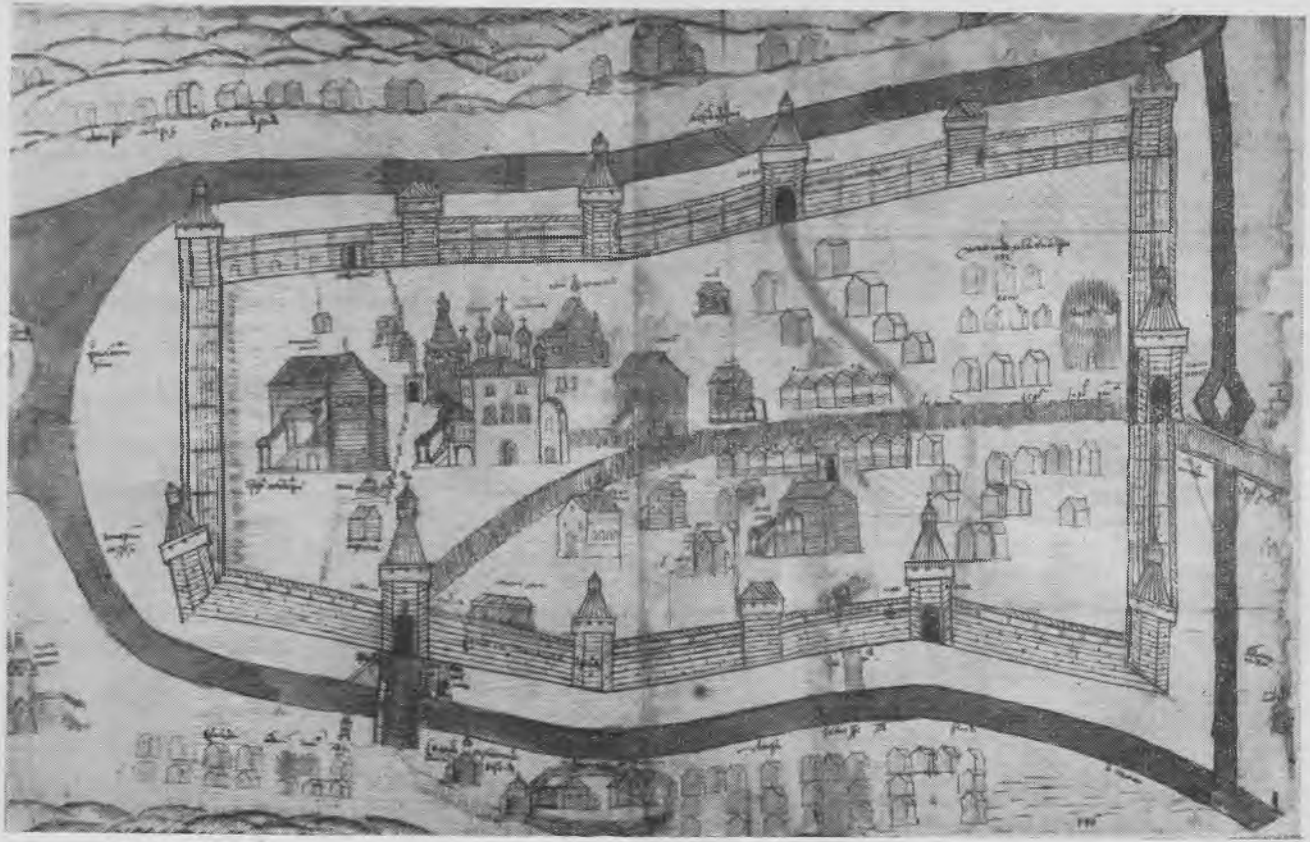

Рис. 3. План Олонца XVII в.

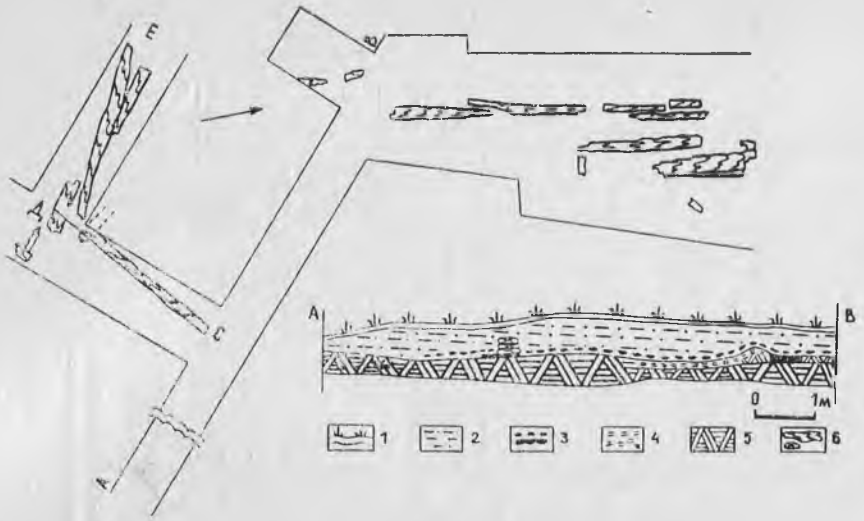

Рис. 4. Северо-западный угол Меньшого города

1 — дерн; *2* — суглинок; *3* — уголь; *4* — обожженная глина; *5* — материк; *6* — дерево.

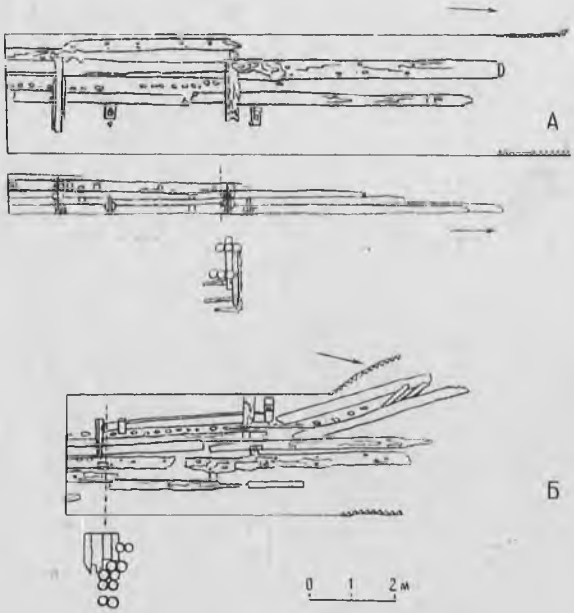

Рис. 5. Обруб.

А — раскоп I; Б — раскоп II.

Рис. 6. Западная часть крепостного двора.

А — каменная гряда; *Б* — деревянный настил жилищного комплекса.

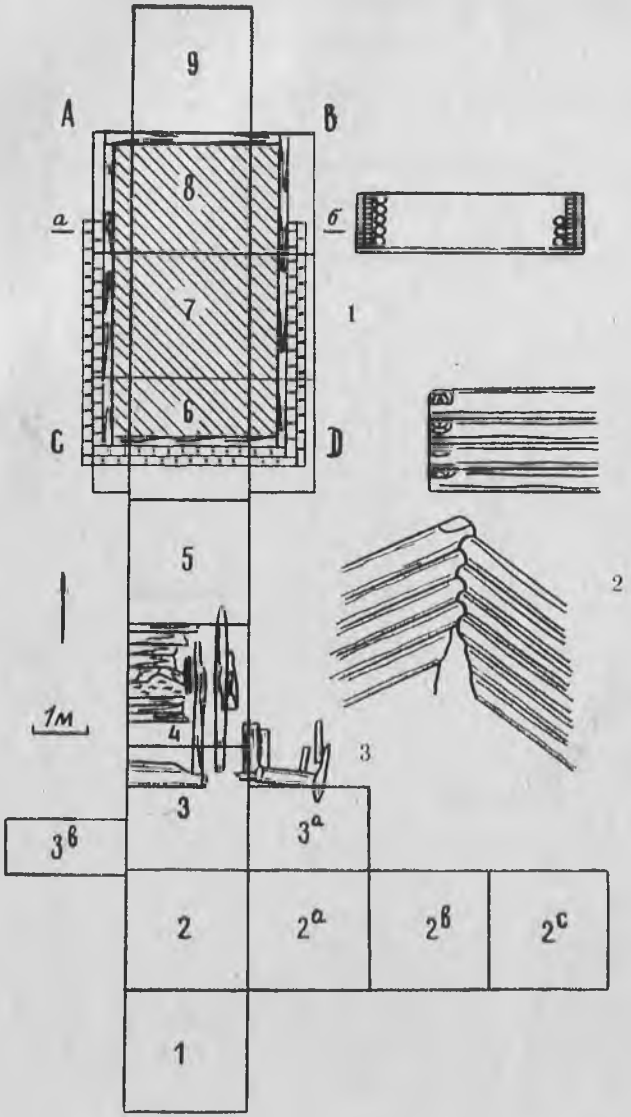

Рис. 7. Сооружения на трассе крепостной стены
1 — дерево-кирпичная камера; *2* — угол сруба; *3* — деревянная вымостка.

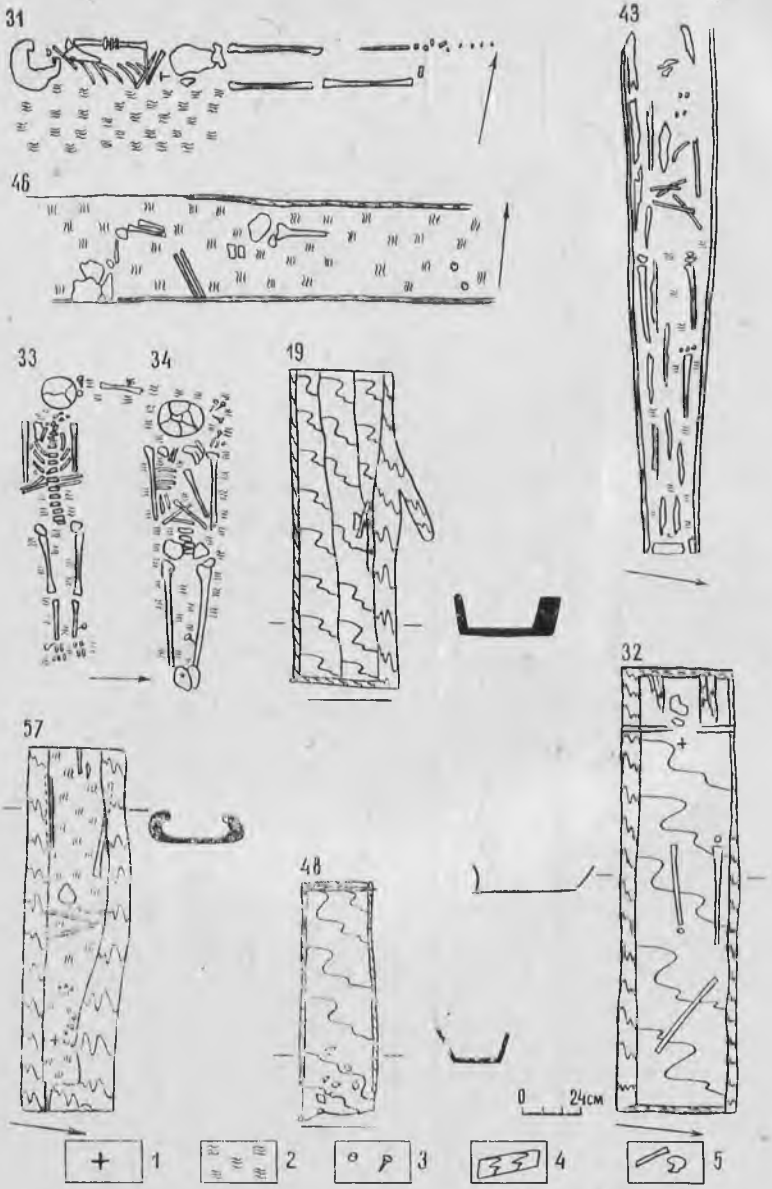

Рис. 8. Погребения (цифрами обозначены номера погребений)
1 — нательный крест; *2* — древесный тлен; *3* — гвозди; *4* — дерево; *5* — кости скелета.

С. И. Кочкуркина

НОВЫЕ КУРГАНЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ

Район р. Сязнеги (левый приток р. Паши, Волховский район Ленинградской области) насыщен курганами. Раскопки производились здесь в XIX в. Н. Е. Бранденбургом. Им исследовано девять групп, включавших 33 кургана, из них 30 раскопано. В восьми группах было по две—четыре насыпи и только в одной — десять. Все они округлой формы, насыпаны из песка, с пепельным слоем в основании, с очагами и кухонным инвентарем. Встречаются небольшие курганы от 8,9 до 12 м при высоте до 1 м и немногим больше; крупные от 15 до 19 м при высоте до 2,13 м. Объем насыпей р. Сязнеги не зависел ни от количества погребений, ни от обряда захоронения.

На основе полевого дневника Н. Е. Бранденбурга нами составлена сводная таблица, дающая представление о внешних свойствах курганов и их содержании[1]. В основу положен принцип строения насыпи, по которому они распались на следующие группы: одно- и многоярусные с трупосожжением; много- и одноярусные с двумя обрядами погребения (кремация и ингумация); одно- и многоярусные с трупоположением. Первые три группы датируются X — началом XI в., остальные XI—XII вв.

Подавляющее большинство погребений, по нашему мнению, принадлежит местному прибалтийско-финскому населению и только четыре отнесены к скандинавским.

В 1969 г. во время разведки на р. Сязнеге найдена новая группа из 12 курганов. Они располагались на левом обрывистом берегу реки в 5 км от устья, рядом с заброшенной деревней того же названия, в сосновом лесу. 11 из них вытянуты в цепочку в направлении север—юг и только один в некотором отдалении (рис. 1). Кроме двух насыпей, основательно испорченных ямами, остальные полностью раскопаны. Пять курга-

[1] В таблицу вошло 19 курганов, остальные ввиду плохой сохранности и отсутствия датирующего материала анализу не подвергались. *Бранденбург Н. Е.* Курганы южного Приладожья.— МАР, 18, 1895, приложения.

нов (№ 4, 5, 6, 7, 9) содержали кремированные погребения, остальные (№ 2, 8, 10, 11, 12) — ингумированные. Интересной особенностью являются ровики, окольцовывавшие девять курганов (у кургана 2 с трупоположением ровик отсутствовал).

В 1970 г. произведены контрольные раскопки для выяснения некоторых деталей погребального обряда, датировки и этнической принадлежности курганов[2].

Курганы с трупосожжением

Курган 4 высокий и расплывчатый, многоярусный. На его поверхности были две овальные глубокие ямы. Вершина кургана прогнулась, поэтому самая высокая точка находится в северной части, а профиль насыпи приобрел двугорбую форму. Диаметры насыпи с севера на юг[3] 16, с запада на восток около 17 м. Плоская вершина кургана имела размеры 5×5,5 м², высота от центра кургана до современной поверхности 1 м. Для фиксации профиля оставлялась бровка шириною 0,6 м либо в направлении север—юг, либо запад—восток. Но в любом случае она разбивалась по самому длинному диаметру в высокой и неиспорченной части кургана. В кургане 4 бровка ориентирована по линии север—юг (рис. 2А).

Комплекс № 1 выявлен на глубине 0,16 м ниже вершины насыпи в 1,8 м от центра кургана[4] — скопление кальцинированных костей на площади 0,4×0,3 м². С костями найдена бронзовая спиральная пронизка.

Комплекс № 2 сосредоточен в юго-восточном секторе на расстоянии 4,8 м от Ц сразу же под дерном. Кальцинированные кости встречались на площади 1,3×0,8 м². Рядом с ними собрано

---

[2] Длительное изучение курганов юго-восточного Приладожья поставило перед исследователями много новых вопросов, на которые невозможно ответить, опираясь на результаты раскопок XIX в., даже если они проведены на высоком для того времени уровне. При раскопках 1970 г. мы убедились в том, что некоторые детали погребального обряда не были приняты во внимание Н. Е. Бранденбургом. В частности, ровики, изученные в этом полевом сезоне, начисто ускользнули от внимания исследователя.

[3] Далее в статье приняты следующие сокращения: Ц — центр кургана; С, Ю, З, В — обозначение стран света. Высота насыпи измерялась от центра кургана до современной поверхности, ее диаметры — с учетом ровиков, так как при оседании насыпи они оказались перекрытыми полами кургана.

[4] Для курганов с трупосожжениями комплексом мы считаем скопление кальцинированных костей (для курганов с трупоположениями — погребение) с сопровождающими вещами. Для комплексов дается два измерения: по вертикали (глубина от вершины насыпи) и горизонтали (расстояние от комплекса до центра кургана).

Таблица

Курганы, исследованные в XIX в.

Группы курганов	Кол-во курганов	Кол-во погребений	Очаги	Дата	Этническая принадлежность			Размеры насыпей, м
					финские	скандинав.	неопред.	
Одноярусные курганы с трупосожжением	4	5	3	X—нач. XI	1	1	3	Высота 0,9—1 Диам. 8,6—12
Многоярусные курганы с трупосожжением	2	8	1	„	—	2	6	Высота 2,13 Диам. 15,2
Много- и одноярусные курганы с двумя обрядами погребения	4	12	2	„	5	1	6	Высота 1,06—2,31 Диам. 8,85—19
Одноярусные курганы с трупоположением	5	13	4	XI—XII	11	—	2	Высота 1,4—2,13 Диам. 9,4—19,7
Многоярусные курганы с трупоположением	4	18	3	XI—XII	9	—	9	Высота 1,06—1,6 Диам. 9,6—15,1

четыре фрагмента лепного горшка с ребром по тулову. Трупосожжение повреждено ямой, о которой говорилось при описании внешнего вида кургана, поэтому кальцинированные кости встречались и за пределами комплекса.

Комплекс № 3 обнаружен в ровике юго-восточного сектора на глубине 0,84 и в 7,5 м от Ц. С несколькими кальцинированными костями найден фрагмент пряслица из красного шифера. В этом же секторе в 4,3 м от Ц был комплекс № 4, представлявший собой сожженные кости, собранные с площади $1{,}15 \times 0{,}7$ м^2, и обломок точильного оселка с отверстием.

Комплекс № 5 находился на глубине 0,7 и в 5,7 м от Ц. Среди кальцинированных костей были железный нож, три фрагмента окислившегося железа и три оплавившиеся пастовые бусины (одна с желтыми глазками, другая синяя, третья с серо-зелеными глазками).

Комплекс № 6 выявлен на глубине 1,08 м (одна кальцинированная косточка и шесть бронзовых спиралек); комплекс № 7 — на глубине 0,78 м у южного конца бровки (кальцинированные косточки и куски сплавившихся синих стеклянных бусин); комплекс № 8 — у ровика на глубине 0,8 м (сожженные кости и две синие зонные бусины); комплекс № 9 — на глубине 0,38 и в 5—5,2 м от Ц (кальцинированные кости и спекшиеся синие и желтые стеклянные бусины); комплекс № 10 — на глубине 0,87 и в 6,4 м от Ц (кальцинированные кости и обломок железного изделия, скорее всего наконечника стрелы).

Кроме перечисленных комплексов, отдельные кальцинированные косточки и вещи встречались по всей площади кургана и в ровике на разной глубине. Это клык животного (?), фрагменты лепной керамики красноватого цвета с примесью дресвы к глиняному тесту, кусочки шлака, бронзовые спиральки и граненая каменная бусина.

Ровик, заполненный темным углистым слоем и опоясывающий большую часть кургана (отсутствует в юго-западном секторе на участке длиной 4,8—5 м), не был заметен до раскопок. В северо-восточном секторе он глубокий (1,14—1,21 м от основания кургана); в юго-восточном довольно широкий (до 2 м) и расплывчатый; в ровике северо-западной части насыпи зафиксировано четыре глубоких западания культурного слоя.

На профиле кургана (рис. 2А) отчетливо видны ровики в северном и южном конце бровки, глубокая конической формы яма, заполненная зольно-углистым слоем и перекопы, в результате которых появились разрозненные комплексы, разбросанные по всему кургану сожженные кости и вещи. За пределами

насыпи со стороны юго-восточного сектора в подстилающем слое расчищен скелет собаки.

Курган 5 многоярусный высотой в 1 м, с диаметрами 9 м с С на Ю; 10,3 м — с З на В. Восточная сторона кургана более крутая, чем западная. На поверхности насыпи была небольшая яма (рис. 2Б).

Комплекс № 1 располагался в западной половине в 0,7 м от Ц на площади 0,7×0,85 м². Сразу же под дерном встречены обломки лепной керамики (7 фрагментов), кальцинированные косточки и обломок расплавившегося бронзового изделия (фибулы?), кусочки испорченных огнем глазчатых бус, бронзы, булавка с ушком из стекловидной массы.

Комплекс № 2 в юго-западном секторе на расстоянии 2,4 м от Ц располагался сразу же под дерном. В него входило 19 фрагментов лепной керамики, обломок бронзовой фибулы (тип 51 по Я. Петерсену), расплавленная глазчатая бусина, кусочек бронзы, миниатюрный железный нож. Вещи этого комплекса и кальцинированные кости встречались на большой площади (2×0,68 м²) и на глубине до 0,16 м, что свидетельствует о сожжении на месте. На глубине 0,54 м от вершины кургана на расстоянии 2,66 м от Ц зафиксировано трупосожжение с тремя фрагментами лепной керамики и куском расплавившейся бронзы (комплекс № 3).

Комплекс № 4 обнаружен на глубине 0,87 м. Кальцинированные кости и вещи: фрагменты лепной керамики, обломок бронзовой гривны, кусочки деформированной бронзы и пострадавшие от огня глазчатые бусы — распространялись на значительном участке (1,9×1 м²) и большой глубине.

Комплекс № 5 выявлен на глубине 0,96 и в 3,5 м от Ц на площади 1×0,6 м². Небольшое количество сожженных костей сопровождалось мелкими фрагментами лепной керамики, оплавившимися бронзовым изделием и пастовой глазчатой бусиной.

Комплекс № 6 обнаружен в восточной части кургана на глубине 1,06 и в 3,1 м от Ц, включавший небольшое количество кальцинированных костей и фрагменты лепной керамики красноватого цвета. В северо-западном секторе расчищен лежащий на боку скелет собаки. Следует отметить, что в этом кургане, как и в предыдущем, сожженные косточки встречались по всему кургану.

Думается, что все перечисленные комплексы являются остатками одного, может быть, двух женских погребений, поскольку в них присутствуют одновременные вещи, а часто одни и те же фрагменты вещей. Если же учесть, что в основном

комплексы зафиксированы в вершине насыпи или немного глубже, а слои явно перемешаны в нескольких местах (как это видно на курганном профиле), наше предположение вполне вероятно.

Ровик прослежен по всей окружности кургана за исключением небольших отрезков пустующего пространства в юго-западном и юго-восточном секторах. Наиболее мощный ровик в северной половине кургана, где он имеет ширину от 0,8 до 1,5 м и максимальную глубину 1,43 м. В южной части при небольшой ширине его глубина 1,53 м. В нем найдены фрагменты лепной керамики, кальцинированные косточки, оплавившиеся глазчатые бусины, мелкие фрагменты бронзы, т. е. тот материал, что и в насыпи кургана.

Курган 6 значительно меньше первых двух, по многоярусный. Его диаметры 8 (СЮ) и 7,5 м (ЗВ), высота 1,3 м (рис. 2В). Стратиграфия профиля свидетельствует о перемешанности слоев.

На глубине 0,44 м в юго-западном секторе на площади 0,7×0,7 м² встречено большое количество перемешанных с угольками кальцинированных костей, железный нож (комплекс № 1). У западного конца бровки обнаружен комплекс № 2 в 0,6 м от первого на глубине 1,1 м. Большое количество кальцинированных костей на площади 1,05×0,8 м² и на большой глубине находились в беловатом с примесью угольков песке. Здесь же оселок прямоугольный в сечении с отверстием, неопределенный фрагмент керамики. Кальцинированные кости обнаружены в юго-западном секторе.

Ровик окаймлял южную половину кургана. В его углистом слое собраны следующие вещи: обломок железного изделия, бусы (золотостеклянные мелкие бочонкообразные, желтые стеклянные и бесцветные пастовые, голубой бисер), фрагмент круглого бронзового изделия.

Курган 7. Диаметр с С на Ю 11 м, с З на В 11,1 высота 1,5 м. В юго-западном секторе в 3 м от Ц на глубине 0,1 м прослежено округлое углистое пятно размерами 0,6×0,6 м². В нем были кальцинированные кости и фрагменты гончарной керамики, орнаментированные волнистыми и параллельными линиями (комплекс № 1, рис. 3Б). В 0,7 м от него на глубине 0,58 м собрано несколько сожженных костей с угольками. В этом же секторе в бровке зафиксировано еще одно скопление кальцинированных костей без вещей. Все остальные находки сосредоточены в ровике, прослеженного по всей окружности кургана при одинаковой ширине (0,8—0,9 м). Он заполнен углистым слоем, в котором были фрагменты гончарной и лепной керамики, редкие кремированные косточки, колечки из

тонкой бронзовой проволоки, обломки изделий из тонкой листовой бронзы, пострадавшие от огня бусины. На дне кургана, в его центральной части обнаружено погребение крупного рогатого животного (коровы?).

Курган 9. Диаметр основания около 12 м, высота 1 м (рис. 3Г). В северо-восточном секторе на расстоянии 1,6 м и на глубине 0,22 м встречено трупосожжение (комплекс № 1). Кальцинированные кости с вещами: фрагменты орнаментированного бронзового изделия, обломки бронзового стерженька прямоугольного в сечении — распространялись на площади $0{,}7 \times 0{,}58$ м^2 и на глубину 0,1—0,15 м. В этом же секторе зафиксировано углистое пятно, а рядом с ним фрагмент бронзовой фибулы.

Основное женское трупосожжение обнаружено в северо-западном секторе на глубине 0,68 и в 2,4 м от Ц (комплекс № 2, рис. 7). Обильный сопровождающий инвентарь и кальцинированные кости были завернуты в бересту и помещены в насыпь. Из вещей назовем гривну глазовского типа, один конец которой заканчивается головкой с четырьмя шипами, две овальные двускорлупные фибулы с девятью выступами, круглая фибула с крестообразной фигурой в центре, два бронзовых браслета, трубчатый игольник, фрагмент бронзовой цепочки из тройных колечек, два кольца, бронзовые бусы-«флакончики» (рис. 8, 9), бусы стеклянные — синие и желтые зонные, «лимонки», золото- и серебростеклянные (всего 372), куски расплавленных и деформированных глазчатых пастовых бусин, бронзовых изделий.

На расстоянии двух метров от этого погребения в юго-западном секторе на той же глубине, что и комплекс № 2, расчищено четыре лепных горшка красного цвета, три из них поставлены вверх дном (рис. 10). Все они рыхлые, непрочные, рассыпающиеся при легком прикосновении, имеют по плечикам ребро. Создается впечатление, что горшки были сделаны специально для погребенной женщины, поскольку для хозяйственных целей абсолютно непригодны.

Весь материал убедительно свидетельствует о том, что погребение датируется X — самым началом XI в. Умершую сопровождал характерный набор украшений, соответствующий покрою одежды скандинавских женщин X—XI вв.— две овальные фибулы и третья круглая. Но скандинавской атрибуции захоронения противоречит погребальный обряд (заворачивание в бересту остатков сожжения и вещей, многоярусность кургана); некоторые вещи: бусы-«флакончики», являвшиеся несомненной принадлежностью местного населения. На этом основании мы

считаем, что здесь погребена представительница прибалтийско-финского населения.

В северо-восточном секторе у самого ровика, на той же глубине, что и комплекс № 1, встречены кальцинированные кости, фрагменты бронзового стерженька и железных изделий и немного в стороне обломок подковообразной фибулы с орнаментом по дуге (комплекс № 3). По всей вероятности, первый и третий комплексы являют собой останки одного трупосожжения, поскольку расположены в непосредственной близости друг от друга и на одной глубине. Кроме того, состав вещей подтверждает принадлежность их одному мужскому погребению.

До раскопок ровик был заметен только в некоторых местах, но после снятия насыпи выявился по всей окружности кургана, за исключением двух метров пустого пространства с северной половины. Ширина ровика 0,8—1,5, глубина 0,6—0,7 м. Заполнен черной от обильной примеси угольков землей, в которой встречались кальцинированные кости, осколок кремня, несожженная кость ноги (не установлено, кому она принадлежала). При снятии бровки в северной части кургана найден фрагмент гончарной керамики, украшенный прочерченными линиями.

Все пять курганов с трупосожжениями можно датировать X — началом XI в., некоторые вполне обоснованно, другие, из-за недостатка материала, весьма приблизительно. В пользу датировки этим периодом говорят двускорлупные овальные фибулы, время существования которых в памятниках на территории Советского Союза определяется второй половиной X в.[5]; гривны глазовского типа[6], подковообразные застежки, бронзовые бусы и «лимонки», рубчатые, глазчатые и т. д.

Косвенным доказательством ранней датировки курганов с кремированными захоронениями является лепная керамика, исчезающая в курганах Приладожья к середине XI в., а также трупосожжение, на смену которому в это время приходит трупоположение. Самые поздние курганы с кремированными погребениями, сопровождаемые хорошо датированными вещами, относятся к началу XI в.[7]. Найденные в некоторых насыпях фрагменты гончарной керамики связаны скорее всего с ровика-

---

[5] *Фехнер М. В.* Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 81, 83.

[6] *Фехнер М. В.* Шейные гривны. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43, с. 58—59.

[7] *Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, с. 15.

ми и не имеют прямого отношения к погребениям и не принимаются во внимание при определении времени насыпания курганов. Ровики сооружались тогда, когда была готова насыпь: в этом нас убеждают профили всех пяти курганов, зольно-углистая прослойка, которая получалась в результате обжига места для кургана, во всех ровиках отсутствует. Насыщенный углями мощный культурный слой ровиков свидетельствует о каких-то ритуальных церемониях или поминальных обрядах. Они, вероятно, периодически повторялись десятилетиями после погребения умерших, может быть, поэтому в них и в полах курганов встречена гончарная керамика — родственники помнили об умерших и в их память зажигали костры, устраивали тризны [8].

Курганы с трупоположениями

Размеры насыпей с ингумированными погребениями меньше, чем у курганов предыдущей группы. Самые маленькие в диаметре имеют 7,5—8 м при высоте до 1 м, самый большой 11,5 м при максимальной высоте 1,3 м. Кроме кургана 2, во всех остальных обнаружены ровики.

В юго-западном секторе кургана 2 (рис. 4А) на расстоянии 2,5 м от Ц и ниже вершины насыпи на 0,21 м найдены вещи: бронзовое кольцо, железная скоба, половинка продолговатой пастовой бусины. Костей нет. В юго-восточном секторе в 3 м от Ц и ниже вершины на 0,51 м — железный втульчатый наконечник копья. В северо-восточном секторе от Ц в 1,6 и на глубине 0,41 м — орнаментированный гончарный сосуд (68 фр.). В юго-западном секторе в 2,15 м от Ц на глубине 0,65 м — два таких же горшка. Вероятнее всего, погребение было разрушено небольшой овальной ямой, находящейся в центре кургана.

Основное захоронение, располагавшееся в могильной яме, вблизи центра кургана на глубине 1,76 м от вершины насыпи, не было повреждено. Мужской костяк длиной 1,56 м ориентирован головой на юг с незначительным отклонением к западу. Анатомический порядок костей несколько нарушен: челюсти «разбросаны», кости грудной клетки разрознены. Топор (во

---

[8] В трех курганах на р. Сязнеге, раскопанных В. А. Назаренко в 1970—1971 гг., зафиксированы ровики. По мнению исследователя, зольно-углистый слой в них образовался в результате разбрасывания золы и углей погребального костра. Объяснение приемлемое, но не единственное. *Назаренко В. А.* О погребальном ритуале приладожских курганов с очагами.— КСИА, 1974, 140, с. 39—45.

втулке сохранилась деревянная рукоять) лежал на костях правой ноги, с правой стороны скелета был нож с орнаментированной рукоятью, овальное кресало с кусочком прилипшего дерева, кремень, в ногах — круговой горшок (рис. 5А).

Курган 8 (рис. 4Б). На расстоянии 0,6 м от Ц на глубине 0,5 м располагались остатки женского скелета длиной 1 м (комплекс № 1). Кости находились в беспорядке, ориентированы в направлении северо-запад — юго-восток. В области груди были мелкие и крупные бочонкообразные серебро- и золотостеклянные бусы, бронзовые спиральки, бронзовое кольцо из тонкой проволоки (височное?), половинка бесцветной пастовой бусины, венчики гончарного сосуда (рис. 5Б).

Комплекс № 2 тоже плохой сохранности, обнаружен на глубине 0,6 м в юго-западном секторе. От скелета осталось незначительное количество костей, причем кости ног залегали глубже, чем весь скелет. Приблизительная ориентировка — северо-запад — юго-восток. Из вещей был обломок овального железного кресала, кремень, железный нож с костяной рукояткой, бронзовое поясное кольцо, фрагменты железных изделий, гончарный сосуд (15 фр. рис. 5Г). Скелет находился в могильной яме, перерезавшей зольно-углистую прослойку кургана на участке в 1,16 м, на котором до самого дна могильной ямы наблюдается перемешанность слоев. Следовательно, погребение является более поздним, впускным, хотя хронологический разрыв на погребальном материале не прослеживается.

В Ц на глубине 0,4—0,5 м расчищен круговой горшок без венчика. Рядом с ним находилась кость длиной 23 см (комплекс № 3). В северо-западном секторе на расстоянии 2,5 м от Ц на глубине 0,3 м — еще один горшок, сделанный на круге. Под тяжестью земли горшок развалился и его черепки лежали горизонтально. Рядом была небольшая трубчатая кость (комплекс № 4). Чьи это кости, человеческие или животных, нами не установлено.

В северо-восточном секторе кургана на глубине 0,7 м прослежено жирное углистое пятно мощностью 0,1—0,15 м, занимавшее площадь 1,3×0,8 м². Находок непосредственно в пятне не было, но в 0,7 м от него в ровике найден фрагмент гончарной керамики. Ровик шириной 0,5—0,9 м выявлен в северной половине кургана. Заполнен жирным углистым слоем, в котором найдено семь фрагментов гончарной керамики.

Курган 10 (рис. 4В) расплывчатой формы, северная часть несколько круче южной. Комплекс № 1 зафиксирован в западной части кургана на глубине 0,26 и в 1,5 м от Ц. Анатомический порядок костей нарушен: череп в стороне, кости ног рас-

полагались под углом друг к другу. Около черепа найдены мелкие бесцветные пастовые бусины (5 шт.), такой же формы зеленые стеклянные бусы, круглая бронзовая фибула с квадратными головками, серебряное пластинчатое кольцо с заходящими концами. Рядом с костями ног собраны фрагменты гончарного сосуда (28), а около них обломок бронзового браслета. Надо отметить, что в ногах встречались редкие кальцинированные косточки, возможно, остатки пищи, положенной в могилу умершему (рис. 5В).

В юго-восточном секторе кургана в 2 м от вершины насыпи обнаружена глубокая могильная яма. Она перерезала готовую насыпь, нарушила зольно-углистую прослойку. Покойный ориентирован головой на юг с незначительным отклонением к западу (комплекс № 2). Череп повернут на правую сторону, лицом к востоку. Ребра и кости рук не сохранились. Длина скелета 1,56 м. На правом плече — бронзовая фибула с головками в виде перевернутых пирамидок, с ребром по дуге и остатками ткани; на правой ноге — боевой топор с двумя парами боковых щекавиц, обращенный обухом к скелету, на левом боку нож. На левой стороне таза в остатках кожи (вероятно, мешочек) были три железных круглых изделия — весовые гирьки,— каменное округлопирамидальное изделие (?). Чуть ниже мешочка найден бронзовый витой браслет с обломанными концами, рядом с ним — пластинчатое огниво с ушком, на котором сохранились остатки ткани и дерева. В области груди найден кремень, в ногах поставлен небольшой гончарный сосуд.

Такие предметы, как бронзовый витой браслет, фибула с гранеными головками, топор, гончарная керамика, свидетельствуют о том, что захоронение мужчины произошло в XI в., может быть, в начале XII в. Сам факт погребения в могильной яме — явление более позднего хронологического этапа. Кроме того, как уже упоминалось, погребение в могильной яме совершено позднее, чем остальные, инвентарь которых не обнаруживает раннего происхождения. С другой стороны, есть вещи, твердо датированные X в.: железное пластинчатое огниво с ушком, весовые гирьки. Ни в одном ингумированном погребении не найдено пластинчатого огнива. Находка его в кургане 10 доказывает долгое сохранение в быту этого типа кресал [9].

Помимо указанных комплексов, в насыпи юго-восточного сектора на глубине 0,24 м встречены фрагменты гончарного

[9] У финно-угорских народов Восточной Европы пластинчатые кресала с ушком существовали в IX—X вв. и только на р. Суде, в памятниках летописной веси (Вологодская область) датируются XII в. *Голубева Л. А.* К истории пластинчатых кресал Восточной Европы.— В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 257, 259.

сосуда (4), в северо-западной части кургана рядом с углистым пятном и в юго-западном секторе — по одному обломку железной сковороды. Ровик окольцовывал почти весь курган, за исключением небольшого участка в 1,8 м в северо-восточном секторе. Ширина его 0,9—1,5 м, глубина от вершины насыпи в северной части 1,25, в западной 1,4, в южной 1,16 м. Ровик заполнен слабым по окраске углистым слоем.

Курган 11 (рис. 3А). В центре небольшая и неглубокая выемка. Погребения, находящиеся в центре кургана, оказались нарушенными. Сразу же под дерном в северо-западном секторе найдены фрагменты гончарной керамики (19), у южного конца бровки — половинка желтой пастовой бусины с глазками, шлаки (3), обломки гончарного сосуда (7). Отдельные фрагменты керамики, сделанной на круге, встречались в других частях кургана.

Комплекс № 1 зафиксирован в юго-западном секторе на глубине 0,35 м в 1 м от Ц. Костяк плохой сохранности ориентирован по линии СЗ—ЮВ. В 0,35 м к С от него встречено два гончарных сосуда, бронзовый пластинчатый перстень, бирюзовый бисер и фрагменты железного изделия (рис. 6А).

Комплекс № 2 найден на той же глубине, что и первый, в северо-западном секторе в 0,8 м от Ц. Скелет чрезвычайно плохой сохранности. Ориентировка юго-западная с небольшим отклонением к северо-востоку. Из сопровождающих вещей были бронзовая круглая застежка со спирально свернутыми концами, фрагменты гончарной керамики под костяком, несколько в стороне — целый гончарный сосуд (рис. 6Б).

Комплекс № 3 был на глубине 0,53 м в северо-западном секторе в 1 м от Ц. Костяк длиной 1,55 м плохой сохранности (останки костей ног, рук и раздавленный череп) ориентирован на З с небольшим отклонением к Ю. В 0,9 м от черепа — горшок, сделанный на круге. На фаланге пальца правой руки было бронзовое кольцо, с левой стороны скелета, у ног обнаружено скопление мелких пастовых бус (135), среди которых найдена маленькая челюсть с молочными зубами, кусочки тонкой бронзовой проволоки, два грушевидных бубенчика с орнаментированными лопастями и остатками коры, миниатюрный нож с деревянной рукояткой, бирюзовый бисер (11), цилиндрические пастовые бусины (3), половинка биконической коричневого цвета бусинки с желобком посредине, кольцо (височное?) из круглой в сечении проволоки с заходящими концами, бронзовая круглая застежка с завитками, кусочек ткани из толстой шерстяной нити. Судя по остаткам костей и набору вещей, комп-

лекс № 3 включает два погребения: взрослого и ребенка (рис. 6В).

Комплекс № 4 выявлен на глубине 0,35 м в юго-восточном секторе. От человеческого скелета остались кости ног. Из вещей — фрагменты гончарной керамики (2), обломок шиферной пластинки с просверленным отверстием, две зеленые стеклянные биконические бусины. Комплекс № 5 зафиксирован в этой же части кургана на глубине 0,61 м, вблизи центра. Рядом с разрозненными костями скелета, ориентированного как будто бы в направлении СВ—ЮЗ, был круговой горшок. Вещи: односторонняя гребенка с орнаментированными костяными накладками, миниатюрный боевой топор, срезень с прямым лезвием, кусочки железного изделия, обломок ножа с деревянной рукояткой, обломки кругового горшка (45). Рядом с ним были мелкие несожженные кости, не поддающиеся определению.

Наконечник стрелы в виде расширяющейся к острию лопаточки без упора для древка, односторонняя гребенка, боевой топор (тип V по А. Н. Кирпичникову) были в употреблении в основном в XI в. и в XII в. не заходили. Учитывая наличие гончарной керамики, погребение можно датировать второй половиной XI в.

Комплекс № 6 обнаружен сразу же под дерном при снятии бровки. Остатки скелета ориентированы по линии С—Ю. На костяке найдены орнаментированный бронзовый перстень, обломок пастовой бусины, фрагмент железного четырехугольного стержня, обломки железных изделий (2) и гончарного сосуда (5).

Комплекс № 7 расположен глубже предыдущего, состоял из лежащих в беспорядке человеческих костей и фрагментов гончарной керамики. Под ними в подстилающем слое найдены кости ног в вертикальном положении, принадлежащие другому захоронению (комплекс № 8), ориентировка которого меридиональная (черепом на Ю).

С костями обнаружены кусочки бронзового изделия (перстня?, височного кольца?), две маленькие золотостеклянные бусины. Под погребением выявлена железная лопатка с квадратной лопастью и четырехгранной ручкой. Вокруг и ниже этой находки прослежено углистое пятно.

Ровик опоясывает значительную часть насыпи, только в северной половине кургана имеется два участка, на которых он отсутствует (2,6 и 0,9 м), где не удалось проследить границы насыпи. Ширина ровика 0,8—1,2 м, глубина у северного конца бровки 1,18, у восточного конца диаметра 1,29, у запад-

ного 1,36 м. Заполнен черной с углями землей, в которой встречены фрагменты гончарной керамики.

Курган 12 (рис. 3В). В северо-восточном секторе на глубине 0,53 м в 2—2,3 м от Ц встречено 23 фрагмента гончарной керамики, в северо-западном секторе два обломка этого же типа сосудов. В Ц кургана расчищено разрушенное трупоположение на площади 1,5×0,9 м² и на глубине 0,85 м. Костяк ориентирован на Ю. Собраны железный нож (2 фр.), бесцветные пастовые бусины (75) и их обломки (20), черная цилиндрическая и желтая стеклянные бусины (комплекс 1а). Второй костяк выявлен с восточной стороны бровки в 0,6 м от погребения 1а. Ориентирован так же, как и предыдущий. На правом боку — железный нож, в ногах горшок и части от второго (5 фр.). Череп повернут к западу (1б, рис. 6Г).

Ровик располагался небольшими отрезками в северо-восточном секторе: 6 м, шириной 0,5—1, глубиной 1,26 (ближе к северному концу) и 1,28 м (у восточного). Другой отрезок шел по западной поле кургана — 4,5—5, шириной 0,7—0,8, глубина 1 м. В нем обнаружено четыре фрагмента гончарной керамики. В южной части был маленький отрезок ровика глубиной 0,1, длиной 0,1, шириной 1,2 м.

Курганы с трупоположением можно отнести к XI—XII вв. В основном это касается насыпей 10, 11, комплексы которых хорошо датированы. Время создания других определено весьма приблизительно, так как они содержат аморфный в хронологическом отношении инвентарь. Меридиональная ориентировка покойных позволяет считать их этническую принадлежность прибалтийско-финской. Правда, следует оговориться, что среди погребального инвентаря нет типичных вещей, свойственных местному населению (за исключением комплекса № 2 в кургане 9, где были бронзовые бусы-«флакончики»): шумящих украшений, пластинчатых подвесок-уточек и др. Напомним об интересной особенности погребального обряда нашей курганной группы, о ровиках, так малохарактерных для памятников юго-восточного Приладожья. Погребения лишены тех признаков, которые позволили бы выделить их в этническую группу.

Этого нельзя сказать о прибалтийско-финских погребениях ранее раскопанных курганных групп на р. Сязпеге, которым присущи типичные черты местного населения юго-восточного Приладожья — предков карел и вепсов. Новые исследованные насыпи, хотя и одновременны другим погребениям на р. Сязпеге, свидетельствуют об утрате специфических этнических черт и ассимилятивных процессах в среде финно-угорского населения.

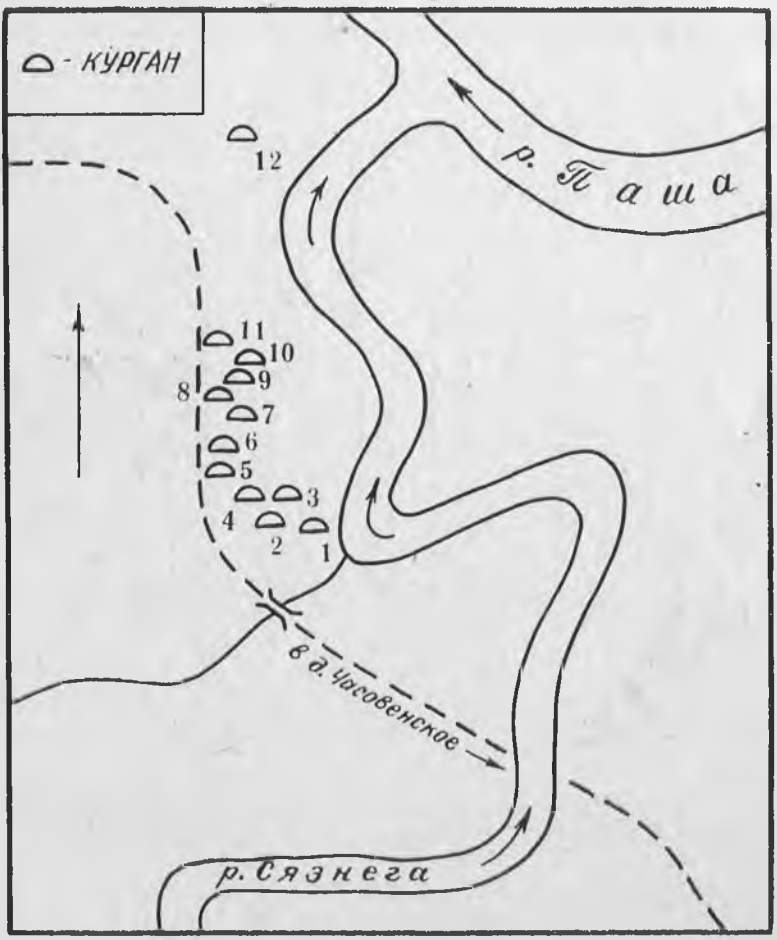

Рис. 1. Курганная группа на р. Сязнеге

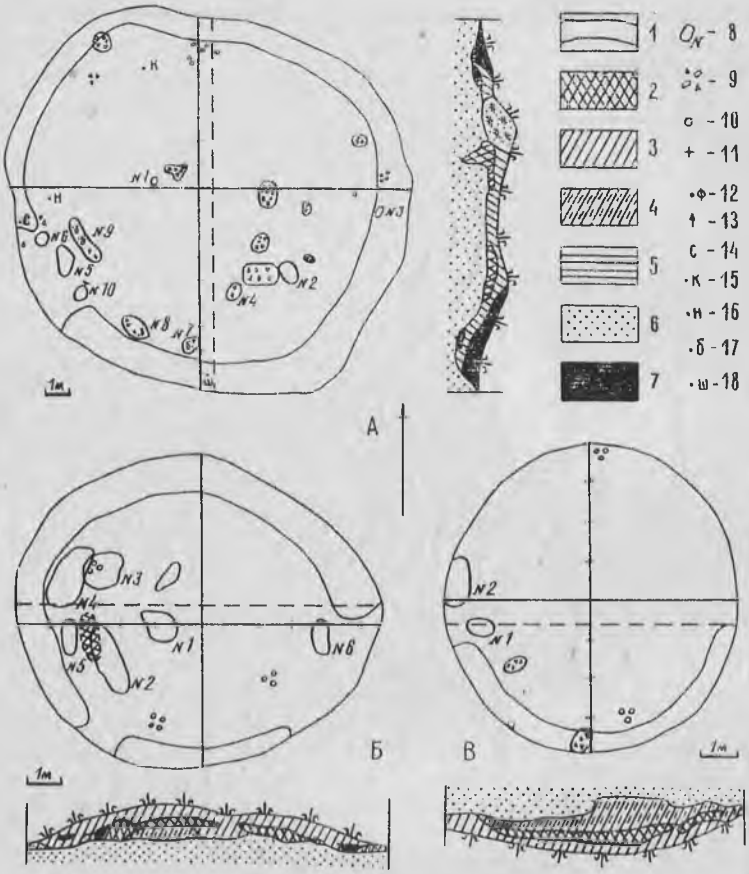

Рис. 2. Планы и профили курганов 4 (А), 5 (Б), 6 (В)

1 — ровик; *2* — зольно-углистый слой; *3* — песок серого цвета с угольками; *4* — красноватый песок; *5* — беловатый песок с угольками; *6* — подстилающий слой; *7* — углистый слой; *8* — номер комплекса; *9* — кальцинированные кости; *10* — местонахождение керамики; *11* — фрагменты цепочки; *12* — фибула; *13* — сулица; *14* — спиральки; *15* — клык животного; *16* — нож; *17* — бусина; *18* — шлак.

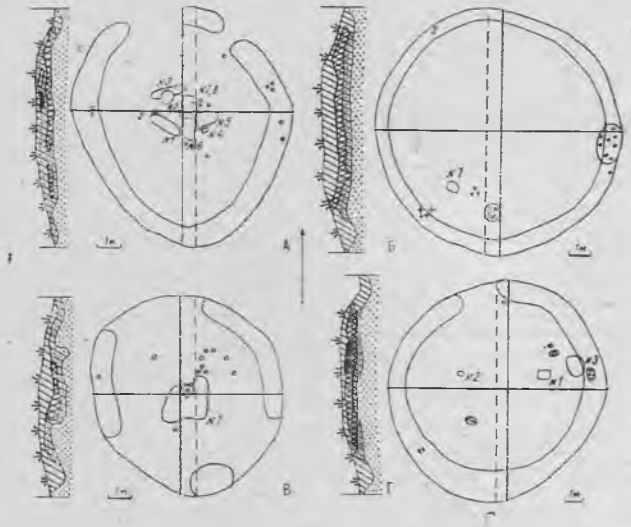

Рис. 3. Планы и профили курганов 11(А), 7(Б), 12(В), 9(Г)

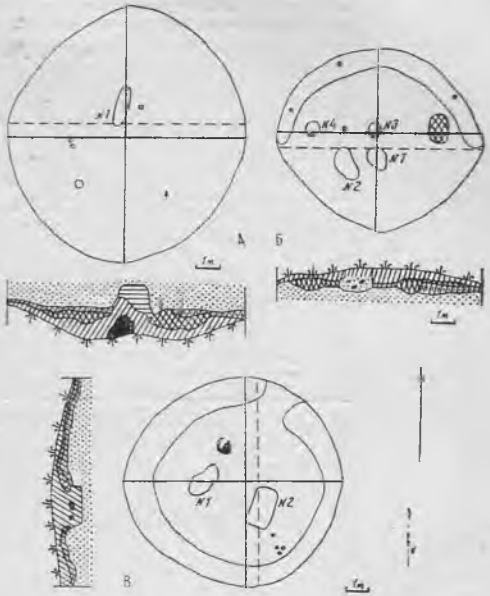

Рис. 4. Планы и профили курганов 2(А), 8(Б), 10(В)

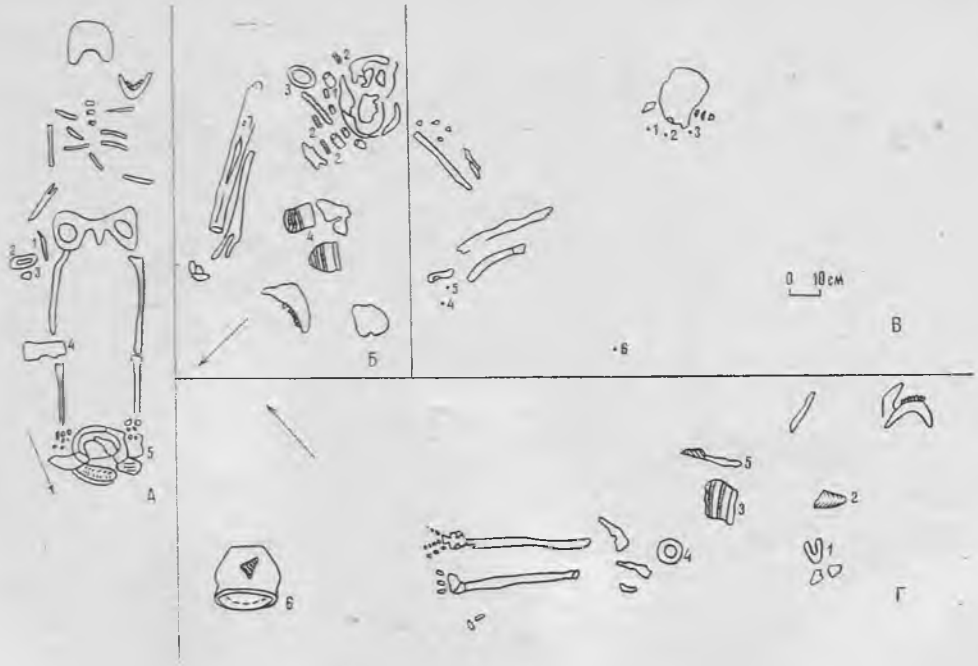

Рис. 5. Расположение вещей в погребениях

А — погребение 2—1: *1* — нож; *2* — калачевидное кресало; *3* — кремень; *4* — топор; *5* — раздавленный гончарный сосуд; **Б — погребение** *8—1: 1* — серебростеклянные бочонкообразные бусы; *2* — бронзовые спиральки; *3* — височное кольцо; *4* — фрагменты гончарного сосуда; **В — погребение 10—1:** *1* — бусы пастовые мелкие бесцветные; *2* — бусы мелкие зеленоватые; *3* — серебряное кольцо с заходящими концами; *4* — раздавленный гончарный сосуд; *5* — бронзовый браслет; *6* — фибула, **Г — погребение** 8—2: *1* — обломок кресала; *2* — кремень; *3* — венчик гончарного сосуда; *4* — поясное кольцо; *5* — нож; *6* — гончарный сосуд.

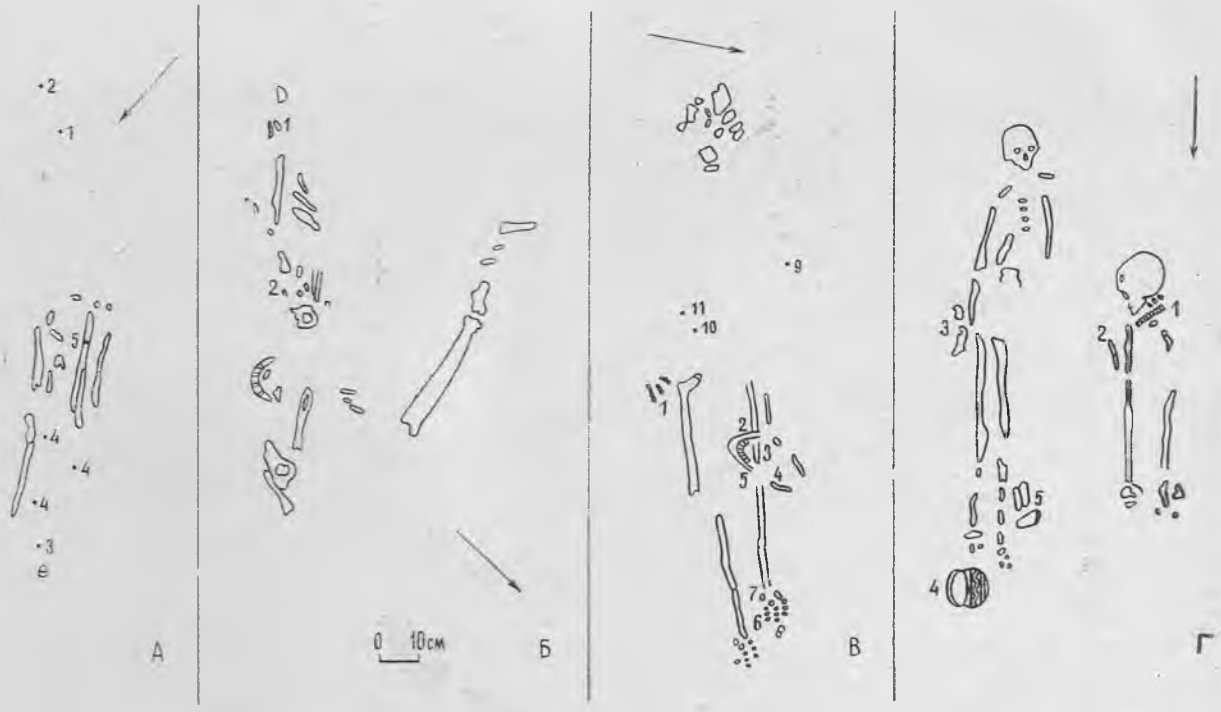

Рис. 6. Расположение вещей в погребениях

А — погребение 11—1: 1, *2* — гончарные сосуды; *3* — перстень; *4* — бирюзовый бисер; *5* — фр. железного изделия; **Б — погребение 11—2:** *1* — фибула; *2* — фрагменты гончарной керамики; **В — погребение 11—3:** *1* — перстень; *2* — мелкие пастовые бусины; *3* — фрагмент переплетенной бронзовой проволоки; *4* — бисер; *5* — коричневые цилиндрические бусины; *6* — нож; *7* — бубенчики; *8* — бусинка с желтой полоской по ребру; *9* — кольцо (височное?); *10* — фибула; *11* — кусочек ткани; **Г — погребения 12 а,б:** *1* — пастовые бусины; *2, 3* — ножи; *4* — горшок; *5* — фрагменты гончарной керамики.

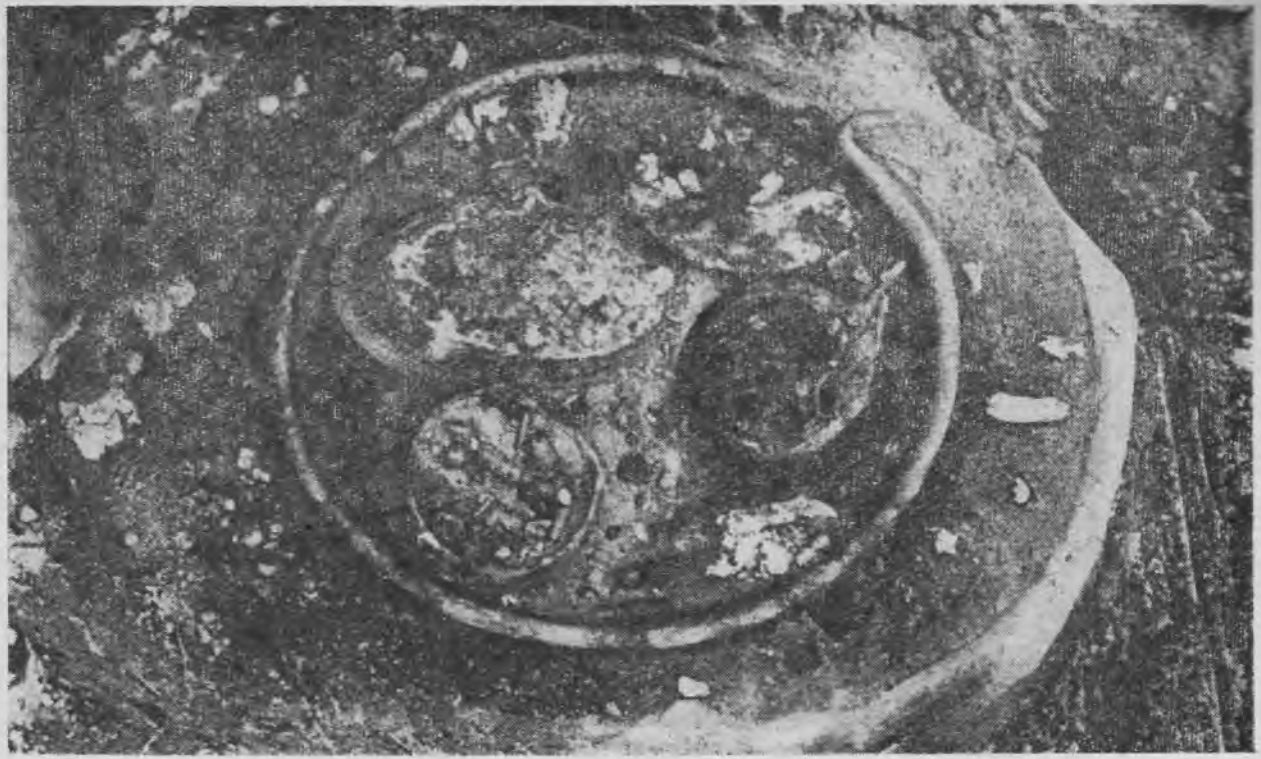

Рис. 7. Женское трупосожжение из кургана 9

Рис. 8. Вещи из трупосожжения кургана 9
1, 2 — фибулы; *3* — браслет; *4* — игольник.

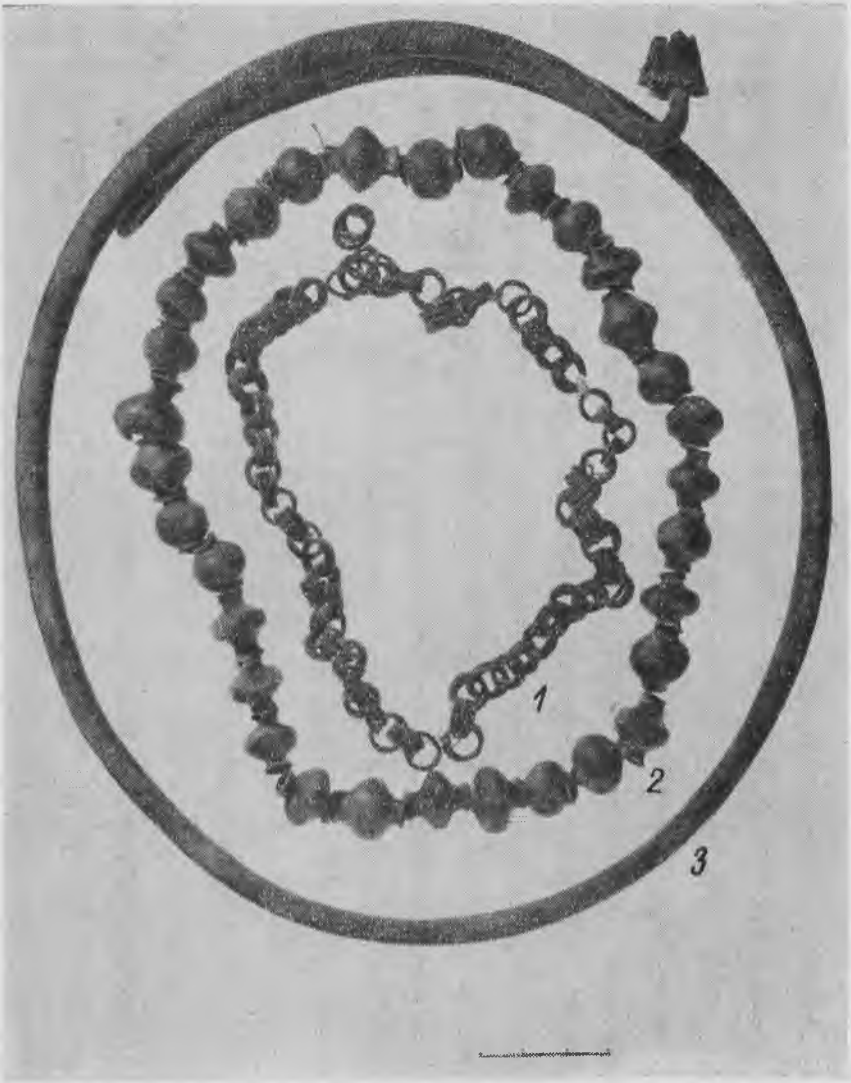

Рис. 9. Шейные украшения из погребения кургана 9
1 — цепочка; *2* — бусы-«флакончики»; *3* — гривна.

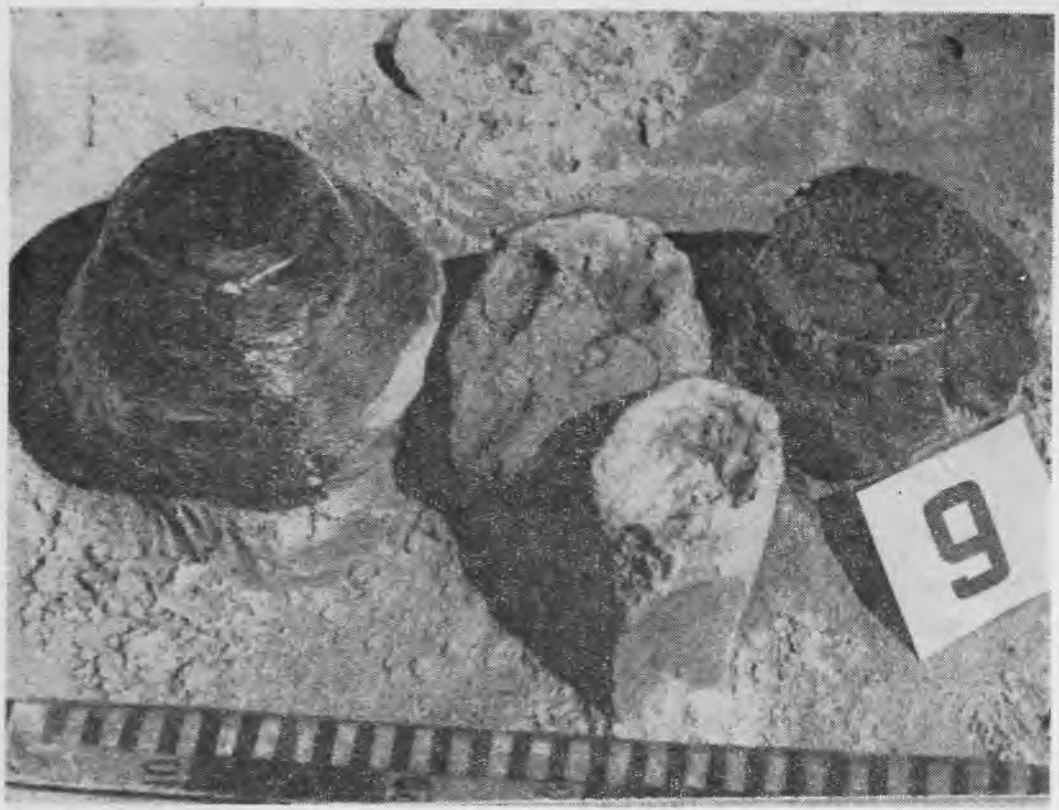

Рис. 10. Сосуды из кургана 9

М. Г. Косменко

ДВУСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В УСТЬЕ р. СУНЫ

Изучение древностей Карелии I тыс. н. э. сейчас в значительной мере находится на этапе накопления и систематизации фактического материала. К числу проблем, нуждающихся в первоочередной разработке, относится вопрос о поселениях рубежа I—II тыс. н. э. — основном источнике для характеристики образа жизни, хозяйства, быта и других сторон деятельности населения Карелии непосредственно перед включением ее в сферу влияния Новгорода. Отсутствие поселений, в частности принадлежащих курганной культуре юго-восточного Приладожья, серьезно ограничивает наши знания о хозяйственных занятиях местного населения в указанный период. Поселения на оз. Муромское (юго-восточный берег Онежского озера), частично раскопанные и описанные Н. Н. Гуриной [1], а впоследствии П. Э. Песонен [2] представлены исключительно керамикой последних столетий I — начала II тыс. н. э. Понятно, что столь небогатый материал позволил названным исследователям сделать ограниченные выводы; реальным результатом явилась фиксация типов керамики, характерных для поселений данного времени в районе Онежского озера.

Нужно заметить, что аналогичная или близкая по ряду признаков керамика имеется на нескольких, чаще всего многослойных памятниках южной Карелии, исследованных в рекогносцировочном плане главным образом Г. А. Панкрушевым. Судя по отчетам, речь идет не о долговременных, богатых материалом селищах, сравнимых с селищами оседлых земледельцев в более южных районах. Места, где они находятся, далеко не всегда пригодны для земледелия, например, поселе-

---

[1] *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада европейской части СССР.—МИА, 1961, № 87, с. 326—329.

[2] *Песонен П. Э.* Памятники раннего средневековья на Муромском озере.— Сб.: Археологические исследования в Карелии. Л., 1972, с. 95—102.

ния на Водлозере; в прочих же случаях материалы либо очень немногочисленны, либо не дают четких доказательств земледельческих занятий и оседлого образа жизни населения. На наш взгляд, их можно наиболее точно охарактеризовать как сравнительно кратковременные, вероятно опорные или торговые пункты вблизи основных водных путей, что, пожалуй, и определяет специфические черты селищ на рубеже I—II тыс. н. э.

Предлагаемое описание материалов двуслойного поселения Суна VI, открытого Г. А. Панкрушевым в 1961 г. и раскопанного автором в 1975—1976 гг., в какой-то мере дает представление о характерных особенностях таких поселений; достаточно оригинален и комплекс нижнего слоя, принадлежащий культуре сетчатой керамики в ее относительно ранней фазе.

Поселение Суна VI находится в 0,3 км западнее дер. Часовенская, между рекой и широкой заболоченной низиной — в древности небольшим заливом Онежского озера, на мысу низкой террасы правого берега, прислоненной к невысокому каменистому озу (рис. 1). По меньшей мере, в течение последних столетий узкая терраса (шириной до 10—15 м) подвергалась распашке, которая не нарушила положения культурных слоев, но, до некоторой степени, способствовала смешению разновременных культурных остатков.

Площадь поселения, вытянутого вдоль террасы, вместе с ближними периферийными участками не превышает 400—450 м². Наиболее богатый вещевым материалом участок культурного слоя — видимо, центр поселения — практически полностью вошел в пределы раскопа и шурфов[3] общей площадью 270 м². На мысу, между берегом реки и болотом, оставлен контрольный участок.

Наблюдения, сделанные в ходе раскопок, показывают, что в процессе формирования современного облика террасы значительную роль сыграла деятельность человека. В поперечном разрезе террасы (рис. 2) прослежена следующая типичная стратиграфия: дерн — 15 см; темно-серая плотная однообразная супесь с углистой прослойкой в основании — 20—80 см; пестроцветная супесь — 20 см; материковая беловатая глинистая супесь. Темно-серая супесь и подстилающая ее прослойка пестрой окраски имели неравномерную толщину. Пестроцветная супесь, в которой были сосредоточены находки нижнего культурного слоя, выклинивалась на расстоянии 4 м от борта террасы. У края террасы граница материковой глинистой супеси

[3] В 1962 г. Г. А. Панкрушев заложил шурф 8 м², который вошел в пределы раскопа.

принимала рваные очертания. Последнее свидетельствует о том, что во время существования нижнего культурного слоя и формирования прослойки пестрой супеси уровень воды в Онежском озере находился у самой границы поселения.

Темно-серая супесь, в которой залегают остатки верхнего культурного слоя, значительно утолщалась у борта террасы, вследствие чего уклон материка и современной поверхности расходились. Между тем углистая прослойка в основании верхнего культурного слоя имела уклон, близкий к древнему. Таким образом, основная масса темно-серой супеси, формирующей террасу, накопилась в течение последнего тысячелетия, если исходить из датировки верхнего культурного слоя.

Помимо естественных факторов — смыва и сползания грунта по склону, основную роль при накоплении темной супеси у края террасы играла вспашка и искусственное формирование края поля. Оказалось, что некоторые предметы из нижнего культурного слоя, выходящего к древней поверхности только у внутреннего края террасы, были выпаханы и оказались на уровне верхних горизонтов позднего культурного слоя, также потревоженных пахотой. Несмотря на указанные обстоятельства, оба культурных слоя на большей части площади поселения не были затронуты вспашкой и оба комплекса достаточно хорошо разделяются в типологическом, планиграфическом и стратиграфическом отношениях.

Кроме того, в пределах поселения, главным образом у самого борта террасы обнаружено небольшое количество керамики и других предметов от XVII в. до современности.

Нижний культурный слой, залегавший в прослойке пестрой супеси содержал сетчатую, немного штрихованной и асбестовой керамики, а также каменные орудия. Стратиграфически они не разделяются. Основное количество керамики указанных типов найдено в 4—8 м от борта террасы, где нижний культурный слой залегал на высоте 2,2—2,7 м над уровнем приустьевой части р. Суны, т. е. практически уже Онежского озера. По мере приближения к внутреннему и внешнему краям террасы насыщенность слоя резко падала и, таким образом, культурные остатки распространялись полосой шириной 4—6 м в средней части террасы на протяжении около 30 м (линии участков ГДЕ).

Четыре искусственных углубления в материковой глинистой супеси, а также очаг, обнаруженные на раскопе, относятся к нижнему слою поселения (рис. 2). Они располагались вдоль террасы в полосе максимальной концентрации находок.

В западной части раскопа (кв. Е—1) расчищен очаг почти

округлой формы диаметром 70 см, который прослеживался в виде линзы красновато-коричневой прокаленной глины толщиной 5—7 см с углистыми разводами по краям. Севернее его по поверхности материкового слоя тянулась углистая полоса длиной 150 см и шириной около 40, состоящая из тонких прерывистых прослоек угля, в которых найдено несколько фрагментов сетчатой керамики.

Далее по направлению к мысу (кв. ГДЕ — 2—4) вскрыта яма почти округлой формы котловидного сечения (80×100 см) глубиной более 45 см от поверхности материка. Она была заполнена сероватой супесью, содержавшей большое количество фрагментов сетчатой, отдельные черепки асбестовой керамики, изделия из кремня и кварца, кусочки охры и угли. К югу от ямы тянулась канавка с аналогичным заполнением длиной 2,8, шириной 0,8 м и глубиной около 10 см, в которой найдена сетчатая керамика, кремневый скребок, отщепы. Рядом с ямой и канавкой прослежены бугорки выброса высотой 5—10 см, состоящие из материкового грунта. Около ямы наблюдалось скопление камней. В 2 м западнее ее (кв. ДЕ — 4,5) находилась продолговатая яма размером 120×60 см и глубиной 15—20 см, заполненная сероватой супесью с угольками, в которой найдено несколько фрагментов сетчатой керамики. Южная часть ямы была окружена крупными камнями. Рядом с ней также прослежен бугорок выброса.

В западной части раскопа (кв. 8 Е—9) вскрыта заполненная сероватой супесью продолговатая яма (160×60 см) с плоским дном, вытянутая с юга на север глубиной 15 см. В ее северной части найдено несколько кварцевых и кремневых отщепов. По форме она напоминает могилу, но явных признаков погребения в ней не обнаружено. Костные остатки в нижнем слое вообще не сохранились. Рядом с ней (кв. Е — 9, 10) находилось овальное углубление размером 50×40 см и глубиной 5—7 см, заполненное сероватой супесью. В заполнении найдены 2 фрагмента сетчатой керамики и большой кусок охры.

Повышенная концентрация сетчатой керамики в раскопе наблюдалась несколько севернее ям, т. е. выше их по склону террасы, но и там четко выраженных крупных скоплений она не образует. Надо отметить, что различные типы керамики нижнего слоя не выделяются планиграфически; наоборот, немногочисленная штрихованная и асбестовая керамика встречалась в пунктах с повышенной концентрацией сетчатой керамики, главным образом у ям, а в одном случае и в яме. Вполне возможно, что все эти типы в данном случае принадлежат

одной или двум контактировавшим группам населения. Особенная близость наблюдается между сетчатой и штрихованной керамикой. Конечно, сетчатая и асбестовая керамика принадлежали населению, различному в культурном отношении, но их одновременность вполне допустима.

Сетчатая керамика представлена 292 фрагментами. Судя по хорошо выраженным индивидуальным особенностям орнамента, формам венчиков и степени профилировки верхней части (табл. 1) выделяется не менее 25 сосудов, сделанных от руки, красновато-желтого цвета, с примесью речного песка, реже дробленого кварца в тесте. Формы сосудов полностью не восстанавливаются, но, принимая во внимание все признаки, среди них можно выделить два типа.

К первому, наиболее распространенному типу, относится 19 довольно резко профилированных сосудов средних размеров. В целом их форма со значительной степенью вероятности реконструируется как бомбовидная, а у приземистых экземпляров как близкая к реповидной. Сосуды этого типа, по-видимому, большей частью круглодонные, во всяком случае, обнаружены обломки от 2 круглых, слегка приостренных днищ (рис. 3:9). Стенки достигают толщины 0,5 см; есть и более тонкие. Самая характерная черта — наличие более или менее выраженной шейки и сравнительно резкого перехода к слегка раздутому в верхней части тулову. Горло у некоторых сосудов имело легкий раструб. Торцы венчиков прямые (9 экз.), скошенные внутрь (8 экз.), реже приостренные (2 экз.). Все они, за исключением одного прямого, орнаментированы косыми оттисками зубчатого штампа. Острые венчики украшены по торцу и внешнему краю; такой же орнамент на всех скошенных венчиках.

Орнаментика довольно проста и устойчива (рис. 3:1—8). Преобладают следующие композиции: 1) горизонтальные ряды редких, крупных, круглых ямок на перегибе к тулову — 6 сосудов; 2) горизонтальные пояски из мелких ямок — наколов круглой или треугольной палочкой в сочетании с рядами оттисков тонкого двузубого штампа на середине шейки или на перегибе к тулову — 6 сосудов. Они наиболее свойственны сосудам с четкой профилировкой. Для слабо профилированных сосудов (7 экз.) более типичен орнамент из вертикальных косых или прямых оттисков зубчатого штампа по верхнему краю и на плечиках в сочетании с редкими крупными ямками, или, чаще всего, с зубчатыми поясками на перегибе к тулову. Орнамент нижней половины сосудов несложен и однообразен. На большинстве стенок наблюдаются редкие горизонтальные ряды

Таблица 1

Типы керамики поселения Суна VI

Слой	Части сосудов / Типы керамики	Венчики		Донца		Стенки		Всего	Сосудов
		орнаментирован.	неорнаментир.	орнаментирован.	неорнаментир.	орнаментирован.	неорнаментир.		
Нижний	Сетчатая	58	—	—	3	83	148	292	25
	Штрихованная	6	1	—	—	—	30	37	3
	Асбестовая	4	1	1	—	17	7	30	3—4
Верхний	Грубая лепная	—	83	—	17	—	336	436	Около 30
	Раннегончарная	—	4	—	7	1	47	59	3—4
Позднейший комплекс	Гончарная поздняя	—	19	—	8	13	80	120	8
	Всего:	68	108	1	35	114	648	974	

отдельных круглых ямок или мелких наколов. Лишь в одном случае круглые наколы сочетались с горизонтальными зубчатыми поясками.

Второй тип представлен шестью непрофилированными сосудами средних и небольших размеров с прямой неорнаментированной (кроме 2 экз.) верхней частью и прямо срезанным торцом венчика. Форма их точно не восстанавливается; скорее всего она колеблется между баночной и чашевидной. Сосуды данного типа, по-видимому, были с плоским или уплощенным днищем (найден обломок плоского днища). Они либо полностью лишены орнамента, либо, кроме «сетки», имеют узор в виде пояска из мелких ямок под венчиком или неглубокого прочерченного желобка (рис. 3:10). В целом нетрудно здесь увидеть сходство с орнаментом профилированных сосудов.

По всей видимости, вариацией второго типа сетчатой керамики является штрихованная керамика, представленная 38 фрагментами от 3 сосудов небольших размеров с прямым венчиком и непрофилированной верхней частью (табл. 1, рис. 3:11—13). Примесь в глине та же — песок или мелкие кварцевые зерна, но поверхность тулова покрыта штрихами — расчесами, сделанными, видимо, при помощи зубчатого штампа. Типичной гладкостенной керамики в нижнем слое нет. На фрагменте одного из сосудов с штриховкой заметен желобок, как и на сосуде второго типа с сетчатой поверхностью (рис. 3:13).

К нижнему слою относится 30 фрагментов от 3 сосудов с примесью асбеста в глине (табл. 1). Сохранилось несколько фрагментов верхней части от непрофилированных сосудов баночной или чашевидной формы с серой или красноватой поверхностью (рис. 3:14, 15) и плоское днище от сосуда с прямым венчиком, видимо, полностью орнаментированного поясками из вертикальных оттисков короткого зубчатого штампа. Имеется маленький сосуд без орнамента и, наконец, сосуд с утолщенным внутрь Г-образным венчиком, украшенный вертикальными зубчатыми зигзагами.

При раскопках найдено 1313 каменных предметов, среди которых выделено 230 орудий и нуклеусов (табл. 2). Столь обширный и довольно разнообразный набор каменных орудий на памятниках с сетчатой керамикой встречается не часто.

В коллекции преобладают предметы из местного материала — кварца, но орудий из него немного, чуть больше 10%. Это главным образом отщепы с ретушью и скребки. Степень утилизации разносортного привозного кремня гораздо выше

Таблица 2

Каменные орудия поселения Суна VI (нижний слой)

Типы орудий	Кремень	Кварц и кварцит	Сланец	Песчаник	Роговик	Всего
Нуклеусы призматические	—	4	—	—	1	5
Скребки	44	26	1	—	1	72
Скребла	—	—	1	—	—	1
Скобели	3	—	—	—	—	3
Резцы срединные	—	3	—	—	—	3
Ножи	1	—		—	—	1
Проколки	1	—	—	—	—	1
Наконечники стрел и обломки	7	1	—	—	—	8
Отщепы с ретушью	22	61	4	—	—	87
Топоры	—	—	5	—	—	5
Тесла	—	—	3	—	—	3
Долота	—	—	3	—	—	3
Стамески	—	—	4	—	1	5
Обломки и заготовки рубящих орудий	1	—	17	—	—	18
Шлифовальные плитки и точильные бруски	—	—	6	4	—	10
Молоты	—	—	2	—	—	2
Молотки сверленые	—	—	1	—	—	1
Грузила	—	2	—	—	—	2
Пластинки нересушированные	1	5	—	—	—	6
Нуклевидные куски	—	6	—	—	—	6
Отщепы и осколки	131	836	97	—	7	1071
Всего орудий	79	97	47	4	3	230
Всего предметов	211	944	144	4	10	1313

(более 37%). Основная масса орудий сделана из кремня, единичные экземпляры — из роговика. Из сланца изготовлены шлифованные орудия рубящего и долбящего типа, а также шлифовальные плитки.

В техническом отношении комплекс каменных орудий пред-

ставляется единым и иллюстрирует полное господство техники скалывания отщепов. Ножевидных пластинок только 6 экз. В данном случае нужно признать, что техника раскалывания почти не определялась качеством исходного сырья, но от его свойств зависел набор орудий. Практически все орудия сделаны из некрупных, иногда пластинчатых отщепов. Кварцевые нуклеусы с прямой подработанной площадкой многочисленны и представляют собой куски неправильно-призматической формы длиной до 5 см со следами скалывания отщепов и широких пластин с неправильным огранением (рис. 5:1, 2). Важно, что кремневые аналоги этим нуклеусам отсутствуют, а единственный роговиковый невыразителен.

Наиболее распространенная категория орудий — скребки, сделанные из отщепов, преимущественно кремневые, реже кварцевые и в единичных случаях из других пород камня. Можно выделить экземпляры концевых скребков из пластинчатых отщепов с ретушью на конце и по краям (рис. 4:7, 8, 13). Иногда их рабочий край сильно залощен от употребления. Основная масса скребков имеет форму, тяготеющую к округлой или подквадратной, и обработку ретушью по значительной части периметра (рис. 4:9, 12, 16, 22). Лишь в двух случаях плоская ретушь наблюдается на спинке концевых скребков (рис. 4:7, 8). В большинстве случаев форма орудия зависела от формы отщепа-заготовки и его конфигурация после нанесения ретуши изменялась лишь незначительным образом. Заметим, что для нижнего слоя Суны VI не характерны сегментовидные скребки, преобладающие на стоянке эпохи бронзы с сетчатой керамикой Усть-Рыбежна II в Ленинградской области[4], материалы которой могут считаться эталонными. Преобладание скребков полуовальных округлых форм в какой-то мере можно рассматривать как показатель более позднего возраста Суны VI[5]. В целом же скребки Суны VI не представляют собой морфологически устойчивую категорию орудий, хотя среди них можно выделить такие типы, как округлые, полуокруглые, подтреугольные, подквадратные. Кварцевые скребки по форме и обработке ретушью не отличаются от кремневых. Имеется фрагмент плоского сланцевого скребла, видимо, полукруглой формы, с хорошо отретушированным дугообразным рабочим краем. Кремневые скобели представляют собой отщепы с неглубокими ретушированными выемками шириной до 0,5 см, в одном слу-

[4] *Гурина Н. Н.* Древняя история.., с. 464, рис. 183.
[5] *Гурина Н. Н.* Указ. соч., с. 109.

час 1 см (рис. 4:21), обработанными мелкой, но сравнительно крутой ретушью.

Единственная проколка из отщепа кремнистой породы с трехгранным острием длиной 0,5 см, обработанным мелкими сколами невыразительна (рис. 4:28). Орудие миндалевидной формы, из толстого кремневого отщепа, видимо, применявшееся как нож, имеет слегка дугообразное лезвие длиной 5 см, приостренное путем двусторонней оббивки (рис. 4:10).

Наконечники стрел (рис. 4:1—6) в основном представлены обломками; сохранились лишь два целых экземпляра. Наконечник из кремня, вытянуто-треугольной формы длиной 8 см, с вогнутым основанием шириной 1,9 см, тщательно отделан плоской двусторонней ретушью. Другой, кварцевый листовидной формы наконечник из пластинки длиной 3,5 см подправлен ретушью по краям и на концах, причем у концов ретушь нанесена и на брюшке. Имеются части пера от трех длинных узких наконечников, один из которых обработан превосходной пильчатой ретушью. Прочие обломки — от средней части двусторонне-обработанных длинных узких наконечников. Для сравнения отметим, что на Суне VI, кроме одного обломка (рис. 4:3), нет наконечников сейминского типа, преобладающих на Усть-Рыбежье II[6]. Думается, что в этом следует видеть не только территориальное различие, выразившееся в преобладании на Суне VI наконечников стрел беломорского типа, но и свидетельство несколько более позднего возраста описываемого памятника.

Кварцевые срединные резцы на коротких отщепах выделены очень условно и имеют лезвия, образованные двумя короткими косыми сколами (рис. 5:3, 4). Впрочем, подобные орудия найдены и на Усть-Рыбежье II[7]. Кремневых аналогов этим орудиям нет; другие типы резцов отсутствуют. Поэтому точность функционального определения этих изделий как резцов только по морфологическому признаку в данном случае очень невысока.

Довольно много различных отщепов с ретушью — кремневых, сланцевых, но преимущественно кварцевых. Последние имеют короткие участки ретуши по краям и не обладают стабильной формой. Кремневые изделия этого рода в отдельных случаях являются обломками различных орудий.

Рубящие и долбящие орудия из зеленоватого сланца интересны тем, что среди них встречаются пережиточные неолити-

---

[6] *Гурина Н. Н.* Указ соч., рис. 182, 1—5, 7—9.
[7] *Гурина Н. Н.* Указ. соч., рис. 184, 18.

ческие или даже более ранние формы. Подобная устойчивость должна приниматься во внимание при работе над материалами стоянок со смешанными комплексами, включающими сетчатую керамику.

Топоры сравнительно однотипны. Отметим плоский топорик прямоугольного сечения размерами 6×4,5 см с шлифованным симметричным лезвием, сделанный из плитки сланца толщиной 1 см (рис. 6:5). Ему близок полностью шлифованный топор длиной 10 см с выкрошенным лезвием, немного более широким, чем обух (рис. 6:1). Кроме того, имеются два топора уплощенного сечения с расширенным лезвием и аналогичное орудие овального сечения.

Тесла русско-карельского типа с ассиметричным лезвием представлены двумя обломками рабочей части и целым экземпляром уплощенно-трапециевидного сечения длиной 8,7 и шириной 4,3 см (рис. 6:3). Грани у всех орудий хорошо выражены, лезвия почти прямые.

Три долота сделаны из брусочков сланца почти квадратного сечения. Особенно интересно орудие размером 8×1,2 см с двумя лезвиями: асимметричным с намеченными гранями и более тонким симметричным (рис. 6:10—12). Два других долота шириной до 1,5 см имеют асимметричные лезвия.

Стамески представляют собой плоские, частично или полностью шлифованные брусочки сланца длиной 4—6 см с симметрично (3 экз.) или ассиметрично (2 экз.) заточенным лезвием (рис. 6:7—9). Одна стамеска сделана из обломка тесла русско-карельского типа, другая — из продолговатого необработанного куска роговика и имеет забитое лезвие. К этому же комплексу относятся довольно многочисленные обломки и заготовки сланцевых орудий. Обратим внимание на оббитый кусок кремня длиной 4 см с вогнутым «смятым» лезвием и следами ударов на обушке. Вряд ли он представляет собой рубящее орудие невыразительной формы. Обитатели стоянки не шлифовали кремень и не делали из него крупных орудий.

Шлифовальные плитки и бруски, как правило, расколоты. Это обломки песчаниковых и сланцевых плит с плоской поверхностью, иногда заглаженной, иногда покрытой царапинами. Точильные бруски невелики по размерам и отличаются неровной поверхностью.

Два молота длиной 9 и 10 см сделаны из крупных сланцевых галек овального и почти треугольного сечения. На середине слегка выступающих ребер галек точечной техникой выбиты неглубокие желобки для привязывания (рис. 5:10—11). Основной боек у этих орудий округлой или подквадратной формы

диаметром около 5 см. Один из молотов имеет второй шлифованный узкий боек, частично сбитый при работе. Аналогичные изделия характерны для верхневолжских поселений с сетчатой керамикой: Борань, Станок, Минское городище[8]. Заслуживает внимания половинка слегка уплощенного сверленого сланцевого молотка или, что менее вероятно, топора с овальным бойком и шлифованной поверхностью (рис. 6:6). Односторонняя сверлина достигает диаметра 2 см; выходное отверстие вначале было намечено путем пикетажа. Бытование подобных орудий на поселениях с сетчатой керамикой фиксируется в редких случаях. Обломок молота с незаконченным сверлением имеется на стоянке Усть-Рыбежна II[9]. Обломки сверленых орудий типа молотков или топоров известны и на верхневолжских поселениях Борань и Станок, но, к сожалению, каменный инвентарь этих памятников уверенно не расчленяется по керамическим комплексам, среди которых есть и фатьяновский[10]. Связь таких изделий с сетчатой керамикой отрицают исследователи дьяковских городищ, где часты находки сверленых каменных орудий[11]. На Суне VI нет материалов фатьяновской или других культур, употреблявших сверленые молотки или топоры, а предположение о вторичном использовании этого орудия маловероятно: оно сломано в процессе изготовления. Поэтому мы считаем возможным синхронизировать его с сетчатой керамикой, к тому же возможность смешения с более ранними комплексами каменных орудий на Суне VI исключена: стоянки эпохи неолита и энеолита находятся выше по течению Суны на более высоких террасах.

Два кварцитовых грузила, сделаны из плоских плиток овальной и квадратной формы размерами до 5×4,5 см. На боковых гранях грузил выбиты симметричные желобки для привязывания (рис. 5:9).

Принципиальное сходство комплекса нижнего слоя Суны VI и ранних памятников с сетчатой керамикой в лесной полосе европейской части СССР не вызывает сомнений. Однако вопрос абсолютной датировки Суны VI следует рассмотреть подробнее. Она может проводиться по двум линиям: путем типологического сравнения с материалами поселений на Верхней Волге и севернее; по высотному методу и путем сопостав-

---

[8] *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье.— МИА, № 110, 1963, с. 106—107, 172, 174.

[9] *Гурина Н. Н.* Древняя история ..., рис. 107, 17.

[10] *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи бронзы ..., с. 90—98, 113.

[11] *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище.— В сб.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 243.

ления с материалами стоянок на Онежском озере, датированных этим методом.

Обратимся к памятникам смежных территорий. На дьяковских городищах Верхнего Поволжья сетчатая посуда бытует до III в. н. э.[12], причем сосуды бомбовидных форм с резко отогнутым венчиком встречаются обыкновенно в предматериковых слоях I половины — середины I тыс. до н. э. вместе с небольшим количеством штрихованной и гладкостенной керамики[13]. Сосуды на поселениях с сетчатой керамикой в Костромском Поволжье, таких как Борань, Станок, Шунга по форме и, пожалуй, орнаментации имеют много общего с нижним слоем Суны VI, а именно: профилировку, округлое или уплощенное дно, сходную орнаментацию. На Суне VI чаще применялся зубчатый штамп и нет орнамента из наколотых изнутри ямок. Каменный инвентарь верхневолжских поселений вследствие смешанности почти непригоден для сравнений, однако на поселении Шунга, отнесенном к середине I тыс. до н. э. зафиксирован небольшой, но довольно чистый комплекс с сетчатой керамикой в сопровождении каменных орудий, среди которых есть скребки и наконечники стрел[14]. Таким образом и на Верхней Волге каменные орудия употреблялись вплоть до эпохи раннего железа.

В Карелии и Ленинградской области известны стоянки с сетчатой керамикой, имеющие различный состав каменных орудий. По облику инвентаря Суна VI ближе таким ранним памятникам, как Усть-Рыбежна II или под Сопкой. В то же время на ней нет богато украшенных сосудов, напоминающих аналогичные сосуды стоянок эпохи бронзы[15], а каменный инвентарь имеет несколько более поздние черты. Обилие на Суне VI сланцевых орудий, характерных для Карелии, можно рассматривать как территориальную особенность. Временный характер первого поселения (нижний слой), надо полагать, послужил причиной отсутствия следов использования металла, с которым жители, разумеется, были знакомы. Заметим, что на стоянке Суна IX, расположенной на аналогичной террасе противоположного края берега, в 250 м западнее Суны VI, в таких же стратиграфических условиях вместе с кремневыми изделиями найден кусок железного шлака. Эту находку с должной осторож-

---

[12] *Смирнов К. А.* Дьяковская культура.— В сб.: Дьяковская культура, 1974, с. 79.

[13] *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры.— В сб.: Дьяковская культура, с. 130.

[14] *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи бронзы ... с. 145.

[15] *Гурина Н. Н.* Древняя история .., рис. 194, 195.

постью можно рассматривать как косвенное свидетельство знания приемов добычи железа населением Суны VI. Тем не менее нельзя точно утверждать, что ее обитатели умели добывать и использовать железо. В целом же нижний слой по типологическим данным можно отнести ко времени не позже середины I тыс. до н. э.

Датировка Суны VI по относительной высоте над Онежским озером в интерпретации Г. А. Панкрушева [16] расходится с типологической. По высотным данным, нижний слой датируется I в. до н. э. Проверить эту дату трудно, поскольку близкие по типу стоянки на Онежском озере иными способами так точно не датированы. Принимая ее за истинную, пришлось бы предположить переживание каменной индустрии и архаичных типов сетчатой керамики в южной Карелии вплоть до рубежа н. э. В принципе это допустимо, но в настоящее время не доказано. Кроме того, на стоянке Кудома XI на Сямозере, где найден серповидный железный нож приблизительно этого времени [17], комплекс с сетчатой керамикой, правда, несколько иного облика, явно не связывается с каменными орудиями. Поэтому более вероятной можно считать датировку типологическим методом, удревняющую нижний слой Суны VI по меньшей мере до середины I тыс. до н. э. Плоскодонная асбестовая керамика нижнего слоя вероятнее всего тоже относится к эпохе раннего железа, поскольку она характерна для стоянок типа Оровгубы, где был обнаружен горн и железные шлаки [18]. Она может быть синхронной сетчатой керамике Суны VI или более поздней.

* * *

Верхний культурный слой Суны VI характеризуется грубой лепной неорнаментированной керамикой и металлическими изделиями. Основной его горизонт залегал в средней и нижней части темно-серой супеси на 20—40 см выше слоя с сетчатой керамикой. В зоне контакта обоих слоев наблюдалось взаимопроникновение находок по многочисленным кротовинам. «Подошвой» верхнего слоя являлась углистая прослойка в основа-

---

[16] *Панкрушев Г. А.* Применение данных неотектоники для датировки древних поселений.— В сб.: Новые памятники истории древней Карелии. М.—Л., 1966.

[17] *Анпилогов А. В.* Древняя железоделательная мастерская на северном побережье оз. Сямозера.— В сб.: Новые памятники истории древней Карелии. М.—Л., 1966, рис. 3, 3.

[18] *Гурина Н. Н.* Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера— МИА, 1951, № 20, с. 132—133.

нии толщи серой супеси, наиболее мощная в центральной части раскопа. В процессе раскопок четко прослеживалось распространение основной массы материалов верхнего слоя у самого борта террасы, на 2—4 м ближе к нему, чем полоса находок нижнего слоя. Это несомненное свидетельство того, что во время существования верхнего слоя болотистая низина уже не являлась заливом Онежского озера. У края террасы наблюдалась и углистая прослойка, не затронутая позднейшей вспашкой.

В верхнем культурном слое не найдено остатков жилых сооружений и ям. Зафиксировано лишь интенсивное скопление железных шлаков в центре раскопа (кв. Е—7, 8) на уровне углистой прослойки, достигающей здесь толщины 5—7 см и несколько выше ее. В северной части кв. Е—8 обнаружено овальной формы вытянутое с севера на юг сплошное скопление угля и железных шлаков размерами 90×40—50 см (рис. 2). Видимо, здесь функционировал горн, от которого сохранились лишь крупные куски сильно обожженной или ошлакованной глины. Со значительной долей уверенности можно говорить о том, что он не представлял собой подобие ящика из камней, как это наблюдается на более ранних памятниках в Карелии, а был сделан из глины. Ее куски рассеяны по всей площади поселения в верхнем слое; крупные куски особенно многочисленны вокруг упомянутого пункта. Около предполагаемого горна в углистой прослойке найдены: кресало с бронзовой рукоятью, железный нож, орнаментированная бронзовая пластина и крупные фрагменты грубой лепной керамики. По мере удаления от этого места углистая прослойка становилась тонкой и порой прерывистой, но заметной на всей площади раскопа. Железные шлаки группировались только вокруг остатков горна; в какой-то мере это можно сказать и о керамике. Определенных пунктов концентрации металлических вещей не наблюдалось, хотя в целом они сосредоточены вокруг центральной части поселения. Бронзовые украшения и бусы найдены главным образом в восточной части раскопа; железные изделия чаще встречались в западной, т. е. ближе к берегу реки.

Основное количество находок в верхнем слое составили фрагменты грубой лепной плоскодонной керамики и небольшое количество сосудов, близких к ней, но сделанных на круге (табл. 1). Грубая лепная керамика представлена 436 обломками. Это прочные неорнаментированные черепки красноватого или темного цвета с неровной, бугристой поверхностью из-за примеси крупных зерен дробленого кварца или дресвы. Различие в цвете некоторых фрагментов первоначально может создать обманчивое впечатление о разнотипности керамики, но

внимательный просмотр показывает, что черепки темного цвета сильно закопчены и принадлежат крупным сосудам. Фрагменты красноватого цвета принадлежат сосудам меньших размеров.

Количество сосудов подсчитать труднее, так как индивидуальные особенности верхней части каждого из них выражены очень слабо, в частности отсутствует узор. Однако по мелким различиям: диаметра, формы шейки и торца венчика нами выделено не менее 30 сосудов.

Судя по крупным обломкам венчиков, на поселении бытовали две основные разновидности посуды. К первой относятся обломки 10—15 крупных сосудов диаметром примерно более 25 см. Форма их колеблется между баночной и горшковидной. Точнее определить форму затруднительно, впрочем, диаметр днищ примерно наполовину меньше диаметра устья. Хотя полные профили не восстановлены, все же нет оснований говорить о том, что они имели вытянутые пропорции; скорее всего это приземистые сосуды. Характерная их черта — наличие отогнутого венчика с прямым или скругленным торцом и неглубокой шейки шириной 2—5 см. Верхняя часть, таким образом, профилирована, но диаметр тулова не превышает или чуть превышает диаметр устья. Поверхность, как правило, закопчена, черепки имеют темный цвет (рис. 7:5—14).

Вторая разновидность представлена фрагментами от 15—20 типичных баночных сосудов приземистых пропорций с прямой или слегка профилированной верхней частью. Их размеры невелики; диаметр устья не превышает 15 см при значительном диаметре днища. Черепки от этих сосудов красноватого цвета. По всей видимости они служили в качестве столовой посуды и не использовались для варки пищи. Торцы венчиков чаще прямые, иногда скругленные (рис. 7:1—4).

Наконец, необходимо упомянуть о раннегончарной керамике. На поселении найдено 59 обломков от 3—4 сосудов, которые залегали в раскопе практически на одном уровне с грубой лепной керамикой и планиграфически от нее не отделялись. В типологическом отношении она мало отличается от грубой лепной, но резко противостоит гончарной керамике XVII в. и более поздней. У сосудов, сделанных на круге, также несколько отогнут венчик, днища не имеют закраин (рис. 7:15—18). Черепки темного или красноватого цвета с примесью песка и довольно шероховатой поверхностью, на которой все же заметны горизонтальные бороздки, образующиеся при формовке сосуда на круге. Шейку одного из сосудов опоясывает прочерченный желобок (рис. 7:17).

Из бронзы сделаны главным образом украшения, в частности привеска конической формы длиной 2,5 см и диаметром нижней части 2 см с отверстием на верхнем конце (рис. 8:1). Она датируется X — серединой XI вв. и является предметом, широко распространенным в среде угро-финских племен от Приладожья до Прикамья [19]. Вокруг основания конуса привески наблюдается утолщение с насечками. Подобные изделия найдены в раннем слое Белоозера [20], челмужских курганах [21], распространены они на рубеже нашего тысячелетия в могильниках Средней Волги, Вятки, Ветлуги [22] и т. д.

В западной части раскопа найден бронзовый литой наконечник ремня длиной 5 и шириной 1,4 см с закругленным концом и выемкой в противоположной части (рис. 8:9). На его тыльной стороне сохранились два шпенька, лицевая часть покрыта растительным орнаментом. Подобные изделия также широко бытуют в среде угро-финнов на рубеже I—II тыс. н. э. Добавим лишь, что наконечники, близкие по типу и орнаменту, известны в вычегодских древностях X—XI вв [23].

Найдено и два обломка подковообразных застежек (рис. 8: 2—3). Один из них, представляющий собой головку с частью дуги, обнаружен в верхних горизонтах серой супеси. Головка гладкая, граненая, пирамидальная с уплощенной вершиной. Узкая дуга плоскоовального сечения украшена с лицевой стороны пятью рядами точечных углублений. Аналогичные фибулы из курганов юго-восточного Приладожья датируются концом X — началом XI вв.[24]. На обломке дуги второй фибулы из круглого дрота диаметром 3 мм сохранилось сильно окисленное основание железной иглы.

Далее упомянем короткий обломок узкого браслета плоскоовального сечения, один конец которого толще другого, а также обломок бронзового изделия из круглого дрота, видимо, гривны или какого-то иного предмета с острым, слегка уплощенным с боков, крючком (рис. 8:5, 6), а также обломок бронзовой пряжки, форму которой трудно восстановить.

Орнаментированная пластина шириной 3 см, найденная в центре поселения, в древности была свернута в трубку. На

---

[19] *Голубева Л. А.* Археологические памятники веси на Белом озере.— СА, 1962, № 3, с. 58.

[20] Там же, с. 58.

[21] *Кочкуркина С. И.* Курганы северного побережья Онежского озера.— В сб.: Археологические исследования в Карелии. Л., 1972, с. 111.

[22] *Архипов Г. А.* Древние марийцы. Пошкар-Ола, 1973, с. 31.

[23] *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская. М., 1971, табл. 17; 12, 16.

[24] *Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв., Л., 1973, с. 31.

сохранившемся закругленном конце (другой конец обломан) имеется продолговатое отверстие — след от заклепки (рис. 8:7). Орнамент представляет «лесенку» с косыми перемычками — «ступеньками» из точечных углублений по краям пластинки, сочетающихся с группами из четырех незамкнутых кружков или полумесяцев, выбитых посредине пластины. Очевидно, это оковка или накладка. Имеется также трубочка с несомкнутыми краями диаметром 0,4 и длиной 5 см, сделанная из бронзовой пластинки.

К верхнему слою определенно относится кресало с бронзовой рукоятью длиной 6,5 см. На противоположных концах ажурной рукояти, орнаментированной параллельными желобками, имеются два отверстия (рис. 8: 8). Точные аналогии этому огниву нам неизвестны. Л. А. Голубева, специально изучавшая подобные предметы, полагает, что огнива, на рукоятях которых имеются реалистические изображения, датируются более ранним временем, чем огнива с рукоятями в виде орнаментальной схемы [25]. Следуя ее классификации, наше кресало со стилизованными птичьими головками можно датировать XI в. Вполне вероятно, что местные жители сами изготовляли некоторые предметы из бронзы: на поселении обнаружен бронзовый литок (рис. 8: 12).

В восточной части поселения найдены 2 бусины. Одна, из них прозрачная стеклянная, слегка сплюснутая с боков, другая пастовая, желтого цвета лимонка, представляющая собой фрагмент многочастной бусины (рис. 8: 13—14). Такие бусы в Белоозере и приладожских курганах относятся к X — началу XI вв.[26].

Среди железных вещей выделяется наконечник стрелы с ромбическим пером плоского сечения без упора при переходе к черешку. Кончик обломан, длина целого экземпляра более 8 см (рис. 8: 19). Аналогичный наконечник известен на селище Муромское IIIа [27]. Согласно А. Ф. Медведеву, наконечники этого типа характерны для северных районов Восточной Европы и датируются X—XI вв.[28]. Найдены 2 лезвия от довольно коротких ножей с прямой спинкой (рис. 8: 20) и несколько обломков черешков.

---

[25] *Голубева Л. А.* Огнива с бронзовыми рукоятями. — СА, 1964, № 3.

[26] *Голубева Л. А.* Археологические памятники веси ..., с. 64; *Кочкурина С. И.* Юго-восточное Приладожье .., с. 85.

[27] *Песонен П. Э.* Памятники раннего средневековья .., с. 98.

[28] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие VIII—XIV вв.— САИ, Е1—36, 1966, с. 42—58,

Возможно, что к комплексу верхнего слоя относятся также фрагмент железной оковки и железная стамеска с обломанным лезвием длиной 8 и шириной рабочей части 1,3 см (рис. 8: 21). Такие стамески известны в Новгороде, начиная с XI в.[29].

В центральной части поселения найдены обломок края железной сковороды (рис. 8: 15), часть рыболовного крючка и два предмета, напоминающие пластинчатые железные ключи (рис. 8: 10, 16). У обоих предметов обломан рабочий конец, но у одного сохранилась раздвоенная и закругленная ручка.

К числу не определенных в хронологическом отношении предметов относятся гвозди с круглой шляпкой, железные стерженьки, орудие с утолщенным концом типа кузнечного чекана и обломки неясных предметов.

Не вполне ясной остается принадлежность таких изделий, как обломок косы или серпа, кольца от удил, подковные гвозди, железная подковка. Вероятно, они относятся к позднему средневековью или современности и утеряны при обработке поля. К этому же времени принадлежат обломки от 8 гончарных, преимущественно белоглиняных сосудов с резко отогнутым венчиком и два медных нательных крестика. На шейку некоторых сосудов нанесен волнистый и поясковый орнамент. Они в целом довольно легко отделяются стратиграфически от верхнего слоя. Белоглиняная керамика залегала преимущественно на самой кромке террасы в пахотном слое на глубине до 60 см. Она датируется серебряной копейкой Михаила Федоровича (первая половина XVII в.), найденной у края террасы. Вероятно, монета фиксирует не самый ранний период жизни позднесредневековой деревни; вполне возможно, что она существовала и в XVI в.

В верхнем слое поселения Супа VI найден хотя и не очень богатый, но сравнительно хорошо датируемый вещевой комплекс. Большинство металлических предметов указывает на то, что оно существовало в X—XI вв. Относительно нижней хронологической границы можно высказаться весьма определенно: вещей или других признаков существования поселения в IX в. не имеется. Не следует думать, что причина этого в недостатке материала: вещей немного потому, что поселение было кратковременным. Верхняя хронологическая граница также не слишком расплывчата. Прежде всего заметим, что многие предметы относятся к X — середине XI вв. Далее здесь не найдено металлических вещей, отражающих славянское влияние, про-

---

[29] *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, № 65, 1959, рис. 26, с. 41, 43.

слеженное на материалах приладожских курганов, начиная с первой половины XI в.[30]. Важен и тот факт, что круговой керамики на поселении гораздо меньше, чем лепной, и совершенно нет раннегончарных сосудов с волнистым орнаментом или клеймами на днище. Создается впечатление, что гончарная керамика только начинала входить в обиход. В литературе высказана точка зрения, что лепная керамика на юго-востоке Приладожья была вытеснена гончарной к середине XI в.[31]. Верхнюю дату поселения Суна VI с известной осторожностью также можно ограничить серединой XI в., поскольку нет особых оснований предполагать задержку в применении гончарного круга на территории Прионежья. Основной период жизни поселения относится, видимо, к X — началу XI вв.

Гораздо сложнее вопрос о культурной принадлежности населения верхнего слоя Суны VI. Думается, что нет оснований отрицать финскую, в широком смысле этого слова принадлежность вещевого комплекса, ибо здесь отсутствуют типично славянские вещи, а такие предметы, как коническая привеска или кресало с бронзовой рукоятью характерны именно для финно-угорской среды.

При детализации сравнений в первую очередь следует обратить внимание на керамику — весьма важный источник для определения культурной принадлежности данного памятника. Многие из металлических вещей и бусы были импортированы и не характеризуют особенности местной культуры. По всем признакам лепная керамика верхнего слоя Суны VI, впрочем, как и металлические изделия, не отличается от аналогичных предметов из курганов юго-восточного Приладожья, будучи сходной с ней прежде всего по примеси и формам сосудов. Один из наиболее важных признаков сосудов Суны VI — отсутствие орнамента — в целом свойствен и приладожской лепной керамике, где количество черепков с узором очень незначительно[32].

Керамика Суны VI сходна с керамикой селищ на оз. Муромском почти по всем признакам. В то же время отмечено, что кружковый орнамент на одном из сосудов с поселения Муромское VIIа аналогичен узору на сосуде из кургана X —

---

[30] *Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье .., с. 68; *Тухтина Н. В.* Этнические особенности веси X—XII вв.— Автореф. канд. дис., М., 1976, с. 13—14.

[31] *Кочкуркина С. И.* Указ. соч., с. 47.

[32] Однако в древнем Белоозере керамика орнаментирована. *(Голубева Л. А.* Славяне и весь на Белом озере. М., 1973, рис. 56—57).

начала XI вв. у дер. Нюбинчи[33]. Этот факт подтверждает общее сходство глиняной посуды поселений типа Суны VI и муромских селищ с лепной курганной керамикой на юго-востоке Приладожья. Лепной ребристый горшок с кружковым орнаментом известен в комплексе древнейшей керамики Новгорода, но прямостенные баночные сосуды, имеющиеся и на Суне VI и в приладожских курганах, в общем нехарактерны для славянских памятников Северо-Запада СССР[34]. Что касается предположения автора статьи о муромских селищах, как о памятниках «лопи», с которой имел контакты в XIV в. православный отшельник Лазарь[35], то оно оторвано от материалов, датированных ею же не позже X—XI вв. и звучит особенно неубедительно после удачной параллели с приладожской керамикой.

Конечно не случайно, что короткий срок существования поселений на Онежском озере полностью совпадает с бытованием лепной керамики в курганах Приладожья. Немногочисленность поселений этого типа, по-видимому, обусловлена не столько неисследованностью района (впрочем, они открыты, надо полагать, далеко не все), сколько целым рядом исторических обстоятельств. По имеющимся данным, без особенных скидок на «слабую изученность» Обонежья, где довольно много работали археологи, заселение этой территории в X—XI вв. не носило массового характера и здесь не прослеживаются крупные компактные территориальные группы памятников этого времени. Известные памятники X—XI вв.— курганы у с. Челмужи[36], находки у Повенца[37] и у с. Кокорино в Уницкой губе[38] не меняют, а скорее дополняют такую картину. Отдельные поселения, в том числе Суна VI, представляли собой форпосты приладожской культуры на главных водных путях.

Можно предполагать, что основным стимулом при освоении северных территорий и водных путей были торговые интересы приладожского населения в период до ярко выраженного славянского влияния и установления новгородского административного контроля над этой территорией. Маловероятно, что

---

[33] *Песонен П. Э.* Памятники раннего средневековья ..., с. 101.

[34] *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода.— КСИА, 1976, вып. 146, с. 7, рис. 4, 3.

[35] *Песонен П. Э.* Указ. соч., с. 102.

[36] *Гроздилов Г. П.* Курганы у деревни Челмужи.— Археологический сборник. Петрозаводск, 1947, с. 111—114.

[37] *Станкевич Я. В.* Курганы юго-восточного Приладожья и Карело-Финской ССР.— Археологический сборник. Петрозаводск, 1947, рис. 3.

[38] *Равдоникас В. И.* Скандинавские находки в курганах Прионежья.— ПИДО, 1934, вып. 9—10.

в Прионежье селились преимущественно с целью обработки земли — таких данных у нас нет, об этот не свидетельствует и характер поселений. Торговые связи приладожцев, занимавших район вблизи балтийско-волжского торгового пути, хорошо известны и были наиболее интенсивными в X—XI вв.[39]. В северные области приладожское население, видимо, продвигалось в основном с целью добычи наиболее ходового товара — пушнины.

Список раннесредневековых поселений юго-восточной Карелии не исчерпывается упомянутыми памятниками, но другие поселения, в частности на Водлозере, действительно еще мало исследованы во всех отношениях, как и памятники более позднего времени. Тем не менее первые опыты раскопок на раннесредневековых поселениях юго-востока Карелии, несмотря на сложность задач их изучения, показывают перспективность работ в данном направлении.

---

[39] *Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье.., с. 78—80.

Рис. 1. Раскопки поселения Суна VI

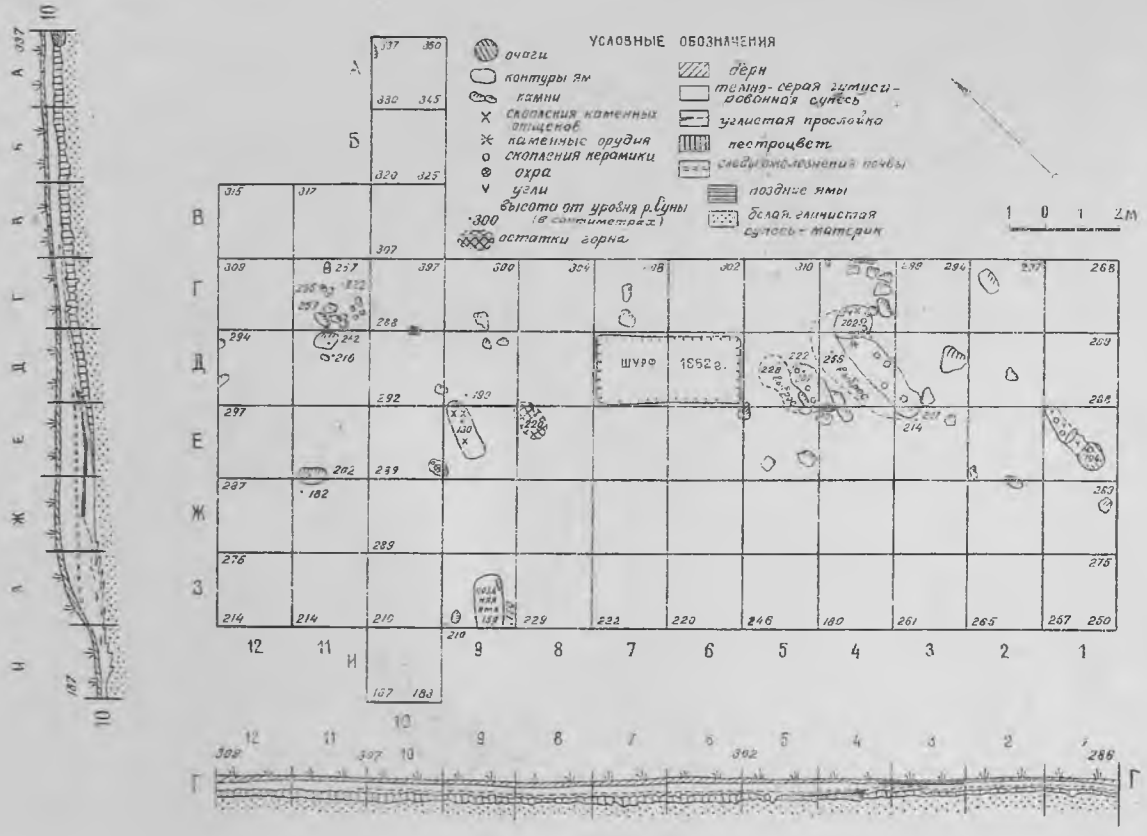

Рис. 2. Поселение Суна VI. План раскопа и стратиграфия

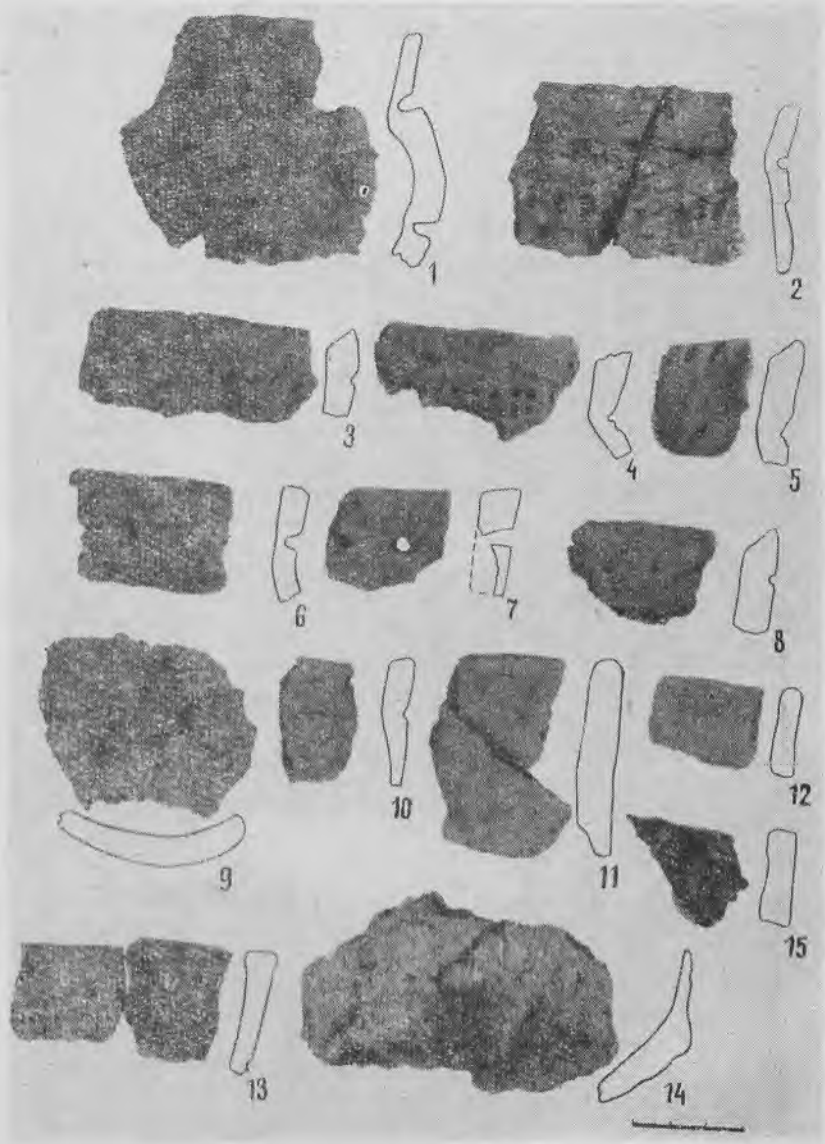

Рис. 3. Суна VI. Керамика нижнего слоя
1—10 — сетчатая; *11—13* — штрихованная; *14—15* — асбестовая.

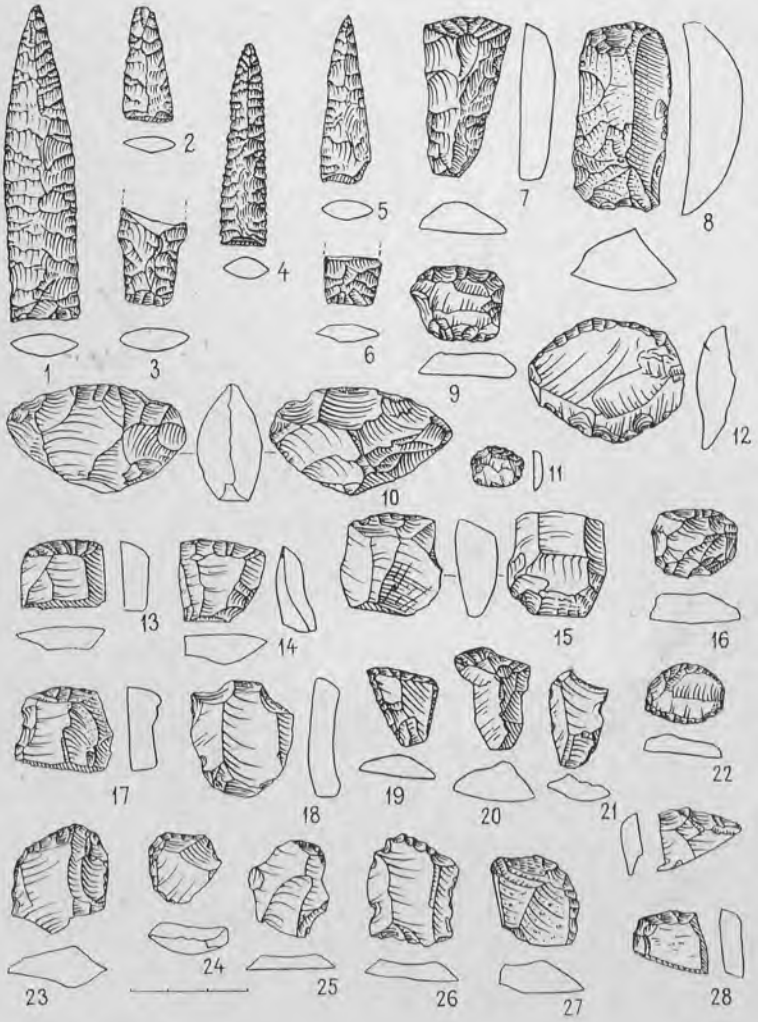

Рис. 4. Супа VI. Кремневые орудия нижнего слоя.

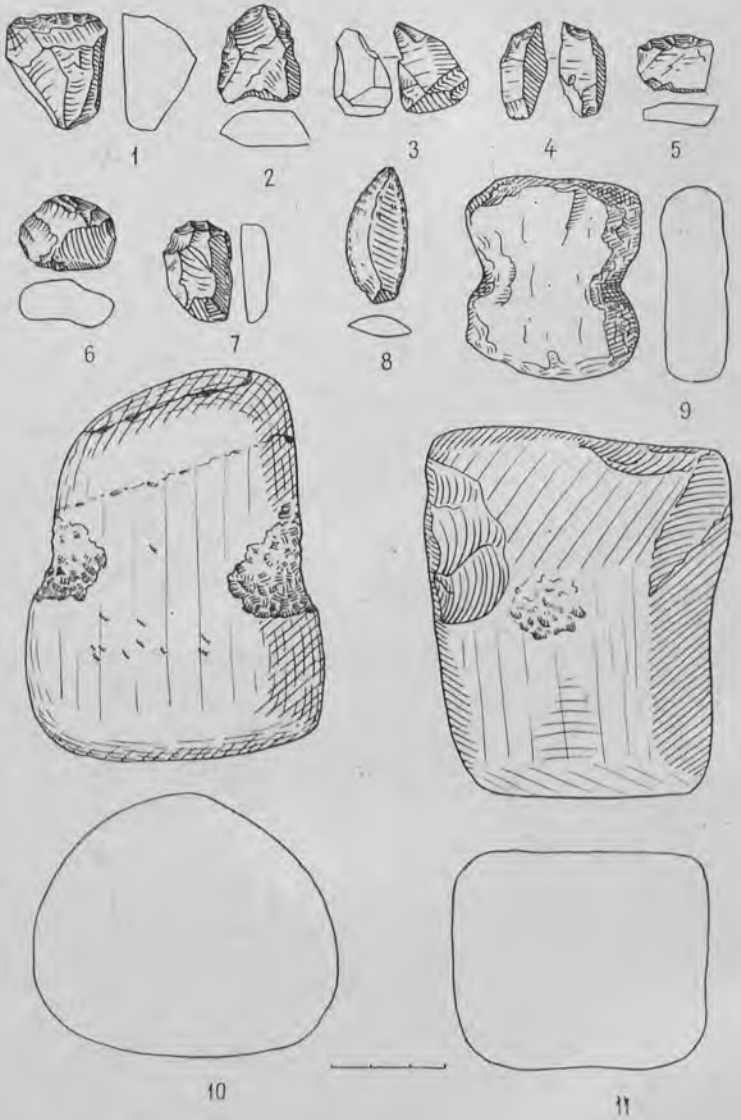

Рис. 5. Суна VI. Кварцевые и сланцевые орудия нижнего слоя.
1—9 — кварц и кварцит; *10—11* — сланец.

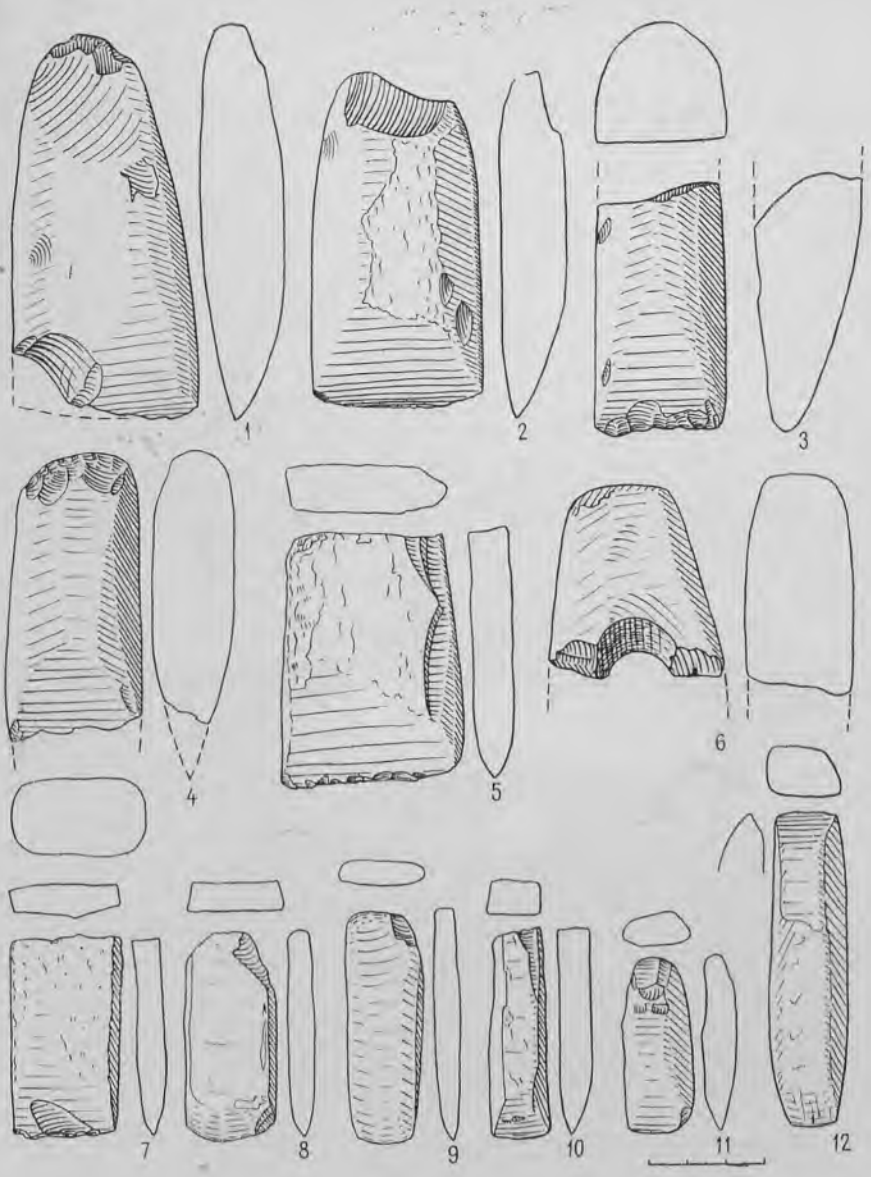

Рис. 6. Суна VI. Сланцевые орудия нижнего слоя.

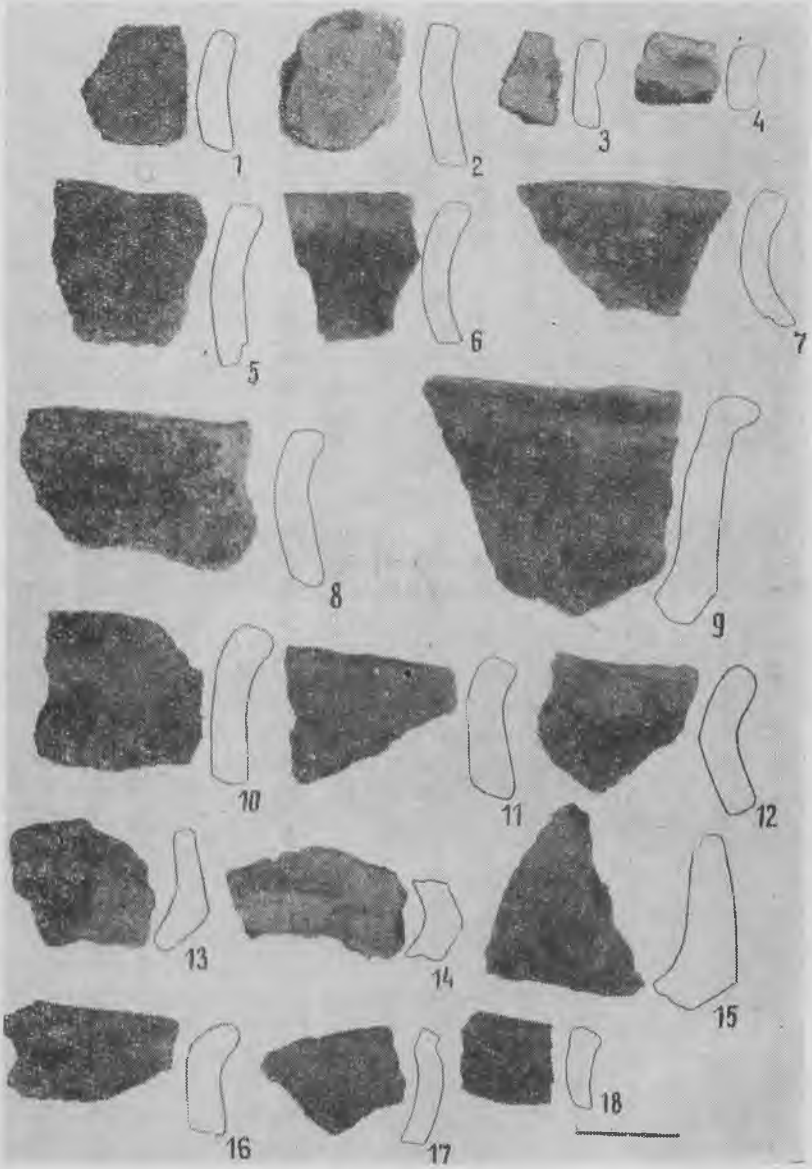

Рис. 7. Суна VI. Керамика верхнего слоя.
1—14 — обломки лепных сосудов, *15—18* — обломки сосудов, сделанных на круге.

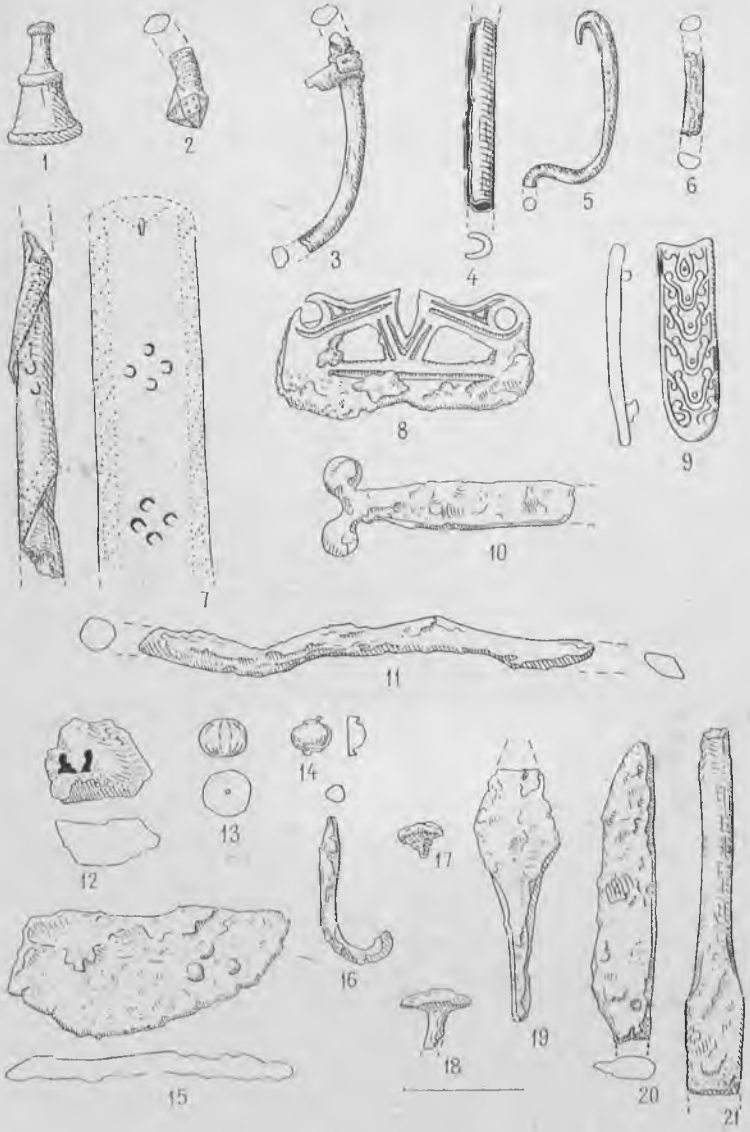

Рис. 8. Суна VI. Металлические изделия и бусы из верхнего слоя
1—9, 12 — бронза; *10, 11, 15—21* — железо; *13—14* — стекло.

Список сокращений

АИ	— Акты исторические
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
ЛОИИ	— Архив Ленинградского Отделения Института истории АН СССР
МАР	— Материалы по археологии России. СПб.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
РИБ	— Русская историческая библиотека
СА	— Советская археология
САИ	— Свод источников по археологии СССР.
СИМАИМ	— Сборник. Исследования и материалы артиллерийского Исторического музея
ЧОИДР	— Чтение в Обществе истории древностей Российских
ЦГАДА	— Центральный Государственный архив древних актов.
AA	— Acta Archaeologica. Kobenhavn.
ESA	—Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
MKA	— Muistsed kalmed ja aarded. Arheoloogiline kogumik. Tallinn, 1962.
RK	— Katalog der Ausstelung zum X archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga, 1896.
SM	— Suomen museo. Helsinki.
SMYA(FFT)	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja-Finska Forminnesföreningens Tidskrift. Helsinki-Helsingfors.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора 3

Ю. А. Савватеев. Археологические исследования на территории Карелии 5

С. И. Кочкуркина. Территория летописной корелы в XII—XIV вв. (по археологическим данным) 41

О. В. Овсянников, С. И. Кочкуркина. О древнем Олонце 71

С. И. Кочкуркина. Новые курганы в юго-восточном Приладожье . 113

М. Г. Косменко. Двуслойное поселение в устье р. Суны 136

Список сокращений 166